

Прошло всего полгода, как я попал на эту необъявленную войну, а кажется, минула вечность. Бесконечная череда боевых действий и бессмысленная глупость военной показухи в промежутках между боями. Но оглянись — и вроде недавно прибыл из солнечного и цветущего Ташкента в мрачный средневековый Кабул. Почти как путешествие на машине времени!

Эх, Никифор Ростовцев, бедная твоя голова да несчастные ноги... И на кой черт тебя сюда занесло? Нет тут никакого интернационализма и не было, словечко просто красивое придумали для оправдания этой войны!

Итак, продолжаем...

— Ник, привет! Как здоровье? — схватил меня за руку на плацу прапорщик Айзенберг, очень внимательно и сочувственно посмотрев мне в глаза.

— Здоровье? Здоровье — хорошее, самочувствие — плохое. Скоро лопну от злости, пора куда-нибудь в горы уйти, подальше от этих проклятых проверок и комиссий. А что вид у меня неважный? — разозлился я.

— Да нет, нет! Я просто так, — отвел в сторону глаза начальник батальонного медпункта.

— Впервые за полгода, ты «папа», моим здоровьем интересуешься. Даже удивительно.

В столовой мне дружески помахал рукой старший лейтенант Митрашу и присел на лавку рядом.

— Ник, как самочувствие?

— Да иди ты к черту! Парторг полка, медик, теперь ты — далось вам мое здоровье. За месяц никто ни о чем не спросит, а тут вдруг все интересуются, кто не попадется на глаза. Прямо настроение испортили с утра.

В проходе с подносом двигался, вернее катился, пухлый, почти круглый, начмед полка Дормидович. Он поставил поднос на наш столик и вежливо попросил Митрашу:

— Мелентий, не будешь так любезен уступить мне место, я с лейтенантом Ростовцевым хочу побеседовать.

— Да, да, конечно, — засуетился Митрашу и быстро убежал, унося свои грязные тарелки.

— Товарищ лейтенант! Как дела? Почему прививочки не делаем, все время отлыниваем? Вчера опять через черный ход сбежал.

— Ой, да не сбежал, а потихоньку удалился. Я терпеть не могу эти уколы. Ни разу не прививался и не болею, а все, кто с прививками, уже и тифом, и энтероколитом, и гепатитом, и малярией, и дизентерией, и паротитом переболели. Что еще забыл и не назвал? Холеру и чуму!

— Прививки — дело обязательное для всех, не мной это придумано, не мне и отменять, делать их всем необходимо. А вы с Острогиным, да еще в третьей роте Афоня всячески отлыниваете. Приходится загонять офицеров в клуб и, заставляя становиться в очередь со спущенными штанами. Вы же дружной компанией опять сбежали, я что мальчишка за вами бегать?! Хорошо еще флюорографию сделали, не поленились, наверное, потому что не больно?

— Ага! Флюорография — это один снимок в год, а на уколы каждый месяц по несколько раз направляете. Если все вколоть, что вами прописано, то не задница, а сплошное решето получится.

— Вот подобными рассуждениями свое здоровье и загубите. Но мы по-прежнему будем вас заставлять делать вакцинацию. Я, вообще-то, по другому поводу. Как общее состояние здоровья? Как самочувствие, ничего не беспокоит?

— Да что это за утро такое: не беспокоит, не болит? Что случилось?

— Попрошу сегодня взять медицинскую книжку и съездить в штаб армии, в гарнизонную поликлинику. Что-то не нравится мне «флюшка», какое-то затемнение на левом легком.

— Затемнение? Такое небольшое овальное?

— Да! А что? Давно это у тебя?

— Ай, черт, балбес я балбес! Это перед съемкой, когда я грудью к аппарату прислонился, личный номер на веревочке забросил на плечо, а он, наверное, сполз еще ниже на спину.

— Да? Правда? Ох, тяжелый камень с души снял, а я уже командованию полка доложил о вашем заболевании. Мы с терапевтом смотрели, смотрели в медпункте, решили, что пятно — раковая опухоль. А метастазы — это, очевидно, шнурок?

— Вероятно.

— Но ничего не попишешь, все равно необходимо сделать контрольный снимок.

— Не обойтись без него никак?

— Нет. Это приказ! Таков порядок.

— У меня сегодня работы на целый день. И из батальона никто не отпустит.

— Передай комбату, что это распоряжение командира полка. Сейчас же после завтрака подойди к санчасти, и тебя на машине подбросят до

развилки, в штаб армии. В кафе сходишь, мороженого покушаешь, вопросы, может, какие личные решишь, в магазинах дефициты всякие купишь.

— Что ж, если приказ, то, пожалуйста, отправлюсь сразу, прямо из-за стола.

* * *

Я догнал на плацу Мелентия.

— Ты чего темнил, о здоровье интересовался, кругами ходил. Не мог откровенно сказать о слухах в полку про мою «раковую опухоль»?

— Да неудобно как-то. А что стряслось у тебя, на самом деле рак?

— Ничего особенного, я жетон за спину перебросил, он и засветился на снимке пятном. Нет никакой опухоли.

— О, Ник, как я рад, а то уже сплетники заговорили — будто не жилец ты, вот-вот умрешь.

— Угу, я всех вас переживу. Лучше скажи, как орден будешь обмыывать? «Красная звезда» не каждый день вручается, а сегодня торжественное построение по этому поводу. За что получил?

— В общем, ни за что-то конкретное, а за год службы в нашем первом батальоне. Вот выстраданный первый орден за Панджшер, когда в горах полгода умирал безвылазно и чуть дистрофиком не стал, его просто нагло украли.

— Украли? Из чемодана, из сейфа?

— Нет, в штабе полка или в дивизии увели.

— Как это так получилось?

— В начале той операции ротного и взводного «духи» ранили, позже еще два взводных заболели, остался из офицеров я один. Должность заместителей командиров роты ввели на полгода позже, совсем недавно. Вот я да еще пара прапорщиков — все руководство потрепанной и замученной роты. В других — положение было не лучше. Ужас как тяжело было! В разгар кампании решили поощрить офицеров, прапорщиков, сержантов, солдат наградами. Представили и меня к «Красной звезде», а после Панджшера второй батальон из гарнизона закинули в «зеленку» на посты. Зимой приезжает начальник штаба батальона Семенов ко мне на заставу и поздравляет: «Видел наградные списки в дивизии, пришел тебе орден, накрывай стол командованию». Я, конечно, очень обрадовался. Поехал в дуكان, закупил фрукты, овощи, мясо, водку, зелень. Закатили пир на КП батальона. Через неделю попадаю в полк, а строевик мне говорит: «Нет, никакого ордена не было». Помнишь, служил такой красавчик, холеный, мордатый, надменный, начальник строевой части капитан Шалавин? Надо сказать, фамилия соответствует его сущности на сто процентов. Не выходя из штаба полка, получил он два ордена, но глав-

ное — за определенную «мзду» солдат увольнял пораньше. Плати пять тысяч «афгани» и езжай домой, да еще не как простой стрелок, а как сержант, командир отделения или механик, вдобавок на три месяца до срока. И преступления вроде нет — не подкопаешься. Жулик и разгильдяй звание получал и увольнялся, прослужив ровно два года, а не два года и три месяца, как рядовые в Афганестане служат. Вот и весь фокус. Послал меня Шалавин подальше, даже разговаривать не стал.

— А как же ты так лопухнулся? Надо было орденские книжки посмотреть, список награжденных потребовать, — возмутился я.

— Объясню: в строевой отдел приходят перечень награжденных, незаполненные орденские книжки, ордена и список их номеров. Только уже здесь в части вписывается номер ордена и фамилия того, кто награжден. А список всех награжденных — секретный, его обратно отправляют в штаб. Вот меня в нем вроде бы и не оказалось. Документ этот Шалавин показать наотрез отказался, сказал, что его якобы вернули в наградной отдел армии. А там все повязаны, одна шайка-лейка. Прапорщики-делопроизводители через год по одному или два ордена себе тайком оформляют, в зависимости от степени наглости. Все следы, в конце концов, замели; бывшие командир полка, начальник штаба и замполит, наверное, в доле были, вот и покрывали. Недели через две комбат Папанов приезжал, беседовал с руководством, вернулся и представил документы на орден вновь. Сказал, что все напутал наш капитан Семенов — ордена не было. Не было и точка! Но по лицу видно — оправдывается и скрывает, что произошло на самом деле. Ну, как можно такую фамилию, как моя, спутать? Что у нас в полку каждый второй Митрашу? А новое представление через месяц строевик вернул без реализации, как неправильно оформленное. Потом меня перебросили в первый батальон вместо погибшего Масленкина. Перевели в наказание: за грубость и неуважение к офицеру, старшему по званию и должности, то есть к капитану Шалавину. Он как-то пьяный мне на плацу попался и принялся отношения выяснять, дал я ему в глаз и слегка попинал. Судить меня не стали, огласки побоялись. А представление мое к ордену прошло только после замены Шалавина, с приходом Боченкина. И не поздравляй раньше времени, опять «сглазишь». Когда вручат, тогда только поверю. После вручения наград, вечером, милости прошу к столу в бытовку второй роты.

* * *

Штаб армии пребывал весь в движении, как муравейник в хорошую погоду. Тут располагалась группа представителей Генерального штаба, часть наших советников, служивших в Афганской армии, а также разведывательный центр, полк связи и множество других управленцев и тыловиков.

А я потихоньку личный вопрос надумал решить — вдруг получится. Знакомый подполковник отдела кадров узнал меня и удивленно спросил:

— Тебе чего, лейтенант?

— Да вот с бумагами приехал и хочу с вами побеседовать по личному делу.

— О чем?

— Нельзя ли перевестись в другую часть?

— Какую часть? Куда? Воевать уже надоело? Устал от первого батальона?

— Да нет. Устал, но не от войны, а от нашего образцового полка. В спецназ или десантуру, куда-нибудь подальше от Кабула нельзя ли перейти?

— В спецназе капитанские должности, а это повышение, его надо заслужить!

— Заслужить повышение? Так я с капитанской на старлейскую в Афган прибыл, добровольно, да вроде бы никто и не спрашивал, согласен на понижение или нет.

— Это совсем другое было дело — выполнение интернационального долга, но если бы какие иные обстоятельства открылись. Для повышения повод необходим, заслуги нужны, награды.

— Меня к ордену полгода назад представили, возврата не было, по срокам в апреле-мае должен прийти.

— Ну вот, как наградят, так и приходи, подумаем под коньячок. Понятно?

— Легче легкого, хоть ящик, лишь бы из этого «дурдома» сбежать.

— Думаешь в спецназе легче? Там боевых выходов, может, даже больше, чем в восьмидесятом полку.

— Я не от войны бегу, а от показухи вперемешку с войной.

— Ну-ну, беги. Подумаем, попробуем. Все же, может, лучше не срывать с места? Как в коллективе обстановка?

— Рота отличная, батальон хороший, но я морально устал без отдыха после боев, психовать начинаю, скоро «крыша поедет». Бирки, планы, в третий раз ленинскую комнату переделываю, сколько же можно?

— Хорошо, хорошо, иди, еще думай, пока время есть.

* * *

В поликлинике возле кабинета флюорографии вдоль стены сидела длинная очередь из солдат и офицеров. Я взял номерок на прием и решил прогуляться в «стекляшку», кафе-мороженицу.

Порция пломбира в чашечке напомнила детство. Лимонад, пирожное, музыка... Все столики заняты штабными офицерами, женщинами-

вольнораемными. Никто никуда не торопится, отдыхают люди, веселятся, в распорядке работы заведения вечером предусматривались даже танцы. А у нас никакого света в конце туннеля. Каторга какая-то... Однажды на мой вопрос об отсутствии выходных после рейда я получил строгое внушение от инспектирующего: «В воюющей армии отдыха и праздников быть не может! — рявкнул солидный полковник. — Выходные планируйте после войны, в Союзе!» А стало быть, рядом, в километре от полка — для кого-то полный набор развлечений.

Все места в кафе оказались заняты, и пришлось перекусить прямо у стойки. И тут мы чужие на этом «празднике жизни».

Очередь к врачу тем временем дошла и до меня.

— Что случилось, что беспокоит, товарищ лейтенант? — спросил встревоженно толстый, круглолицый майор, читая направление из медпункта.

— А ничего не болит. Произошла нелепая случайность, скажем так: недоразумение. Мне кажется, что затемнение на снимке — это личный номер, я его не снял, вот и получилось пятнышко.

Медик заулыбался, взглядываясь в снимок.

— А хочешь, мы сейчас его увеличим и сможем прочесть?

— Хочу!

— Сейчас, подожди немножко.

Он поколдовал над аппаратурой и торжественно объявил:

— МО СССР номер Р-307648. И еще что-то нацарапано неразборчиво. Правильно?

— Точно, нацарапанное — это имя и фамилия. Я же говорил об этом в полку, но медицина решила перестраховаться.

— Как служба, как воюешь? Тяжело? — участливо спросил рентгенолог. — Нет желания отдохнуть в отпуске? Могу помочь с путевочкой в Крым, в Сочи или еще куда-нибудь. В полку такой возможности нет и не будет.

— Конечно, конечно, хочу! В отпуск вот-вот выгонят.

— А чтобы путевка была наверняка — пойми, я ведь не сам все решаю, нужно для ускорения процесса две с половиной тысячи «афашек».

— Да у меня нет «пайсы».

— Как нет? В рейдовом батальоне и нет «афганей»? Вы же деньгами сорите.

Я сердито встал, взял медкнижку и пошел к выходу, обернувшись, со злостью ответил:

— Это мародеры деньгами сорят и тыловое ворье, а у нас боевое подразделение, а не шайка грабителей. А если и пьют, то свою получку пропивают.

И вышел, хлопнув дверью, не прощаясь.

Балбес, теперь за свой счет отдыхать придется, не сдержался. Но ведь какое мурло сидит тут в тепле и чужие деньги считает, ребят, которые из «зеленки» не вылезают, обирает. Крыса тыловая!

* * *

— Ник! Живой! А сказали: ты издох, — весело встретил Острогин мое возвращение. — Гуляешь по штабам, а мы тут в рейд собираемся.

— Куда? Когда?

— В район Дехи-Нау, послезавтра!

— Вот это хорошо, развеемся. Скорей бы отсюда, подальше от начальственных глупостей. Над чем корпишь?

— Журналы боевой подготовки за все взвода необходимо до выхода представить. Эдик расписание занятий и ротный журнал унес показывать. Кстати, тебя уже спрашивал Муссолини.

— Зачем?

— Планы какие-то принести и листовки получить.

— Черт! Знают же, что в поликлинику ездил, бумаги полковые отвозил, мороженого спокойно не поесть.

— Мороженого? Где?

— В кафе. Там и мороженое, и танцы, и коньяк вечером подают.

— А как же фраза «мы все на фронте, а на фронте не отдыхают». И про сухой закон забыли? Да, Ник?

— «Каждому свое», как в Бухенвальде. Еще и путевку на курорт медик купить предлагал.

— Купил?

— Нет, у него сдачи не нашлось! Я так хотел его физиомордию по столу размазать. В полку, говорит, таких путевок не бывает. Они у них в штабе все «застревают».

— Ерунда. Подойди к начмеду и попроси, я вчера оформил путевку в Ялту. В июне поеду отдыхать: море, девочки, сухое вино... Мечта! Завидуй! Облизывайся!

— Завидую, прохиндей! Как выпросил?

— Да никак. Пришел, поговорил по душам — и порядок! Я с ним в Панджшер на броне входил...

— Трепач. Пойди, попроси... Все у тебя легко! Связи кругом: дядюшка в посольстве, папа в Совмине. Как ты тут очутился с такими «волосатыми лапами»? Не понимаю. Одним словом — князь! Ладно перебежусь без путевки, в Сибирь поеду загорать.

— Иди к начмеду, он звонил, тебя спрашивал, а путевку обязательно попроси, гарантирую, все будет нормально — поможет.

* * *

— Как дела? Все хорошо? — встретил меня с надеждой в голосе Дормидович.

— Так, как я и думал, пятно на спине — это номерок. Но рентгенолог — сволочь!

— Почему? Что такое?

— За взятку путевку предлагал — в любое место и в любое время.

— Ох, негодяй! Из штаба носа не высовывает, а на ребятах наживается! А куда хочешь поехать?

— Да это просто так, к слову, я у него ничего даже и не просил, он сам навязывался. Вообще-то, готов хоть куда, меня в конце месяца отправляют в Союз, на море делать нечего, может, в Пятигорск?

— Есть путевка в Кисловодск, отложить?

— С боевых вернусь и зайду оформить, можно?

— Конечно, подходи. Рад, что ты здоров, удачи и долгих лет жизни.

— Спасибо!

Довольный, я вышел из санчасти. Везет. Здоров и отдых обеспечен. Ура!

* * *

Вечером комбат производил осмотр офицеров.

— Предупреждаю в последний раз! Быть в уставной форме — в х/б. Не как анархист Ростовцев, в «песочнике» спецназовском, в маскхалате. И Луковкину запрещаю выделяться, рейнджер нашелся, выпендривается в горном костюме.

— Товарищ майор, могу подарить комплект, — встрял Юрик в речь Василия Ивановича. — А то вы в «афганке» да в «афганке».

— Вам слова никто не давал. Еще раз перебеешь — получишь выговор. Далее: тельняшки, футболки, кроссовки носить запрещаю! Только сапоги и ботинки, нательное белье, все в касках и бронежилетах. Прежде чем требовать, сами должны являться примером подчиненным, особенно замполиты! Капитан Лонгинов, проведение строевого смотра офицеров и прапорщиков назначаю в семь тридцать утра.

— Сразу с мешками и оружием? — встревоженно спросил лейтенант Шерстнев. — Не успеем.

— Да, Шерстнев, попался ты наконец-то на глаза! Пожалуйста, не ходи моей тропой, не люблю, когда пьют из чашки комбата. Моя чашка священна!

Стоящие в строю громко засмеялись.

— О чем вы, товарищ майор?

— Прапорщики могут быть свободны.

— Вот так, опять облом на самом интересном месте, — громко вздохнул Бодунов.

— Итак, продолжаю: зашел я сегодня в одно место, а там Шерстнев в моих тапочках и чай пьет из моей любимой чашки! Сегодня тапочки одел, кружку облизал, а завтра что будет, а, Олежек? Что еще оближешь?

— Ничего не будет.

— А женщина может понадеяться, поверить. Даже думать не могли об этом, ишь, молочный брат объявился. Жилин, ты его чаще в караул ставь. Все караулы третьей роты с сегодняшнего дня Шерстнева. Это мой приказ!

— За что? Я к ней туда случайно заглянул, чай попить с вареньем. В первый раз, ей богу!

— Куда, куда ты заглянул? Что за гнусный намек?

— Ха-ха-ха, — вновь засмеялся весь строй.

— Вот теперь второго раза точно не будет, под халатик не залезешь, и котлеты комбата будут в целостности и сохранности.

— Вы неправильно поняли, я оговорился, не то хотел сказать. Только одну котлетку съел и то чуть не подавился под вашим строгим взглядом.

— Я тебе эту котлетку до замены не забуду. Оговорился он! Разойдись!

Все гурьбой обступили Олега. Похлопывали по плечу, смеялись, успокаивали как могли.

— То-то Василий Иванович взбешен, сам не свой от злости почему-то, а это Олежка его с кровати «стюардессы» теснит, — ухмыльнулся Афоня.

— Никого я не теснил, даже и не думал, случайно получилось.

— Все в жизни случайно и совсем не специально, — улыбался Мелещенко. — Теперь комбат заест роту на боевых. Ну, ты и смельчак! Подорожнику дорогу перешел, в кровать залез.

— Болваны, сразу у всех черные мысли.

— Нет, не у всех, — улыбнулся Арамов. — Я уверен: у тебя были только чистые помыслы — объесть комбата, отомстить за обиды через желудок. Ха-ха-ха!

— А ну вас, идите к черту! — и он ушел, громко матерясь.

— Попал Олег в немилость и надолго, — глубокомысленно изрек Афоня. — Не ложись не в свои сани, особенно без презерватива! Молочный брат! Ха-ха-ха...

В казарме стоял невероятный шум и галдеж. Рота суежилась, комплектовала мешки и набирая боеприпасы.

Что же делать с обувью? Имеются только кроссовки и туфли, сапоги сгорели у костра в Баграмке — подошва правого «дутьша» полностью расплавилась.

— Ветишка, Серега!

— Что? — откликнулся взводный.

— Тебе на сборах по горной подготовке ботинки выдали?

— Выдали.

— Не уступишь?

— Они сорок третьего размера. Тяжелые. Подков с шипами на них накручено штук по шесть на каждый, но по леднику ходить будет удобно. А там снежные вершины вроде придется штурмовать.

— Великоваты немного, но выбирать не из чего. Давай, черт с ними. Сам в чем пойдешь?

— В полусапожках. Пошли в каптерку, бахилы старшина куда-то спрятал.

Шипов и подковок, действительно, было очень много. Тяжелые, гады, каждый ботинок весом килограмма полтора. Ноги мои ноги, как вас жаль.

Осторожно постучав, в дверь кто-то вошел. Я оглянулся и обомлел — в проходе, опираясь на палочку и при этом раскачиваясь, стоял самодовольный Сашка Корнилов.

— Откуда ты взялся, Саня?

— От в-верблюда! Из отпуска по б-болезни, после двух операций. М-мениски оперировали на обеих ногах, вот теперь п-прибыл для дальнейшего прохождения службы. Н-назначен во второй б-батальон замом командира шестой роты. По горам х-ходить здоровье не позволяет.

— А что, комиссовать не могли? — удивился я.

— Н-нет, признали г-годным. В полку, п-правда, п-пожалели, вошли в мое п-положение — перевели, колени-то еще п-побаливают. А как д-дела в роте? К-кто вами командует?

— Эдик Грыммов.

— Ух, ты? Б-быстро растет!

— Ротный вообще-то не он, а Сбитнев, помнишь взводного из третьей роты? Но он в госпитале, ранен в лицо, осколком полчелюсти снесло.

— Д-дела.... А п-почему не Острогин?

— Почему, почему. Серж ведь как «князь», то в одном месте характер покажет, то в другом. Одним словом, не благонадежен, не внушает доверия руководству. Тебя, Сашка, честно говоря, со времен последнего твоего рейда в Майданхшехре, не чаял больше увидеть.

И я, улыбнувшись, вспомнил давние события.

Сашка в тот раз ушиб колено, выпрыгивая из вертолета, а после еще и оступился. Позже на подъеме к задаче еще раз подвернул ногу и совсем захромал. Вздыхал, стонал, скрипел зубами, но шел — а куда денешься! — благо высота была рядом от места десантирования. Неделю Корнилов лежал на вершине, и даже прочесывать кишлак с его взводом пошел я.

Возвращаться пришлось к броне километров двадцать пешком, и не по прямой, а вниз-вверх. Вертолеты, жаль, не прилетели.

— Лейтенант, Корнилов! Берешь провожатым Худайбердыева и спускаешься впереди роты, — распорядился капитан Кавун. — Через нас пройдет весь батальон, а уж только потом мы. Чтобы тебе не отстать, иди-ка ты, дружище, впереди всех.

Здоровенный сержант подхватил вещмешок взводного, и они ушли по хребту, в сторону приближающейся техники. Идти по горам и без груза тяжело, а навьюченному — и подавно. Внизу, в ущелье, лежал, растянувшись до самой долины, огромный кишлак. Возле домов бродил скот, женщины работали на крошечных земельных участках, бегала детвора. Почему-то население не ушло, наверное, не успели, очень уж мы внезапно и быстро окружили район, блокировав вершины и проходы.

Пехота неделю просидела наверху, осматривая только отдельные дома и развалины, а населенный пункт прочесали афганцы: «ХАД» (госбезопасность) и «царандой» (МВД). Они немного постреляли, что-то сожгли. Затем ушли дикой, гадающей толпой, напоминающей цыганский табор.

И вот взвод за взводом батальон проходил через мои позиции. Впереди двигались управление батальона и новый замполит, капитан Грицина, он приветливо помахал мне рукой. Капитан только сменил ушедшего на повышение Сидоренко. Неплохой мужик, но очень суетливый. Да еще с Семеном Лонгиновым сдружился и стал брать с него пример. В рейд тогда Константин Николаевич шел в первый и, как оказалось, последний раз. Натянул на себя, сдуру, тяжелый двенадцатикилограммовый бронежилет, каску, высокие горные ботинки, к автомату прицепил подствольник и взял снаряжение с гранатами к нему. В мешке тащил больше тысячи патронов — весь цинк по совету Семена высыпал.

Сумасшедший! Рост у него, конечно, приличный. Наверное, сто девяносто сантиметров, но силы он все же не рассчитал. Я слышал, как на плацу замкомбата его инструктировал, что, мол, взять нужно с собой восемь гранат, патронов побольше, «муху», бинокль, дымовые шашки, ракеты.

Тяжелый бронежилет в горы нести на себе — это уже слишком. Он бы еще артиллерийский, двадцати четырехкилограммовый, с толстыми пластинами для защиты паха, нацепил. Эти «латы», когда на броне едут, иногда одевают. Кто очень боится. В таком бронике зам. по тылу полка Ломако, чтобы получить орден, проехал единственный раз — когда назна-

чили его старшим колонны «наливняков» — в Хайратон и обратно. Неделю потом о своем «подвиге» в полку при каждом удобном и неудобном случае офицерам напоминал.

И вот ушел батальон, а затем и наша рота. Часов через пять мы спустились с хребта. В замыкании вновь я, командуя «умирающими».

Степа-медик нес вещмешок Царегородцева, а я — его автомат, самого же солдата под руку тащил сержант Назимов. Хорошо, что ослабел только один боец. В долине медленно передвигался взвод обеспечения. Последним шел высокий сержант с двумя мешками и двумя бронежилетами, далее еще один с двумя автоматами и «мухой». Во главе отряда, загребая ногами песок, судорожно дергая при передвижении, всем телом, шествовал замполит батальона. Его гимнастерка на спине насквозь пропиталась потом.

— Константин Николаевич, что случилось? — взволнованно и с участием спросил я. — Чем помочь?

— Все х...хр...х..., нормаль... хр... но, — ответил Грицина еле слышно и с надрывом. Хриплое дыхание вырывалось изо рта, на губах пена, бледное лицо цвета серой застиранной солдатской простыни. Он слабо махнул рукой и побрел вперед. До техники оставалось метров пятьсот, ну да ладно, сам дойдет.

Возле машин нас встретил зам.комбата Лонгинов, как всегда самодовольный, похожий на древнего рыцаря из музея, в своем неснимаемом бронежилете и каске. Здоровья у человека на троих!

— Как дела, Николаич? — с легкой насмешкой поинтересовался он у Грицины, с трудом передвигающего ноги.

— Семен... х...хр...х. Это было хр...х... ужасно..., — и, схватив поднесенную полулитровую кружку с компотом, осушил ее до дна. — Семен... хр...х... — это кошмар. Ноги хр...х... онемели, мышцы... хр..., как камень.

Зам.комбата снисходительно улыбнулся в ответ и переключил свое внимание на меня.

— Все вышли? Никто не отстал?

— Нет, вот Царегородцева вынесли, больше позади никого нет.

Лонгинов поднес к глазам бинокль и нацелил его в сторону кишлака.

— Еп...ть. Есть еще люди, твою мать! Замполит, как никого? Ты посмотри, что творится: ваши мародеры из кишлака выбираютя! — и протянул мне бинокль.

Мимо убогих строений, опираясь на автомат и какой-то тонкий шест, медленно возвращался Сашка Корнилов, поддерживаемый сержантом. Шли не спеша, о чем-то мирно беседуя, да и как можно торопиться, хромя на обе ноги.

— лейтенант! Ты почему спустился в кишлак? — бешено заорал капитан, когда они подошли к нам поближе.

— А что н-надо было идти обратно в г-горы? — ухмыльнулся Сашка.
— Вы должны были следовать в составе колонны батальона по хребту, в горах. Это «духовской» кишлак, а вы, как последние идиоты, поперлись в него. Кто разрешил?

— Ротный с-сказал, идите вперед, а то х-хромаешь, отстанешь, а с-сержант — мой сопровождающий. Я еле-еле д-двигаюсь, обе ноги п-повредил.

— Вы, товарищ лейтенант, лучше бы голову повредили, может, она думать бы начала. Ротный! Кавун, ко мне!

Иван подошел и спросил:

— Что произошло? Что за крик?

— Почему твой лейтенант самовольно по кишлакам бродит?

— Чего ты на меня орешь? — резко ответил Иван.

— Я на вас, товарищ капитан, не ору, — сразу понизил тон Лонгинов и перешел на «вы». — Разберитесь с офицерами, не рота, а сброд.

— Полегче на поворотах, не сброд, а лучшая рота в полку. Разберемся, товарищ капитан.

Бронежилет (Лонгинов) ушел с Константином Николаевичем, о чем-то переговариваясь, а Иван внимательно посмотрел в глаза обоим «следопытам» и рявкнул:

— Сержант, отнеси все вещи на свое БМП!

Подождав, когда Худайбердыев отошел подальше, взял за пуговицу Сашку и, притянув к себе, сказал:

— Дуракам порой везет. Идиот! Пойми, там «духов» больше, чем извилин в твоих мозгах!

— Что всего-то д-десяток «духов»? — попытался смягчить ситуацию глупой шуткой Корнилов.

— Дать бы по твоей физиономии хорошенько. Не строй из себя полного идиота. Чтобы вас обоих найти, в случае чего, целая армейская операция нужна. Горло перережут и в яму с отбросами кинут. Как и не было вас на земле никогда. Иди и думай.

— Иван! Т-ты же сам велел, иди в-вниз, впереди роты. Вот я и п-п — пошел.

— Думал, что сказал для умных, а оказалось...

По прибытию в полк Корнилов исчез — быстро и надолго растворился в госпиталях. Зачем нарисовался сейчас, спустя полгода? А Константин Николаевич после того похода тоже слег: сердце не выдержало, а потом нашел «лазейку» и перевелся в штаб, в другой полк.

Зачем Саня сейчас пришел, чтобы злорадствовать? Может, завидует или скучает по нашему коллективу? На заставе два года сидеть почти безвылазно тоже не сахар, а тоска смертельная. Это как два года в коло-

нии общего режима. От однообразия такой жизни можно чокнуться, завывать и на стенку полезть.

– Сашка, извини, но мне с тобой трепаться некогда, завтра уходим, а дел невпроворот.

– Да, да, п-понимаю! У вас «с-своя свадьба, у нас своя». А ж-жалъ... Х-хорошо, зайду, как-нибудь позднее... — и он ушел с грустным лицом. Сдваивать буквы в словах так и не прекратил! Балбес рисующийся.

Ох, и красотища! Если бы я был художником или туристом, наверняка бы так выразился. Горные вершины стояли в снежном обрамлении и искрились в солнечных лучах.

«Какой кошмар! — однако подумал я, так как был пехотинцем. Опять спать в снегу, как в прошлый Новый год».

— Эдик, нет возражений, если я пойду с Мараскановым?

— А почему именно с ним?

— Взводный — человек в роте новый, только из отпуска, душа его расслаблена и настроена еще на мирный лад. Людей не знает, местность ему не знакома.

— Что ж, иди, если не хочешь быть на КП роты. Ты почему-то дистанцируешься от меня, — угрюмо произнес Грымов. — Какая-то несовместимость у нас с тобой, словно каменная стена стоит между нами. Командир роты с заместителем так служить не должны. Придется кому-то уйти — и явно не мне.

— И не мне тоже, потому что с командиром роты у меня полное взаимопонимание. А от тебя одни подлости.

— Надеешься на возвращение Сбитнева? Ну-ну... — произнес он угрожающим тоном.

— Уверен, что он вернется. Вот тогда и посмотрим, кто в роте лишний.

Тяжелый, недобрый взгляд не сулил ничего хорошего, ну да ладно, переживем, не собираюсь подстраиваться под этого высокомерного выскочку.

— Что ж, иди с третьим взводом. Я им тогда ставлю задачу — закрепиться на высоте три тысячи восемьдесят метров, вот точка, подойди, Игорь, посмотри на карте, — и Эдуард указал маршрут движения.

Старший лейтенант только удивленно захлопал глазами, тяжело вздохнул, но ничего не произнес. Когда взвод двинулся к вершине, он, недоумевая, спросил:

— Почему это интересно Грымов задачу поменял? Взвод должен на километр ближе быть и метров на триста пониже, а теперь мы на самом удаленном участке.

— Это — тайны «мадридского двора», все наши «дворцовые интриги». Я решил с тобой идти, вот он и заслал нас в самую трудную точку. Не любит, когда ему правду говорят, что он Сбитнева почти похоронил.

Просто списал, как боевые потери. Ну и черт с ним, Игорешь, прогуляемся еще несколько лишних километров.

Снег лежал, хорошо смерзшийся, спрессованный, однако перегруженные солдаты все же проваливались в него по колено. Вытягивая ногу из одного следа, ставили ее в другой, и постепенно от распада до вершины образовались две параллельные цепочки из круглых ямок. Бойцы — пулеметчики вспарывали снежный наст, будто плугом, проваливаясь через каждые пару шагов по пояс под тяжестью неподъемного вооружения.

Лебедков, пунцово-красный как вареный рак, полз на четвереньках под тяжестью гранатомета. Эти лишние двадцать пять килограмм не разделишь на двоих, все достается одному. Поэтому гранатомет в чехле пристегнут к спине, вещмешок болтается на груди, автомат — в руках. Ползет как трактор, пашущий целину. Через пару часов сержант совершенно выбился из сил, и пришлось взять его автомат.

— Юра, давай напрягайся, не отставай, еще немного и пойдем на спуск, он пологий, как по катку съедем.

— С горочки катить хорошо, но ведь затем вновь вверх лезть, и чем глубже скатимся, тем тяжелее подниматься потом, — вздохнул сержант.

— Чем я тебя могу приободрить? Маши крыльями «лебедь» и курлычь, может, получится да взлетишь!

Лебедков тяжело вздохнул и, сплунув, прохрипел:

— С этой «дурой» взлетишь, как же, только шею сломаешь! Разве что мина подкинет в небо.

На ближайшей вершине короткий привал, а таких подъемов придется преодолеть еще два. Кошмар! Вот это романтика, мать ее!!!

— Вперед, вперед, быстрее! — заорал Грымов. — Комбат недоволен, что отстаем, все уже на задачах, одни мы еле тащимся.

— У них точки поближе, а нам от техники сегодня приходится дальше всех топать, — простонал Острогин. — Почему такая несправедливость, почему я в тыловики или технари не пошел?

— Серж, ты лучше тогда в финансисты б двинул, получку без очереди получали бы, — усмехнулся Ветишин.

— А еще лучше «ГСМщиком», спирт всегда под рукой, и нам отливало бы, — мечтательно произнес Бодунов.

— Ребята, если бы Острогин занимал эти должности, то с нами бы он и не здоровался. Вы посмотрите: он среди нас как граф или князь какой держится, а возле этих материальных ценностей простых пехотинцев в упор замечать не будет, — улыбнулся я.

— Ну, почему ты так о людях плохо думаешь, по себе судишь, а? Кто тебя бесплатно минералкой и лимонадом поит, салатами, шпротами и лососями кормит? Кто? Молчишь! Вот тебе, неблагодарный, я точно спирта не отлил бы!

— Иди Серж, лучше отлей за камень, пока на горе сидим, и не выступай, а не то сейчас вниз пойдём, некогда будет, съехидничал я.

— Бывают у нашего Ника умные мысли, пойду, пока руки окончательно не замерзли, штаны расстегну самостоятельно.

— Можно подумать, даже если ты настоящий граф, кто-то будет тебе помогать и это концевое изделие из штанов вытаскивать, — язвительно произнес Грымов, до сих пор не встретивший в разговор. — Беги быстрее за камень, да смотри, чтоб ветром на нас ничего не принесло.

Солдаты, подстелив под задницы и спины бронежилеты, поехали, как на сани, в распадок. У кого не получалось — катились кубарем.

— Лебедков, дай-ка мне свой броник! — рявкнул Эдуард.

— Товарищ лейтенант, а как же я? Как спущусь?

— Поедешь на АГС: садись верхом, держись за ствол и вниз со свистом.

Грымов стянул бронежилет с сержанта и, усевшись, с громкими воплями покатился, но наскочил на камень и закувыркался до впадины.

— Серезка, что тебе это напоминает? Какую картину? — поинтересовался я у Ветишина.

— «Переход Суворова через Альпы».

— А мне — «перелет Грымова через Гиндукуш».

— Ха-ха-ха... — дружно засмеялись мы втроем.

— Что ж, ребята, покатымся или поедем? — спросил Марасканов.

— Ехать не на чем, я побегу, — ответил Острогин и попытался проскакать по снежному насту. Ничего из этого не вышло, и он кубарем укатился вниз до самого дна.

— Ты как хочешь, Игорь, а я покачусь, ползти по поясу в снегу не хочу.

— Что ж, попробуем.

Я отшвырнул мешок подальше, и он, подпрыгивая, улетел в ущелье. Затем, прижав автомат к груди и закрыв глаза, лег и покатился сам. Снег забил глаза, рот, нос, но через две минуты под громкий смех тоже оказался внизу. Все отфыркивались, отряхивались от снега, выбивали его из обуви. Спуск каждого вновь прибывшего солдата и офицера встречался дружным хохотом.

Веселье быстро закончилось: предстоял подъем на очередную вершину.

* * *

Неделю рота прочесывала плато. За это время с природой произошли разительные перемены. Резко потеплело, снег и лед растаяли, отовсюду потекли по расщелинам ручейки, соединяющиеся в речушки, которые, сливаясь, превращались в мощные потоки воды. Ни снега, ни льда как и не бывало, только кое-где в овражках белели небольшие пятна.

— Чего ты приперся? — неласково спросил я поднимающегося на нашу точку Острогина. — Почему не разыскиваешь трофеи?

— А сам почему не ищешь? Ты у нас в роте первая розыскная собака! Отцы-командиры, лучше пойдем делать исторические кадры: «купание красных офицеров» в горной реке зимой! — заорал Серж, когда добрался до нас. — Я захватил с собой в рейд фотоаппарат, а Ветишин подойдет через несколько минут. Будет классный групповой портрет на фоне этих «альпийских видов». А ты грубишь.

— «Купание красных офицеров» — это как «Купание красного коня»? — поинтересовался я. — Нас потом овсом кормить еще больше начнут. А чего ты Сережку бросил, он без тебя справится?

— Да чего там справляться, саперы разминировали избушки, только одна и нашлась мина в этой долине «духов». Мина совсем древняя, года три как установлена, старая, ржавая.

— Уходить будем — поставим новую, — усмехнулся я.

— Нашли еще чего-нибудь? — спросил Марасканов.

— Пока ничего. «Летеха» с взводами сейчас те дальние овечьи кошары осмотрит и вернется к нам. Пусто там, ничего нет, либо унесли все, либо не было никаких боеприпасов. Без Шипилова, покойного, ничего не находим. Вот у кого нюх был! Как вы на отшибе, не замерзли? У нас и лед уже совсем подтаял, а тут кое-где белеет.

— Да ничего, терпимо. В Кандагаре, конечно, теплее, я снега два года не видел, уже забыл, как он выглядит, — улыбнулся Игорь.

— Игорек, а что случилось с тобой, почему к нам «сослали» из спецназа? — поинтересовался Острогин.

— Глупая история. За острый язык и несдержанность. Солдат солдата топором зарубил, начальник политотдела принялся орать, что комсомолец убил комсомольца, работа воспитательная не ведется, каких-то протоколов собраний не оказалось. Я вспылил, принялся спорить, ну а он припомнил взводного, которого осудили за «мародерство» тремя месяцами раньше, дескать, наблюдается увеличение грубых нарушений дисциплины членами ВЛКСМ. И вот я не переизбран и отправлен в пехоту. Вообще-то, если бы не послал его подальше — все бы обошлось, но я не сдержался. Вот и в отпуск вовремя не уехал, и со званием кинули, уже капитаном должен был стать, а в результате — вновь взвод и по-прежнему старший лейтенант.

— Игорь, как старлей ты нам больше нравишься, с капитаном из спецназа мы уже послужили, до сих пор запасы одеколona батальон восстановить не может. Очень ты нам симпатичен, и дружный коллектив первой роты принимает тебя в свои ряды. Уверен, с честью оправдаешь наше доверие и к концу года возглавишь роту, — торжественно произнес я.

— Ник, большое спасибо, но, ребята, ваше доверие я лучше оправдаю в Союзе. Осталось три месяца служить, вы уж как-нибудь без меня, пожалуйста, обойдитесь.

— Это настоящая катастрофа! А как я отлично пристроился! У Игоря здоровья — вагон! Громадный ватный спальник в горы приволок, я же налегке шел с транзистором. Эх, скоро придется опять себе лежак носить.

— А что места на двоих хватает? — удивился Острогин.

— Конечно, я худощавый, Игорь тоже стройный, рядом можно еще «летеху» положить. Мы не то что ты: культурист, атлет, Геракл. Жрешь за троих, спишь за двоих, нос отхватил на четверых. Повернешь им — прогкнешь, а мозгов взял — на одного...

— Но-но, замполит, интеллект попрошу не трогать. Мой ум, как и мой красивый греческий нос — неприкосновенны и неповторимы. Ты посмотри, какой профиль, как на барельефе! — гордо произнес Серж.

— Одно слово — граф, — согласился я. — Как тебя такого породистого сохранили до сих пор. Почему предков в восемнадцатом году не шлепнули?

— Родственников лишь сослали в Казахстан, наверное, им повезло. Если бы история тогда повернулась по-иному, то вы у меня на конюшне бы работали или на плантациях.

— Серж, у тебя фамилия вообще-то не дворянская, а больше каторжная — Острогин! Тюрьмой отдает и ссылкой, — возразил Игорь.

— Что это вы моего тезку обижаете? — вступился за «графа» поднявшийся на точку Ветишин. — За что такого золотого парня обижаете?

— Вот хотя бы одна родственная душа, брат ты мой, Сережка! Буду фотографировать только тебя, пошли они к черту. Крестьяне!

— По повадкам замполит тоже из дворян. Спальник носить не хочет, дрыхнет в чужом, одевается не как все — в «песочник» или «горник», умные речи произносить пытается, — вставил словечко Ветишин.

— Нет, Серж, я к тебе не примазываюсь, моя порода совсем другая, мы из обыкновенных разбойников, ссыльнокаторжных, — отмахнулся я.

— Ребята, завидую я вам, — вмешался в разговор Марасканов, сменив тему.

— А чему тут завидовать? — удивился я.

— С такими теплыми спальными мешками можно год в горах, не спускаясь, воевать. У нас в Кандагаре их совсем мало, в основном трофейные. А тут на всю роту ватные, теплые, большие.

— Вот то-то и оно, что большие, — усмехнулся я. — Большие и тяжелые. Дружище, когда я в прошлом году в полк прибыл, то солдаты парами спали на одном бушлате, накрывшись вторым, да еще плащ-накидку одну подстелят, а другую от солнца и дождя на СПС растянут. И никаких спальников! Но в декабре разведрота шестьдесят восьмого полка возле Рухи попала в засаду и почти вся полегла. На помощь бросили рейдовый батальон и разведбат. В Кабуле стояла солнечная погода, тепло, а в горах началась снежная буря. Температура минус пятнадцать! Пехота обута не в валенки, а в сапоги и ботинки, одеты легко, по-

летнему, спальных мешков почти ни у кого, только у старослужащих — трофейные. В результате померзли: больше шестидесяти обмороженных, в том числе и с ампутациями конечностей и даже со смертельными исходами. Примчалась комиссия из Москвы, а в полках теплых вещей нет, хотя воюем уже пять лет. Оказалось, все это лежит на армейских складах, но «крысы тыловые» не удосужились выдать в войска. Зато теперь есть и свитера, и бушлаты нового образца, и ватные штаны, и спальные мешки, и горные костюмы. Но чтобы получить это имущество, надо было потерять людей и искалечить десятки бойцов. Нашему батальону очень повезло во время этих морозов. Сначала объявили готовность к выдвижению, но из-за приезда адмирала на партконференцию дивизии полк оставили на показ. А то на леднике полегли бы и роты нашего доблестного восьмидесятого полка, в том числе и ваш покорный слуга с ними. Серж точно бы монументального носа лишился. Как-то раз в районе Бамиана рота попала в ливень, а затем в снежную бурю — неприятнейшие ощущения. Мокрые насквозь до нитки были, запорошенные снегом, замороженные, как сырое мясо в холодильнике. Бр-р-р. Как вспомнишь, так вздрогнешь. Острогин ходил синий, как залежалый цыпленок, общипанный культурист — «кур турист». На его красивом носу намерзла длинная сосулька.

— Прекратить трогать мою гордость, это основа моего римского профиля, — вскричал возмущенный Сергей и со всей силы треснул меня в бок. — Ну что, все в сборе! Можно фотографироваться, пока приглашаю и никто не мешает, — сказал Острогин со снисходительной барской добротой в голосе.

Чистый теплый горный воздух, солнышко, хрустальная вода, белый, чистейший снег. Швейцарский курорт, а не район боевых действий.

— Кто первый на съемку, в очереди на исторические кадры, — заорал весело Сергей, снимая крышку с фотообъектива. — Наверное, самый молодой?

Ветишин осторожно потрогал водичку рукой, тотчас же принялся отряхивать ее и зафыркал, как домашний кот:

— Фр-р-р! Черт! Как ошпарило! Серж, а если я буду имитировать обливание и мытье, получится на фотографии реализм? Я склонюсь над ледяной водой, раздетым по пояс, а ты меня щелкни.

— Трус! А ну, не сачкуй, — заорал Острогин и принялся подталкивать Сережку к ручью. — Быстро в воду!

Лейтенант скинул куртку, тельняшку, осторожно шагнул в ручей, пригнулся над водой и заорал:

— Камера, мотор, съемка! Скорее!!!

И он тут же получил легкий пинок под зад от меня. В результате Сережка упал в ручей, опираясь на четыре точки, макнув в воду нос и лоб.

— «Золотой» кадр, снято! Следующий! — радостно воскликнул Острогин.
— Давай, давай, замполит, теперь ты показывай личный пример. Сибиряк «комнатный».

— Даю! Показываю!

Я снял тельняшку и осторожно принялся мыть руки, при этом завывая все громче и громче под щелканье фотоаппарата.

В это время «летеха» подкрался сзади и, зачерпнув котелком воду, плеснул на мою голую спину.

— Сволочь! У-у, гад! — завопил я истошно.

— Вот поделом тебе, не будешь обижать маленьких, — ехидно улыбнулся Ветишин.

— Бери фотоаппарат, Ники! Очередь геройствовать моя и Игорька.

— Предлагаю съемки по очереди и в финале групповой портрет. А потом и я в вашей группе снимусь! — предложил я.

Щелк, щелк, щелк.

— Теперь обтирание снегом! «Ветиша», сними мой мужественный поступок, — рявкнул я и, делая глубокий вдох, бросился в сугроб. — У-ух-у. Хорошо. Ха-рра-шо!

— Замполит, а ты чего там рычишь, как медведь в зимней берлоге? Прекращай, пленка давно кончилась! — радостно воскликнул Острогин.

— Негодяй! А чего же ты клацал, когда я натирался?

— Понравилось, как ты позируешь. Ты был просто неотразим. Надо послать в журнал «Огонек» или «Советский воин». И подпись под снимком: «Коммунистам подвластно все», или «Повесть о настоящем замполите».

— А под твоей фотографией должен стоять заголовок: «Повесть о самом несчастном взводном».

— Это почему же?

— А что за счастье? Высылка лишнего наследства графа из сытой Германии в нищий и убогий Афган без права на амнистию.

— Опять крестьяне притесняют дворян! Меня не ссылали, я сам приехал. Презренный смерд, фотографий не получишь!

— Ну, ты же знаешь мой стиль: что не дают, стянуть или реквизи-ровать.

— Беда с этим парнем, я ношу с собой фотоаппарат, а у него фоток больше, чем у меня раза в два. Жулик! Проходимец!

— Ладно, мсье герцог, вас и всю свиту угощаю бесплатным чаем. Помните мою доброту.

* * *

Неделю ходили-бродили роты по горкам и лощинам, но без толку. Немного мин, немного боеприпасов, ни одного уничтоженного «духа».

Операция с треском провалилась. Безрезультатно действовали и другие части.

В конце концов командование приняло решение возвращаться. То ли в наказание за отсутствие результатов, а может, в целях экономии топлива, но идти пятнадцать километров к броне пришлось пешком. Вертолеты за нами не прислали. Вот жалость-то, вот беда.

В моих ботинках-бахилах можно ходить по снегу, взбираться по крутым обледенелым скалам, но топтать по песку и камням — невозможно! Уже через пару часов ноги налились свинцовой тяжестью. Шипы и подковы вгрызались в почву, цеплялись за неровности рельефа и бороздили землю как плуги.

В такой ситуации не кому-то помогать, а меня самого бы в пору нести. Опять Царегородцев быстро выдохся, да еще тот сачок, «крысеныш» госпитальный, Остапчук умирает. Отлеживался восемь месяцев по медсанбатам и госпиталям, еле-еле разыскали и вытащили обратно в роту, но он через два дня вновь в санчасть слег. Только перед самым рейдом из-за недостатка людей удалось все же вырвать его из «лап» медицины.

Муталибов и Томилин приволокли Остапчука силой, в больничном халате. В первом взводе всего пятеро солдат — воевать некому, а этот рожу наел в столовой и медпункте — каска не налезает, под подбородком не застегивается. Верещал он как поросенок про здоровье ослабленное, про остаточные явления гепатита.

— Остапчук! — зарычал я. — Еще слово о гепатите, и будешь зубы выплевывать. Почему за тебя, гадина, другие отдаваться должны, чем они хуже?

И вот теперь этот «сачок» совсем издох, еле ползет, и приходится чуть ли не нести его на себе. Я и сам еле живой с этими колодами на каждой ноге. Такое ощущение, что пудовые гири привязаны.

К черту форму одежды, к дьяволу комбата с его придирками, свободу ногам! Я сел на камень и достал из мешка кроссовки. Быстро переобулся, напевая от радости. Дойду до брони, а там что-нибудь обую для построения, если оно будет. Но что делать с этими монстрами? Нести в мешке? Ни за что на свете! Просто выбросить? Жалко.

Я с такими мыслями я достал из нагрудника РГО, разжал усы у запала, засунул ее в ботинок и отошел чуть в сторону от тропы. Затем аккуратно поставил обувь за камни, засунул руку внутрь и выдернул чеку из запала. Вот он — мой привет нашим недругам. Завтра-послезавтра кому-нибудь понравятся мои ботинки, возьмет их этот кто-то — и ка-а-ак бабахнет! Сейчас ботинок даже шевелить нельзя. Уф-ф.

Я успокоил дыхание, вытянул из ботинка руку и осторожно вернулся обратно на дорожку.

— Вечно вы озорничаете, товарищ лейтенант, не живетя спокойно. А если бы выскользнула, поминай, як звалы... Нам, между прочим, вас нести пришлось бы. Мало мне этой сволоты Остапчука? Урода этакий! Из двух лет в роте и месяца не пробыл, скотина! — с этими словами он дал затрещину трясущемуся и хнычущему солдату.

— Дубино! Ручонки не распускай! Бери его мешок и вперед! — рявкнул я на сержанта.

Васька подхватил вещи, Томилин — бронжилет, у Остапчука остался только автомат. Солдат еще яростнее всхлипывал, слюни и сопли он уже и не вытирал. Тьфу ты, убожество!

— Послушай, специалист по госпиталям и столовым, не вой и не стони. Шагай, пока я тебя не пристрелил. Нести тебя не собираемся! Понял? — тряхнул я за ворот гимнастерки убогого солдата.

— Вы меня просто не понимаете. Я болен, я очень болен. В конце концов просто умру от бессилия.

— Ну, чмо болотное, вот дрянь! По столовой с подносом и тряпкой каждый сумеет бегать! Ты пулемет поноси в горы! Я за таких гадов два роки безвылазно хожу пид пулями, — возмутился Томилин.

(Остапчук из санчасти каким-то образом попал в госпиталь, из госпиталя — в медсанбат, оттуда — снова в санчасть. Кто-то из медиков приставил его «к делу»: помогать официанткам в офицерской столовой. Однажды я с удивлением узнал, что этот уборщик — наш солдат, а в рейде пулеметы и гранатомет носить некому, в расчетах — некомплект. Взял его обратно в взвод, а теперь сам с ним мучаюсь.)

Немного передохнув, мы двинулись в путь — нагонять уходящую роту.

— Товарищ замполит, чога вы усе время меня с собой цепляете? — поинтересовался Дубино. — Ладно, Томилина, ему как медику положено при вас быть, а почему я?

— Щас дам в рыло! Положено, — возмутился Степан. — Это Муталибову положено, а я, наверное, останний раз иду в рейд, пора в ридну Украину, в Закарпатье.

— Я, между прочим, «бандера», на три месяца дольше тебя в роте! — огрызнулся Дубино.

— Это от тупости, учебку закончить надо было, попал бы попозже, селянин! — усмехнулся Степан.

Идем, переругиваемся, только Гасан помалкивает. Хороший парнишка пришел в роту. Он прибыл к нам в декабре, с последней партией молодого пополнения. Все командиры рот взять его к себе отказались, а Сбитнева никто не спрашивал — только назначен на должность. Муталибов оказался тихим, спокойным человеком, даже очень спокойным для жителя Дагестана. Володя произвел его в сержанты. Пока что справляется, лишь бы не сбили с толку земляки.

— Гасан! Возьми у Царегородцева мешок, надо торопиться, отстаем от роты, — прикрикнул я и подумал про себя: — Вон уже комбат догоняет. Опять начнет придирается и насмехаться, мол, рота без Кавуна дохнет и деградирует. Вначале Ивана травил и третировал, а теперь после его замены возводит его на пьедестал и сам греется в лучах чужой славы.

— Парни, скорее, скорее, не отставать! Остапчук, не прибавишь шаг — верну тебе бронезилет и каску!

Хныканье только усилилось, но скорость движения несколько не увеличилась. Я снял тельняшку, кроссовки, засунул шмотки в мешок и пошел босиком. Зачем получать лишний выговор?

Вот и Подорожник, идет и сияет.

— О, комиссар! Что авианосец утонул? Ну, ты прямо как с кораблекрушения: почти голый, босой, но с пулеметом! Улыбнись — фотографирую! — и он, вынув из куртки фотоаппарат, сделал снимок.

— Спасибо, но зачем такое внимание и забота? — попытался связываться. — А, вообще, это лучший корабль в вашей флотилии.

— Не стоит благодарности. Это для документальности выговора. Скажем так, почти для протокола.

— Какого выговора? За что?

— За отсутствие бронезилета и каски.

— Какого, к дьяволу, бронезилета, какой каски? Зачем они мне, только мобильность сковывают. А каска — это консервная банка на голове. Толку от нее никакого, лицо ведь открыто.

— Носи каску с металлическим козырьком. Бери пример с капитана Лонгинова!

— У него здоровья — на семь мамонтов.

— Для повышения физической кондиции будем проводить ежедневно зарядку с офицерами в бронезилетах. Уговорил!

Тьфу ты, черт! Еще издевается.

Комбат ушел дальше, а я быстро обулся, натянул тельняшку и вновь подхватил автомат Остапчука.

— Бегом, гад! Скоро уже замыкание полка, состоящее из разведчиков, нас нагонит. Броня уедет, пешком до Кабула пойдешь!

* * *

Техника медленно ползла по шоссе к Кабулу. Я и Острогин сидели на башне, жевали галеты и болтали на разные вольные темы.

— Серж, вот подумай, неделю бродили вокруг Пагмана и ни одного «духа». А ведь их тут должно быть много, как китайцев в Шанхае.

— Это точно, в прошлый раз даже по кавалеристам стреляли. В этот раз тишь и благодать.

– «Зеленые», наверное, информацию «духам» слили, операция ведь совместная.

– Это точно. Как «царандой» на боевых вместе с нами, так либо засады, либо «пустышка».

– Нет, одна организация у афганцев хорошая – полк спецназа госбезопасности. Мы с ними в октябре-ноябре прошлого года три раза работали, помнишь? Особенно комбат у них молодец.

– Отлично помню. Это тот, чья кепка у тебя на тумбочке лежит, да, Ник?

– Ага. Отличный мужик, Абдулла! Иван Кавун ему финку подарил, а он нам гору консервов и со мной кепкой махнулся на память.

– Что-то ты ее не носишь? Боишься, что опять попутают с «духами»? Не бойся, Грошикова в роте уже нет, нечаянно стрелять по тебе некому теперь. Ты в полной безопасности. Если авиация не засомневается, что ты свой – будешь цел и невредим. В маскхалате, афганской кепке, бородатый, но с русской мордой – вот какой замечательный портрет!

– И так выговор за выговором от Подорожника за внешний вид. А если еще кепку с афганской кокардой нацепить, то он сразу взорвется, и я погибну от его ядовитых осколков.

– Что, опять досталось? – поинтересовался Ветишин. – Кстати, а где мой подарок, где мои ботиночки?

– Сережка! Они скорострительно скончались, иначе умер бы я вместо них. Ноги почти отвалились под тяжестью прикрученных железяк, тогда я их снял и заминировал.

– Больше я тебе ничего не подарю.

– Да ладно, тебе, Сережа, вредничать. Я так измучился, ты просто представить себе не можешь как. Одед с горя кроссовки. Затем меня догнал комбат и опять издевался.

– Каков итог? Взыскание? – поинтересовался Острогин.

– Увы. Опять! – вздохнул я.

Откуда-то снизу раздалось негромкое: «А я бы три наряда вкатал».

– Эй, там, на «шхуне», кто вякнул про наряды? – прикрикнул я на солдат.

– Это я, рядовой Сомов, Олег Викторович.

– А-а, москвич. Ты, как и все жители нашей столицы, очень умный и разговорчивый, даже несмотря на свой юный возраст. Слушай, клоун, седи и помалкивай.

– А откуда вы узнали, товарищ замполит? – осторожно поинтересовался солдатик.

– Обращаться надо «товарищ лейтенант». Сомов, это тебе понятно? Лей-те-нант!

– Понятно.

- А что «откуда я узнал»?
- Что я клоун.
- На роже у тебя написано. Большими буквами: «Я КЛОУН».
- А-а, — разочарованно протянул солдат. — Я думал, вы личное дело читали. Между прочим, меня в армию призвали из училища циркового искусства. Одного единственного с курса. Жонглеры «закосили», дрессировщики заболели, а я как ни чудил — не прошло. Мне сразу сказали на призывной комиссии: работать под дурака можешь даже не пытаться, не поверим, ты же клоун. Пострадал я из-за искусства, из-за профессии.
- Сомов, хочешь тут выжить — шути через раз. Не каждый врубится в твои шутки, не все поймут юмора. Можно еще сильнее, чем от военкомата пострадать.
- Усек. Но куда же более жестоко?
- Для знакомства получи наряд на службу.
- За что?
- За юмор. Выбирай: дневальным по роте или выпуск четырех образцовых боевых листков.
- У-ф-ф! Ручка легче, чем швабра! Боевые листки.
- И сатирическая газета.
- Не было такого уговора!
- Уже был! Оле-ег! Выбирай: замполит и фломастеры или старшина и швабра!
- Чувствую: попал я, бедолага, на крючок.
- Ты прав — попал! На огромную блесну или даже в сеть! «Москва», ты теперь наш человек!
- Никогда в жизни еще писарчуком не работал, не доводилось...
- Будем считать, что твоя биография пишется с чистого листа...

На следующее утро, после возвращения из Пагмана, я зашел в казарму и остолбенел. Дневальный Сомов стоял у тумбочки с внушительным сизым фингалом под глазом.

— Олежек, зайди в канцелярию, — строго сказал я. — Что случилось вчера?

— Выпускал боевые листки, — ответил вызывающе весело солдат.

— Ты еще скажи, что на тебя упал стенд с наглядной агитацией.

— Что-то вроде того.

— Садись, пиши объяснительную. С Хафизовым подрался или с Керимовым?

— Да ни с кем я не дрался.

— Так кто тебя ударил? Работать за себя пытались заставить, да? Колись, колись.

— Я не стукач, сам разберусь, это мое личное дело.

— Ты мне тут «вендетту» не вздумай организовать.

— Товарищ лейтенант! Я себя в обиду не дам, в Москве хулиганом был, а из-за вас у меня будет плохая репутация.

— Прекрати рожи свои клоунские строить. Пиши и иди работать. Боевые листки-то сделал?

— Мучился всю ночь, щурился заплывшим глазом, но сделал.

— Молодец! Сержант Юревич, теперь ты рассказывай, в чем дело, что за драка была ночью в наряде?

— Я не знаю, товарищ лейтенант. Вчора усе было нормально, а утром смотрю, а у них фингалы под глазами, холера их побери!

— У кого у них? Кто пострадал, кроме Сомова?

— Ешо Хафизов. Ентот папуас зуб выплюнул, и юшка из носа текла.

— Значит, счет боя один-один.

— Вроде того.

— Подвожу итоги. Боевая ничья не в вашу пользу. Сдавай наряд, сейчас я Грымову доложу, думаю, он возражать не будет. Не хватало нам в роте неприятностей и нареканий от комбата.

— А кто меня сменять будэ?

— Разберемся.

Эдуард появился через пять минут и одобрил мое решение:

— Не будем «дергать тигра за усы», хватит раздражать Подорожника. Всех в парк — работать на технике, а вечером в том же составе вновь дежурить. Хафизов, я тебя на плацу размажу, если еще подобное повторится.

— А что сразу Хафизов, вы разберитесь сначала. Я никого не трогал.
— Уговорил. Но смотри, солдат, как бы после моего разбирательства ребра и почки не заболели, как у Исакова, когда его телом полы в бытовке натирали, — пообещал строго лейтенант.

Солдатик побледнел и боком-боком ушел в сторону.

— Ник, сегодня в клубе концерт Леонтьева в восемнадцать часов, слышал об этом? — спросил Грымов.

— Нет, а кто сказал?

— Только что командир полка на постановке задач объявил.

— Наконец-то, хоть кто-то нас посетил. За восемь месяцев ни разу в полку не попал ни на один концерт. Когда Кобзон и «Крымские девчата» гастролировали, мы в рейдах были, а когда «Каскад» выступал, я Острогина на горе инспектировал. Главное сегодня — в наряд не попасть.

— Разрешите, товарищ лейтенант? — В канцелярию вошел Юревич. — Я наряд Лебедкову уже сдал.

— Ну и что дальше?

— Там какой-то прапорщик или не прапорщик, чисто як генерал, не пойму кто, ходит и боевые листки читает. А до этого он в ленинской комнате плакаты разглядывал. Я его видел раньше где-то, а кто он, не ведаю. В общем, який-то товарищ!

— Сейчас мы посмотрим, какой это «товарищ Сухов».

— Кто, кто? Сухов?

— Тундра! Классика кино — «Белое солнце пустыни».

— Якая пустыня, какое солнце, я в колгоспе на Гомельщине с утра до ночи пахал. Нас у сямье дятей восемь душ, а я старшой.

— Все, Юрик, иди, отдыхай, готовься к наряду, обслуживай любимую бронетехнику.

Я вышел из канцелярии, огляделся: в коридоре никого не было.

— Дневальный, где гуляет проверяющий? — спросил я у Свекольниковца.

— В курилке сидит. Он совсем ведь не проверяющий, я его знаю, это наш новый «комсомолец батальона».

— А-а-а. Вот кого бояться наши сержанты.

Я вышел из казармы познакомиться с «товарищем инспектирующим». В просторной беседке сидели дружной компанией заменишки Чулин и Колобков, а рядом с ними курил и травил анекдоты сменщик Колобка — молодой прапорщик.

— О, приветствуем героическую личность батальона, непобедимого замполита первой роты, истребителя «духовского» спецназа «черные призраки!» — заорал Колобок. — Это лейтенант Ник Ростовцев. Собственной персоной!

— Вольно, вольно, — снисходительно и смущенно ответил я.

— Нет, честно, я хоть и награжден двумя орденами, но они заработаны моей бестолковой контуженой головой. Один раз осколок ухо перерубил, во втором случае орден за шандарахнутую камнем макушку получил. Но чтоб вот так, в психическую атаку ходить — нет уж, извините. Да еще два раза... Может, ты псих? — поинтересовался Колобок.

— Отставить разговорчики!

— Понял. А вот это, сынок, мой сменщик, — представил мне Колобок нового прапорщика

(Ему исполнилось тридцать пять лет, но выглядел он на все сорок пять, поэтому Колобок разговаривал с нами как папаша.)

— Прапорщик Виктор Бугрим, — усмехнулся в ответ красавчик. — Приятно познакомиться, товарищ лейтенант.

У прапорщика была кудрявая шевелюра, «фраерские» усики, хитрая улыбка и наглые голубые глаза. Ловелас-сердцеед, гроза женщин.

— Почти что Баграм! Ты попал в «одноименную» дивизию, — заулыбался я. — Будем знакомы, перейдем лучше на ты, мы ведь коллеги.

— Хорошо, будем на ты. Меня, Артюхин отправил наглядную агитацию проверять. У тебя и во второй роте все в плюсах, а в третьей и у минометчиков — одни нули.

— Хороший результат, в трудные для нашей роты времена. А то в первой плохо да плохо. Пока ротный в госпитале, каждый норовит лягнуть, что-то найти нехорошее. Когда домой, Колобок? — спросил я сочувственно у ветерана.

— Да вот отдам-передам бумажки Витьку и в дорогу. Только лететь страшно очень. Чуля (Чулин) вчера из командировки вернулся, «груз-200» отвозил в Гродно, припахали заменщика. Так такие ужасы рассказывает.

— Какие это ужасы? — заинтересовался я.

— Никифор, шо я пережил позавчера, кошмар какой-то. Сел в АН-12, разговорился с бортстрелком, а он земляком оказался, из Витебска. Экипаж из Белорусского округа, самолет «крайние» рейсы летает. Вот-вот домой им. Залезли мы в хвост самолета, выпили их бутылку водки за знакомство. У меня с собой была в сумочке трехлитровая банка самогона, под компот вишневый замаскированная, на замену вез в роту, коллективу. Я возьми да и проболтайся. Стрелок как узнал об этом, так обрадовался, так развеселился! Пойдем, говорит, в кабину, чого мы тут будем мучаться? Там все свои — земляки, угостишь родным напитком ребят! Зашли, угостил похорошему, по-человечески. Они как давай глушить ее стаканами, почти не закусывая. Крепкие ребята летчики. Летим, самолет на автопилоте, песни поем. Я — почти в хлам, и они уже ничего не соображают. Смотрю, бог ты мой, штурман пьян, бортинженер пьян, второй пилот в хламину нажрался, командир еще более-менее держится, но тоже пьян. Испугался страшно, несмотря на то, что «бухой» был, даже почти протрезвел от ужаса. Куда

летим? Это состояние экипажа из всех пассажиров наблюдаю только я, а так бы паника поднялась на борту. Ну, черт с ним, со стрелком-радиистом, хрен с ними, со штурманом и инженером, но пилоты-то в хлам! «Ребята, — ору летчикам, — братья, как садиться будем? На автопилоте приземлимся?» «Нет, — говорят, — садиться будем сами, вручную. Сейчас допьём остаток из банки и возьмем управление на себя.» «Мужики, — заорал тут я диким голосом, — ни хрена, баста, хватит пить, сажайте самолет!» Отбираю бутыл, там еще больше литра, а они не отдают, сопротивляются. «Трезвейте, сволочи», — говорю им. А хлопцы совсем уже никакие. Песни горланят, матерятся, а на горизонте уже Кабул виднеется. Шо делать, шо делать? Я — в ужасе. Они, гады, садятся в кресла, пристегиваются, выключают автопилот и заходят на город: один круг, другой, третий, уже взлетно-посадочная полоса внизу, и явно они на нее не попадают. Промазали! Поднялись чуть-чуть, командир орет: «Штурман и инженер, ко мне, помогайте, будем вместе сажать» Взялись втроем за штурвал (второй пилот совсем скис, уснул) и пошли на посадку. «Взлетка» аэродрома болтается по курсу, мы качаемся, почти машем крыльями, мне так, по крайней мере, показалось. Сели! Я их обнимать, целовать и материться! «Суки, шо же вы творите, пьете за штурвалом». А командир мне с ухмылкой: «Сам виноват, а ты зачем наливал? Мы чуток для храбрости пригубили, а ты нас своим вкусным «первочом» соблазнил и с толку сбил». В общем, негодяи. Но асы! В таком состоянии машинешку-то легковую не припаркуешь, не то что грузовой самолет посадить. Шо там дальше было, не знаю, я скорей оттуда со своей банкой бежать, а то они ее родимую чуть не отобрали, дескать, отметить удачную посадку. И как они с начальством разговаривали потом?

— Ха-ха-ха.

— Гы-гы.

— Вот тебе свезло так свезло. Ха-ха!!! — засмеялся я и похлопал по плечу прапорщика. — Запомни теперь на всю жизнь, какими последствиями чревато пьянство в воздухе! Это тебе не в БМП брагу гнать и пить, пока батальон по горам ходит.

— Нет-нет, с пьянством покончено. Я даже допивать «первач» со своими орлами не стал, отдал все Луковкину и Мелещенко.

Тем временем, весело смеясь, к казарме подошли Острогин и Ветишин.

— Чему радуемся? — поинтересовался Грымов.

— Жизни! Жизни, дорогой ты наш командир, — воскликнул Острогин. — Каждый новый день — радость! Комбат не вдул — радость. Командир полка матом не покрыл — счастье. «Духи» не убили — верх блаженства.

— Ступай, разбирайся с Хафизовым и готовься к очередным п... нам, — вздохнул Эдуард.

— Вот черт, такое солнечное утро, весна, трава зазеленела, и так сразу обламывают.

— Для поддержания настроения, скажу новость дня, — сказал я. — Сегодня концерт звезды эстрады, твоего любимого Валерия Леонтьева!

— Ура, ура! Ох, Ник, ох обрадовал! Иди, занимай места! С меня «Боржоми».

— Концерт вечером, «Боржоми» сейчас!

— Вечно ты строишь взаимоотношения со мной как какой-то рвач и хапуга. Корыстный какой.

— Не как рвач, а как твой спаситель! За спасение под Бамианом ты со мной не считаешься и цистерной минералки, слишком легко отделаться хочешь. С тебя вагон коньяка!

— Ладно, встречаю вечером тебя в клубе с лимонадом и водичкой, а то ведь как всегда душно будет. А коньяк будет в Союзе.

— Товарищи офицеры, внимание! — вмешался в беседу Грымов. — Перед концертом совещание в шестнадцать часов, а концерт позже, в восемнадцать. Всем прибыть с рабочими тетрадами.

— Мне тоже идти? — спросил я. — В это время у нас по плану воспитательная работа — беседа с солдатами.

— Ничего не знаю. Приказ прибыть всем. Пусть беседу проведет Бодунов.

Начальник штаба подводил итоги боевых действий. Командир полка, как всегда, юмором и сочным матерком сдабривал сухие цифры и факты. Эти вставки «эпитеты» были неподражаемы, а армейский матерный фольклор уникален. Начфин хвастал, что ведет блокнот с цитатами из репертуара — Филатова, их количество давно перевалило за двести — и все нецензурные.

Герой (а он и на самом деле был Героем Советского Союза) морщился, но ровным и четким голосом продолжал подведение итогов, он никогда публично не переходил на маты.

Командира, несмотря на его грубость, любили. Был он вспыльчив, но быстро отходчив и добродушен. Начальника штаба, майора Ошуева, уважали, Герой как никак, но не любили. Вот и сейчас он похвалил танкистов и артиллеристов, не сказал ничего плохого про саперов, разведчиков и связистов и опять раздолбал наш славный батальон. Это у него от ревности.

Мы пехота, нас много — крайние как всегда. По-другому не бывает! — Товарищ подполковник, еще в заключение совещания слово просит начальник медицинской службы, — закончил доклад Герой.

— Что ж, вещай, «шприц-тюбик», — вальяжно произнес «кэп». — Только покороче, а то артистов пора встречать.

— Товарищ командир! Срывается план прививок! Офицеры совершенно не хотят их делать. С солдатами проблем нет никаких, а офицеры, особенно первого батальона, саботируют эту процедуру.

— Я им, бл...м, посаботирую! Строиться в колонну по одному между рядами и подходить к столу. Начмед, бегом за аппаратурой, шприцами, лекарством, я вообще-то и сам для примера руку или плечо подставляю.

— Товарищ командир, руку не надо, нужно штаны спустить.

— Что? Что ты сказал, я должен снять?

— Штаны...

— Ну, ладно, — убавил тон командир и далее уже миролюбиво продолжил: — Для личного примера этим бездельникам сниму штаны, так и быть, но первым, вне очереди.

— Так точно! Так точно! Пожалуйста, товарищ подполковник, все готово, подходите.

Вытирая пот со лба, волнуясь, капитан-медик подвел командира к автоматическому шприцу-пистолету. Командир крикнул, рыкнул матом и, застегивая штаны, встал у входа. Присутствующие в зале покатались со смеху.

— Все проходят мимо и показывают отметку в медкнижке. Поставил укол — штамп в книжке и свободен! Хватит ржать, спускайте штаны, — громогласно гаркнул луженой глоткой Иван Васильевич. — Я вас, бл...й, сачков гребаных, в бараний рог сверну!

Не зря у него прозвище Иван Грозный. С ним не поспоришь, может и в лоб двинуть. Я и Острогин сразу загрустили. Если Грымов с Ветишиным добросовестно ходили в медпункт, то мы его игнорировали. У меня вообще была теория: тот, кто соглашается делать уколы, получает инфекцию, но в ослабленной дозе. Но все равно — это зараза для организма. И кто прививается, тот и болеет, а кто сачкует, тот здоров.

У Голубева была другая теория: красные глаза не желтеют, и он заливал печень спиртным. Этой теории придерживались многие, но с переменным успехом. В основном гепатит, тиф и малярия побеждали их ослабленную иммунную систему в первую очередь. Что ни день — новый больной.

Черт! Сейчас нарушится мое правило — всеми силами уклоняться от прививок. Вот и очередь подошла. Я слегка спустил штаны и шагнул к столу.

— Фамилия? — спросил молоденький врач.

— Лейтенант Ростовцев, — буркнул я.

Он порылся в стопке, сделал отметку в моей книжке и переложил в другую пачку.

— Следующий!

— Острогин.

Лейтенант нашел книжку Сергея и, проштамповав, швырнул ее туда же.

Я сделал шаг в сторону со спущенными штанами, осторожно обошел стол, незаметно зацепил рукой наши книжки и, подмигнув Сергею, бочком-бочком отошел в зал. Острогин сделал то же самое движение. Застегивая брюки, мы двинулись к выходу, где стоял командир.

— Прививки сделали, обалдуи?
— Так — точно, товарищ подполковник! — взвизгнули мы дружно и показали ему на раскрытой странице штампы.
— Молодцы, свободны! — и он дружески хлопнул меня по спине.
За дверями мы дружно расхохотались
— Как мы их ловко сделали!!! — орал Серж.
— Нас не проведешь! — вторил ему я. — Голыми руками не возьмешь!
Хрен им этим медикам! Не дадим дырявить задницу! Никакой заразы в организм! Но если «кэп» узнает про обман — убьет!
Через полчаса, когда все вышли из клуба после экзекуции на перекур, к нам подошел прапорщик Айзенберг и укоризненно покачал головой:
— Мальчишки! Балбесы несмышленные! Дурачье! Детский сад! Только меня не проведешь, я видел, как вы сбежали, и доложу начмеду.
— «Папа»! Ты что издеваешься, вот книжки с отметками! Иди к черту!
— Может, тебе тут и прямо сейчас зад показать, — усмехнулся Острогин. — Мы чисты перед законом, «свободен, дорогой старина».
— В следующий раз вам этот номер так не пройдет, лично сделаю укол и не автоматом, а шприцом с большущей иглой.
— До следующего раза, — улыбнулся я дружелюбно батальонному медику.

* * *

Мы еле-еле нашли свободные места, но почти в самом конце зала. Сергей был возбужден, предвкушая выступление любимого артиста, и, жестикулируя, заранее громко восторгался. К нам подскочил Артюхин и зашипел:
— Острогин, прекратить визжать!
— Уже прекратил! Я теперь буду только кричать и петь.
— Перестань паясничать. Веди себя прилично.
— Договорились.
— Со мной не надо договариваться. Выполняйте приказ.
— Слушаюсь, товарищ старший лейтенант, — и Сергей шутовски приложил два пальца ко лбу.
Артюхин что-то сказал себе под нос и отошел на свое место. Сережка во время исполнения первых двух песен хлопал, сидя на стуле. Но когда зазвучала третья, вскочил на сиденье и заорал, приплясывая и визжа.
Замполит батальона подскочил и схватил за рукав Острогина.
— Я тебя сейчас с позором из зала выведу.
— Ты бы меня хоть раз с гор или из «зеленки» вывел, а то вы только в полку — герои и указчики.
— Ну ладно, поговорим после концерта, старший лейтенант.
— Поговорим, товарищ старший лейтенант! — ухмыльнулся многообещающе Сергей и поиграл мускулатурой.

Шоу тем временем продолжалось, и на нас со сцены фонтанировал своей энергией Леонтьев.

В зрительном же зале бесновался Сергей, его эмоции выплескивались через край, он никак не мог усидеть на месте. То притоптывал, то приплясывал, то взвизгивал в экстазе. Я пару раз дернул его за рукав и прошипел:

— Серый, нас сейчас выведут из зала. Из-за тебя и я пострадаю, концерт не досмотрю.

— Отстань, — отмахнулся тот. — Не мешай отдыхать и наслаждаться музыкой, моя душа ликует, черствые вы люди.

Золотарев оглянулся на «галерку» и что-то сказал Артюхину, указывая на нас. Замполит прибежал и сдернул Серегу с сиденья.

— Я сейчас выведу тебя из зала, лейтенант!

— Не тебя, а вас? И напоминаю: не лейтенант я, а старший лейтенант! Я же вам не кричу «эй, лейтенант», а говорю вежливо, культурно, «товарищ старший лейтенант».

— Уймись, товарищ старший лейтенант, в последний раз предупреждаю! — пробурчал Григорий, отходя от нас.

Прошло минут пять, и после очередной зажигательной песни Серж вновь вскочил на стул и принялся прихлопывать в ладоши над головой и орать, подпевая фальцетом.

Примчавшийся Артюхин был мрачнее тучи.

— Я что сказал, слезьте со стула и прекратите безобразничать.

— Я не безобразничаю, а отдыхаю.

— Сейчас выведу из зала, и на этом концерт для вас закончится.

— Ха! Выводильщик нашелся. На боевых я тебя что-то не наблюдаю, а на концерте указывать все горазды.

— Ладно! Разберемся позже, — пригрозил замполит батальона.

— Легко! Очень даже не против, я давно накопил столько отрицательной энергии, не знаю на ком отыграться, — и Серега принялся вновь играть всеми бицепсами и трицепсами и в завершение тирады угрожающе звонко хлопнул кулаком по ладони.

Артюхин злобно еще раз взглянул в нашу сторону и отошел на свое место.

— Серж, он тебе эту выходку еще припомнит, ты явно перегнул палку! — пообещал я. — Он же наш новый замполит батальона.

— Да и черт с ним. Ни в горах, ни в кишлаках я его не видел и близко. А в полку все такие орлы! Начальники! Меняются как перчатки, всех и не упомнишь. Надолго ли он к нам? — отгрызнулся взводный. — Давай отдыхать дальше.

Сергей так и не унялся до окончания концерта. Все равно накажут.

— Вот это Валера, вот это трудяга! Завел меня, зарядил энергией, — кричал и пел фальцетом Серега в казарме, приплясывая под магнитофон.

На вечернем построении Острогин получил очередной строгий выговор от замполита батальона, а комбат пообещал скорый суд «чести офицеров».

* * *

Самое замечательное мероприятие — «братство по оружию». Братание с дружественной армией!

Утром на разводе комбат строго спросил:

— Кто в первой роте из офицеров и прапорщиков действовал совместно с полком спецназа афганской госбезопасности?

— Я, два раза на операции ходил с ними вместе. Кавун и Грошиков уже заменились, Острогин в карауле. Все, больше никто из офицеров, — подал я голос из строя. — Санинструктор Томилин их бойцов несколько раз перевязывал, а Зибоев, Мурзаилов все время переводчиками были.

— Ну вот и хорошо! Четыре человека идут от первой роты, если вы их так хорошо знаете, от второй — Митрашу и с собой берешь сержанта Джабраилова, от третьей — Мелещенко и старшина Заварыч. От отдельных взводов представителем поедет лейтенант Арамов, — распорядился Подорожник. — Ну что ты будешь делать! Всегда так получается: как на полигоны, так командиры, а как к афганцам в гости отправляться, то одни замполиты. Нет, не могу я все вам на откуп отдать! Старшим группы поедет капитан Лонгинов. Семен Николаевич, будьте «американцем», поостроже там с ними.

— Куда же еще строже и что значит «американцем»? — удивился вслух Николай.

— Это образно и без комментариев. А ты, Мелещенко, вообще помалкивай, — оборвал его комбат. — Едешь случайно в этой компании, и радуйся молча, что командир роты дежурным по полку стоит. Не то сейчас Афоней Александровым тебя заменю!

— Мовчу, мовчу!

— Семен Николаевич, построение через полчаса, проверить внешний вид, чтоб подшиты, побриты, начищены были! Оружие не брать, разведрота на двух БМП сопровождает, едете на «Урале», а управление полка — в автобусе. Главное — не зевайте, не потеряйтесь!

* * *

Полк специального назначения размещался рядом с Кабулом, на выезде у дороги на Пагман. Неделю назад группа афганцев из тридцати-сорока человек этого полка болталась с экскурсией по нашим казармам, по парку. Посмотрели фильм в клубе, послушали речь командира и замполита. Скромный обед в столовой завершил это мероприятие. Теперь ответный визит.

Машины медленно вползали на гору по дорожному серпантину и остановились перед широкими воротами высокого каменного за-

бора. Афганцы высыпали навстречу и радостно обнимались с нашим начальством. Мы выстроились в узком, мощеном булыжником дворике. Толпа собралась довольно приличная. Командир, его замы, начальники служб, весь политаппарат в полном составе, тыловики. Но когда мы воевали вместе с афганцами, то всех этих штабных никто не видел.

Лонгинов, как старый приятель, обнялся со знакомым нам комбатом.

— Абдулло! О, ты настоящий командир!

— А, командор, салам, здравствуй! — похлопал афганец после дружеских обниманий меня по плечу.

— А, доктор! — улыбаясь, пожал он руку Степану. — О, сарбозы! — и спецназовец принялся на своем языке быстро и радостно болтать с Зибоевым и Мурзаиловым.

— Командор спрашивает про ротного Кавуна и Грошикова, — перевел вопросы Зибоев.

— Скажи ему: они домой уехали, война для них закончилась, с женами отдыхают, живы и здоровы!

— Говорит, что рад за командоров, передавать просит всем привет.

— Обязательно передам при встрече. Горячий, пламенный привет, — ухмыльнулся я.

Нас принялись водить по казармам, медпункту, автопарку, спортплощадке. Очень все убого: минимум рассыпающейся мебели, застиранное постельное белье, рваные одеяла, старые автомобили — намного хуже, чем у нас. В заключение прошел митинг, на котором каждому вручили по ручным электронным часам, а управленцам еще и по сервизу. Вот это да! Хорошо-то как, не даром потеряно время. Экскурсия с элементами восточной экзотики, да еще с материальной выгодой.

Их командир полка долго обнимал нашего, они расцеловались, и афганец вручил Филатову магнитофон. Иван Васильевич даже растерялся в первую минуту.

— Это подарок полку?

— Нэт, нэт, это лично вам, моему хорошему советскому другу! Бакшиш (подарок)!

Командир обхватил своими «медвежьими лапами» маленького полковника, и тот исчез в крепких объятиях.

«Кэп» задумчиво и смущенно почесал затылок (мы афганцам в знак дружбы на всех подарили только самовар и гитару) и, сняв с себя бушлат, одел на афганца и трижды, расчувствовавшись, расцеловал. Полковник смущенно покраснел и объявил начало банкета.

Давненько я так вкусно не ел. Меню для гурмана! Плов и мясо, мясо, мясо (все блюда из него различного вкуса и приготовления), а также зелень, овощи, фрукты, немного водки. Полковые начальники ушли в банкетный зал, остальные офицеры сели за стол с афганскими командирами. Солдат и сержантов увели к афганским «сарбосам».

Вот так: сыт, пьян и нос в табаке. Хорошо дружить. А еще лучше, если такие встречи будут чаще!

В машине я подозрительно посмотрел на раскрасневшегося Томилина.

— Степан, ты что это цветешь? В чем дело?

— А вы шо думали, товарищ лейтенант, водки тильки вам нальют? В нас, солдатах, афганцы людей увидели, по пол-литра на двоих выделили. Не зря я их перевязывал, отблагодарили, обезьяны бабайские!

* * *

— Парни, а пойдёмте мороженое поедим. Замполит в кафешке недавно был, знает, где она находится, экскурсию организует. Почти год не лакомился, — предложил Острогин. Он уже третий час мучился, заполняя документацию, и заметно утомился. — Надоело все это, хочется чего-нибудь такого... Эдакого...

— Эх, вспомним детство! — восторженно пискнул Ветишин.

— Могу вас обрадовать. Сегодня Митрашу везет в штаб армии какие-то бумаги, можем с ним туда доехать, а обратно, кому как повезет, — предложил я.

— Вот это замполит! Вот это друг! Вник в нужды и чаяния коллектива, — воскликнул Острога.

— А как быть с бойцами? — поинтересовался Игорь. — Кто в роте остается?

— Бойцов вечером ведет в кино старшина, я с ними договорюсь, а потом Бодунов присмотрит до вечерней проверки. Только как быть с Грымовым? — задумчиво начал рассуждать я.

— Если не желаешь, чтобы заложили, вовлеки человека в авантюру! — философски произнес Марасканов.

— Вот голова! Правильно, так и поступим. Он хоть и гнус, но такой же человек, как и мы. Может быть, позже исправится, когда с небес опустят, — воскликнул я.

— А кто же его вернет в люди-человеки? — вздохнул Ветишин.

— Сбитнев! Вернется и поставит на место, как миленького! — многообещающе произнес я.

* * *

Мелентий выгрузил нас возле кафе.

— Через час забрать или вы надолго?

— Не жди, уезжай, — ответил я легкомысленно.

— Ну и ладненько. И он умчался дальше на дребезжащем санитарном «уазике» по каким-то своим делам.

Кафе оказалось переполненным. Мы потолкались у входа, огляделись и перебрались к барной стойке. В помещении не было в форме никого, кроме нас. И женщины, и мужчины — все либо в спортивных костюмах, либо в «джинсе».

Красивая молоденькая буфетчица поинтересовалась насмешливо:

— Ребята, вас каким ветром занесло и откуда?

— Мы ваши соседи, из восьмидесятого, заскучали по мирной жизни, захотелось женского тепла и ласки, — весело, глядя ей в голубые глаза, произнес Острогин. — Решили кутнуть, да и народ, как погляжу, для разгула, разврата собран.

— Думаю, что вы сегодня вечер закончите в комендатуре, — улыбнулась девушка.

— Это почему же? — поинтересовался я. — Мы ребята тихие, спокойные.

— А потому, что вот-вот придет патруль и вас всех заберет.

— А мы не дадимся, — усмехнулся Грымов.

— Тогда примчится целый взвод из комендантской роты, и все равно будете ночевать на гауптвахте.

— А этих вот не заметут? — показал в зал рукой Ветишин.

— Этих нет, потому что они тут свои, здешние и одеты в «гражданку».

— Черт, зря приехали. Но думаю, что по рюмке коньяка и мороженому мы употребить успеем. Делаем заказ на всю компанию, — произнес Острогин.

— Коньяк и вино военным не подаем, — строго заявила буфетчица.

— Но они ведь такие же военные, как и мы, по крайней мере, большинство из них.

— Ну и что, у них на лбу это не написано, а кто вы такие, я вижу.

— Тогда шампанского! Три бутылки! — царственным жестом произнес «граф» Острогин.

— Никакого спиртного. Кофе, лимонад, сок, чай. Мне из-за вас неприятности не нужны.

— Что ж, раз кутеж не удастся, милая девушка, каждому стакан сока, кофе и по две порции мороженого, — вздохнул Ветишин.

— Всегда так! Штабным и тыловым радости и прелести жизни, а пехоте одно дерьмо и грязь!

— Вот-вот, «со свиным рылом и в калашный ряд» полезли. Не в свои сани сесть пытаемся, — подвел я итоги. — Нам же сказано было полковником из штаба армии, что в «воюющей армии выходных не бывает!» А тут не армия, а глубокий тыл. Мы чужие на этом празднике жизни.

На нас, действительно, многие косились и бросали хмурые почти презрительные взгляды, никто из женщин нам не улыбался.

— Очень хочется драки. Желаю кому-нибудь набить физиономию, еще лучше, чтоб не лицо было, а «морда»! Ох, как я зол! Как я замечательно зол! — прорычал Острогин.

— Да! И чтоб с выбитыми витринами, поломанными столами и стульями, визжащими тетками, — восторженно поддержал его Ветишин.

— Ну просто вестерн! «Дикий запад», — усмехнулся Марасканов. — Ребята, вы что охренели, у меня замена на носу, дайте уехать спокойно через два месяца. Потом опять приходите и все вокруг крушите.

Скушав по четыре порции мороженого, залив его чашечкой кофе, множеством стаканов сока и лимонада, трезвые и злые, мы отправились к выходу, где столкнулись лицом к лицу с патрулем.

— Здравствуйте, товарищи офицеры! — остановил нас майор, начальник патруля. — Предъявите, пожалуйста, документы.

Все машинально похлопали себя по карманам, переглянулись и дружно засмеялись. Документов ни у кого не оказалось. Как правило, удостоверения и партбилеты лежали в сейфе у ротного, а служебные заграничного паспорта по прибытию в полк сдавали в строевую часть.

— Могу показать жетон с личным номером, — улыбнулся я самой приятной улыбкой.

— Что ж, покажешь его коменданту. Следуйте за мной.

— За что? — угрюмо спросил Грымов.

— За нарушение формы одежды, самовольное убийство из своего гарнизона и отсутствие документов. Вы из какого полка сюда прибыли?

— Да нет, мы не из полка, мы марсиане, — усмехнулся Острогин. — Вдобавок завербованные ЦРУ, а еще и Ахмад Шахом.

— Ну-ну. Шутить будете в другом месте. Я же сказал: на выход! — строго приказал майор.

— А мы и так выходим, — успокоил его Игорь. — Шли себе, не скандалили, не шумели, скромненько так. Ведь правда, ребята, хотели похорошему?

— Правда, он нас даже уговаривал, что драки не нужно, — кивнул я в сторону Марасканова.

— Вы это на что намекаете? — Высокий лоб майора покрылся легкой испариной. — Патрульные, постойте тут, не выпускайте их, я сейчас.

И начальник патруля метнулся к телефону у стойки бара.

Мы молча вытеснили обоих солдат из кафе, и Эдуард обратился к ним:

— Ребята, отойдите в сторону и не дергайтесь, а то замолотим. Стойте молча пять минут, ведь ни нам, ни вам лишний шум ни к чему.

Солдаты были растеряны и явно напуганы. Два щупленьких бойца против пяти офицеров, среди которых трое выглядели громилами. Силы были явно не равны.

— Да мы ничего, понимаем, конечно, это все майор.

— Вот и хорошо, что такие понятливые, челюсти, руки ломать не придется. Счастливо оставаться, привет начальнику.

Зайдя за угол, Эдик рявкнул:

— Ходу! Бежим, а то облаву устроят и КПП перекроют. А по тропам ночью не пройти: либо часовые подстрелят, либо на минное поле наткнемся.

Пробежав триста метров, мы приблизились к первому посту. Дневальный сидел на камне и задумчиво курил, глядя куда-то вдаль, в сторону Кабула. Спокойно пройдя мимо него, мы побежали вновь. У второго поста маячил дежурный и весь состав наряда. Темнота сгущалась с каждой минутой. Прапорщик-азиат попытался преградить нам дорогу:

— Товарищи офицеры, ви куда пошоль?

— Не лезь, уйди в сторону, а то опоздаем на трамвай, тогда на твоём топчане спать будем, — пообещал ему Острогин, отодвигая его в сторону, и мы вошли в приоткрытые ворота.

— А-а-а, — задумчиво почесал затылок прапорщик и затем заорал нам вслед:

— Какой — такой трамвай, тут и рельсы нет. Пошутили, понимаешь, да?

— Нет, не пошутили, сейчас рельсы проложим, и он придет. Только никому не говори, особенно тем, кто нами будет интересоваться. А то как-то нехорошо: выпустил ночью к «духам» за пределы гарнизона неизвестных офицеров. Не порядок! — ответил Серж.

— Стой! Стрелять буду! Мать вашу!

— Я те стрельну! И маму не трогай! Гранату сейчас брошу — всю жизнь на аптеку работать будешь! Не было никого! Понял? У, ишак бухарский... — рявкнул Грымов.

— Чего ж не понять? Ясно... — притих прапорщик.

И мы, весело смеясь, убежали вниз к кишлаку. У поворота дороги сидел торговец с лотком и при свете керосиновой лампы спорил с покупателем. Он очень удивленно посмотрел на нас и что-то прокричал.

— Что ему надо, чего орет? — спросил Ветишин. — Хоть бы кто-нибудь их язык понимал. В следующий раз Арамова нужно взять.

— В другой раз автомат нужно брать с собой. Тогда и патруль можно пугнуть, и «духов» завалить, если что, — резко оборвал его я. — У кого-нибудь, кроме меня, есть что-либо с собой?

— А что есть у тебя? — поинтересовался удивленно Грымов.

— У меня две РГО в боковых карманах штанов, по костям очень больно стучат. Сейчас запалы вверну — и уже вооружен, — и с этими словами я принялся вкручивать запалы.

— Вооружен! Только себя и нас подорвать сможешь, — усмехнулся Марасканов.

— Что-то о возвращении мы не подумали, — задумчиво почесал «черепа» Острогин. — Я даже гранату и ту не захватил. Но кто же знал, кто

мог предположить, что мы досрочно вернемся. Такой огромный штаб, обширный женский контингент, и так бесславно возвращаемся. Мне даже стыдно за себя, а за вас тем более.

— Мужики, я вижу, как Острогин, действительно, краснеет, — объявил Ветишин. — Ему и вправду стыдно.

— Хватит болтать, быстрее идите и молчите, накликаете беду, — забурчал Грымов. — Как бы «торгаш» этот «духов» за нами не послал.

Неожиданно со стены, которая возвышалась вокруг афганского музея, кто-то громко окликнул нас.

— Тохта (стой)!

— Бача, дуст! Салам, шурави командор буру (друг, здравствуй, русские командиры идут), — крикнул Острогин.

— А, Салам алейкум! Буру-буру (идите). Сигарет? Сигарет?

— Нист, нист (нет)! Не курим, — ответил я ему.

— На, друг, кури. У меня есть, — и Ветишин бросил пачку сигарет солдату.

— Спасибо, карашо, командор.

Весело помахав «сарбосу» руками, вытирая выступивший холодный пот, кинулись мы бежать дальше по дороге к полку.

— А ведь, если бы был сволочью, парой очередей нас мог завалить! Самое интересное, что прокричали набор слов, но друг друга поняли! — воскликнул Острогин, когда мы отошли подальше.

— Мог перестрелять... хороший солдат попался, душевный. Просто повезло, — согласился я. — Нечего по ночам шастать по большой дороге.

Почти бегом мы проскочили развилку на торговую базу и направились дальше.

— Ребята, а может, завернем к работницам советской торговли. Вдруг нас ждут и скучают, — предложил Ветишин.

— Тебя ждет твой любимый сейф и матрас, на котором ты время от времени спишь, если в женский модуль не пускают. И твой доблестный взвод, они-то по лейтенанту наверняка соскучились, — усмехнулся я.

— Ох, и не говори, замполит мой дорогой. Как они мне надоели, этот Исаков толстомордый, этот Алимов хитрожопый, этот Таджибабаев ленивый. А Кайрымов, Керимов, Эргалиев, Тетрадзе, Васинян. Чертов «интернационал». У всех во взводах какой-нибудь «луч света в темном царстве», а моя пехота как на подбор, — одни мамбеки и бабуины.

— Прекрати жаловаться, я тебе Сомова выделил, отличный парень, — возмутился Грымов.

— Парень хороший, но не серьезный, будет ли толк с него. Москвич — он всегда москвич. С ним, правда, весело, не соскучишься: фокусы, шутки, анекдоты, пантомимы. Мимика у парня — классная.

— Что-то вы разболтались, — зашипел Острогин. — Идите молча, а то пальнет кто-нибудь на звук разговора из Даруламана.

— Не только афганцы, но и свои могут, даже более вероятно. Как через КПП-то пойдём? На подходе пулеметчик от перепуга из ДШК очередь даст, вот будет хохма! Потом собирай нас по кускам и сшивай для отправки домой, — вздохнул я. — Короче молчим и идем.

Мы ускорили шаг и миновали полк зенитчиков. У ворот стоял прапорщик и молча курил.

— Дружище, звякни на наше КПП, чтобы не стреляли. Скажи, что свои, родные офицеры идут, домой возвращаются.

— Хорошо, позвоню. Опасаетесь?

— Еще как! Жить хочется все больше и больше, особенно перед заменой, — ответил ему Игорь.

— Перед заменой нечего по ночам шататься, нужно чемоданы паковать и надеяться на мастерство летчиков, чтоб хорошо долететь.

Мы уже подходили к полку, навстречу вышел дежурный Боря Стремлянов, окликнув нас с опаской издалека:

— Кого черти носят? Кто тут своими называется? А-а, первая рота! Ваше счастье, что позвонил дежурный из зенитного полка, а то я бы попрактиковался в стрельбе по движущимся мишеням.

— Борис! Тихо в полку, никого не разыскивают? — поинтересовался Грымов.

— Вроде да. Шагайте быстрее к себе, считаем, что я вас не видел, если что, вернулись по тропе, через минные поля.

— А мы никуда и не ходили, — улыбнулся Ветишин...

Никуда не ходили, как же... Кто-то комбату в уши надул про экскурсию, буквально через час после нашего возвращения. Утром следующего дня все мы получили по выговору, кроме Эдуарда. Интересно почему?

Мне строгий выговор, как организатору похода. А еще говорят, что если пьянка во главе с замполитом, то это уже мероприятие...

— Обещаю первой роте, так как энергия в них кипит и выплескивается, самую трудную задачу в «зеленке», — объявил майор Подорожник. — «Зеленка» большая, и дерьма там много, на вас всех хватит!

Спасибо, вам, «добрый» товарищ комбат, но Баграмка такая дрянь, что смерть может ждать везде. Там нет ни фронта, ни тыла, нет линии обороны, нет вероятных секторов обстрела. Там есть только сплошная бескрайняя ненависть к нам, которую ощущаешь, едва приблизишься к любому кишлаку. С каждым разом все труднее выбираться оттуда. Все больше потерь. Боже, помоги нам! Хоть я и не верующий...

Комбат наказать наказал, но не сдал полковому начальству, хотя Ошув после звонка из комендатуры рвал и метал. Дело пахло гауптвахтой: угроза патрулю, нарушение режима комендантского часа...

Весна вступила в свои права. Снега на среднегорье растаяли, в долинах все покрылось зеленью. Только высокие вершины еще по-прежнему белели ледниками.

В армию прибыл новый командующий, а в афганском руководстве сменился президент. Чувствовалось, что грядут большие перемены. Пошли разговоры о возможном выводе войск, сокращении числа боевых операций.

Но эти разговоры оставались разговорами, как всегда была спланирована операция по легкой зачистке территории вокруг постов у Баграма. Летом туда зайти будет практически невозможно, а пока что ранняя весна и редкая зелень позволяли попутать «духов». Заставы изнывали от недостатка продовольствия, топлива и боеприпасов, шла весенняя замена солдат и сержантов.

Командир полка предупредил, что намечается что-то очень серьезное возле границы с Пакистаном. Чтобы армии спокойно уйти в рейд, необходимо возле зимних квартир навести порядок.

Легкая перестрелка завязалась у первых же дувалов. Танкисты прямой наводкой крушили стены заброшенных домов, артиллерия заваливала металлом подступы к дороге и окрестные виноградники. Штурмовики и вертолеты, как хищные птицы, высматривали добычу на земле и по очереди сбрасывали смертоносный груз вниз на бесконечную вереницу кишлаков. Столбы дыма поднимались высоко в небо, а пыль клубилась и постепенно застилала всю долину.

Редкие группы прикрытия мятежников вели огонь из автоматов, но в основном они предпочитали укрываться в кяризах, уходя по ним в сторону Джабаль-Уссараджа. Мощные глубинные бомбы продавливали почву, и тот, кто не успел убраться побыстрее, находил свою смерть под землей в осыпавшихся ходах-лабиринтах.

Наконец-то двинулась и наша пехота.

Предстоящая неделя не обещала легкой жизни. Бойцов не хватало. Многие болели. Часть сержантов уволились и уехали домой. Молодежь, как всегда, прибыла из Союза совершенно не обученной и не подготовленной ни к войне в горах, ни к боям в «зеленке». Опять они в учебке подметали дорожки, красили бордюры, строили дома туркменам и узбекам, работали в полях. Одна и та же история из года в год. Большинству командиров в Союзе глубоко безразлично, как они будут тут воевать.

Три мины разорвались за арыком среди толпы местных зевак и возле наших тыловых машин.

Какой-то мальчуган схлопотал осколок в живот. Айзенберг и Томилин бросились на помощь, но рана была смертельна.

Комбат скомандовал по связи срочно входить в кишлак и зачистить развалины. Необходимо было как можно быстрее рассредоточиться, вытянуть скопление машин из зоны обстрела.

Я бежал вдоль длинной стены, прикрываясь за бортом БМП. Пушки и пулеметы строчили по сторонам, бронетехника с лязгом пробиралась все дальше. В ушах стоял сплошной гул, в горле пересохло, к маскировочному халату налипли острые комочки. Изредка стреляя одиночными и короткими очередями, я расстрелял два магазина, пока добрался до долгожданной заставы. Здесь Ветишина обступили знакомые офицеры, прапорщики и солдаты, обрадованные появлению старого приятеля.

Сережка и Бодунов со своими группами остались на подступах к заставе с обеих сторон, Грымов и взвод Острогина заняли большое строение на берегу канала, а я присоединился к третьему взводу. За месяц мы крепко сдружились с Игорем Мараскановым, и поэтому я пошел вместе с ним дальше в глубь кишлака. Постреляв для острастки из пушек, пулеметов, автоматов по виноградникам и развалинам, мы заняли круговую оборону между двух дувалов.

Сзади кишлак, впереди канал, за которым повстанцев как блох на бродячей собаке. По сторонам сады, руины.

Мы в самом центре этой «черной дыры» под названием Баграмская долина. Сюда можно ввести еще целую армию, посадить по взводу в каждый дом — и все равно полного контроля над ней не добьешься. Днем мужик — крестьянин-дехканин с мотыгой и киркой, а ночью он же достал автомат, гранатомет — и уже «моджахед», лупит по заставе из виноградника.

Наш участок обороны — четыре стены вокруг небольшого сада, завалившийся сарай, неглубокий арык. Начинаем обживать.

С криком «кия!», толкнув стенку в прыжке, Игорь неловко приземлился. Часть стены завалилась, а Марасканов подвернул левую ногу, которая распухла на глазах.

— Ну вот, воевать еще толком не приступили, а уже несем не боевые потери, — ухмыльнулся я. — На хрена тебе был этот сектор обстрела? Даже не знаю докладывать о тяжелой травме, полученной офицером роты, или нет. Нарушение мер безопасности как никак.

— Морда ты неблагодарная, — воскликнул Игорь. — И этого человека я укрывал от холода в своем спальном мешке! Делил кров и стол, отдавал ему последний сухарь, фотографировал. А он издевается.

— Ты глубоко заблуждался: не того прикормил.

— Не дам больше ни одной фотографии, можешь не просить.

— Никогда и не попрошу. Когда Острогин или Ветишин снимки напечатают и обсушат, всегда потихоньку смогу реквизи́ровать самые хорошие, особенно те, на которых меня запечатлели. У тебя таким же путем сопру.

— Прикажу Якубову, чтоб не кормил тебя сегодня за это.

— Якубов! — крикнул я солдату. — Гурбон, вот скажи мне такую вещь: командиру взвода до замены месяц, а мне чуть больше года, будешь ты кормить замполита или нет?

— Трудная задачка, — расплылся в широкой улыбке солдат. — Приказ не выполнить нельзя, но и если вы умрете от голода, тоже ничего хорошего. Кормить буду тайком, но самыми вкусными, отборными кусками.

— Э-эх, Гурбон! Идешь на поводу у лейтенанта. Этих замполитов отстреливать нужно, а ты ему самое лучшее обещаешь.

— Зачем отстреливать? Лейтенант Ростовцев очень хороший человек, пулемет помогал нести в горах, разговаривает часто по душам, к медали представил, значком наградил, в гости собирается приехать. Нет, не надо другого, он еще и в партию принять обещал.

— Вот видишь, Игорь, как дела обстоят! Не получится.

— Гурбонище! За значок проданся?

— Нет, не проданся, а сагитирован!

— Ник, ты что творишь? Из «басмачей» коммунистов лепишь? А зачем тебе, Гурбон, в партию нужно?

— Как зачем? Денег у меня нет, папы богатого нет, калыма нет. Вернусь домой с медалью или орденом, да еще партийным, очень быстро директором ресторана стану, — и довольный он заулыбался еще шире.

Плотно пообедав и слегка вздремнув, мы принялись усовершенствовать оборону. Вокруг БМП вырыли ячейки для стрельбы лежа, насыпали брустверы спереди и по бокам, пушки развернули в разные стороны.

Я взял Якубова-младшего, и в сумерках мы отправился устанавливать «растяжки». К двум РГО привязал ниточки и протянул их через тропу, идущую к каналу. Хорошая граната для «сюрприза» сразу взрывается при падении, без всякого временного замедления.

Такой же «сюрприз» поставил и на тропе, ведущей в сторону кишлака, метрах в ста от него. Лишняя предосторожность не помешает. Надо было и в винограднике «сюрпризы» понатыкать, но какой-нибудь наш засранец еще голой задницей зацепится, вот будет неприятность-то!

Ночь стояла прекрасная: теплая и тихая. В десанте спать очень душно, и я лег под яблоней, разглядывая свои любимые звезды. В темноте кто-то возле самых ног пробежал, шурша листвой, и осторожно подошел к моему лицу, громко фыркая и любопытно принюхиваясь.

— Кыш, брысь, зараза! — испуганно заорал я, и дремота мгновенно улетучилась.

Существо испуганно метнулось в сторону, за ним побежал Свекольников.

— Что случилось? — продирая глаза, спросил из БМП Игорь. — Чего орешь?

— Ужас, привидится же такое сквозь сон! Только чуть-чуть задремал, а перед глазами стоит рожа «черта». Большие уши, длинный нос, глазища черными пуговками, и обнюхивает мою физиономию.

— У тебя, наверное, «крыша поехала». Скажешь тоже, черт. Наверное, крыса хотела поужинать кусочком твоего длинного носа.

— Жаль, что ты свой большой шнобель на траву не положил.

Тем временем Витька метался по кустам, с громким шумом и треском ломая ветки.

— Поймал, поймал! — заорал радостно солдат.

— Витька, на кой хрен нам крыса, шашлык из нее делать будешь? — поинтересовался Марасканов.

— Это не крыса, а ежик, товарищ, старший лейтенант.

— Какой еще ежик? Я что ежей никогда не видал! Нос у зверя длинный, как у дятла, урод какой-то, — удивился я.

— Это, товарищ лейтенант, пустынный ежик. Я таких зверьков у нас в Самарканде видел.

С этими словами солдат протянул мне панаму, в которой лежал колючий комок сантиметров двадцать в диаметре.

— Гляди-ка, какой большой! — восхитился я. — А ну, Витек, давай его выпустим в коробку из-под сухих пайков.

Ежик полежал минут пять, осмелел и потихоньку начал разворачиваться из клубка, затем встал на ножки, которые оказались довольно длинными. Чудной! Большие уши, длинный нос, тонкий хвост, как у крысы. Вот так еж! Ну и ну, пародия! Как в анекдоте про верблюда: «Это кто так лошадь издупил?»

— Свекольников, зачем он тебе, выпусти! — простонал, потирая распухшую ногу, взводный.

— Пусть в казарме крыс и мышей ловит. Хор-ро-ший! Е-е-ежик! — произнес восторженно солдат, протягивая зверьку кусочек сахара, но тот сразу свернулся и угрожающе зашипел.

— Ты к нему со всей душой, а он пока не понимает. Дикий, неукротенный. Клоун у нас в роте есть, теперь еще дрессировщик ежей будет. Цирк «Шапито», — подвел итог Игорь и добавил: — Всем спать! Кто не на постах, конечно!

* * *

Ночью зверек бегал по коробке и пытался найти выход. Чавкал, пережевывая кусочки мяса и каши, сопел, тяжело и грустно вздыхал.

Игорь тем временем мучился от сильной боли в ноге.

Утром Грымов приехал для осмотра наших позиций в сопровождении саперов. С ним был Томилин, который наложил Игорю тугую по-

вязку. Сержант глубоко вздохнул, укладывая свою сумку после оказания помощи.

— Уеду до дому, кто вас лечить буде? Пропадете зовсим.

— Степа, свято место пусто не бывает, найдем еще лучше, не бурчащего и не философствующего, — улыбнулся я. — Еще попросишься обратно.

Ребята-минеры ушли за канал, поколдовали часа два и, избавившись от «сюрпризов», вернулись обратно.

— Что там, «духов» не видно? Оставили «подарки» врагам? — спросил Марасканов.

— Ага, заминировали выходы из кяризов. Им неприятно, а вам будет спокойнее, — ответил сапер, лейтенант Васин.

Эдуард попил чайку, почти не разговаривая с нами, и вернулся в машину.

И вновь взвод дремлет в тишине и одиночестве.

* * *

Вечером Витька, вновь ползая в кустарнике, поймал ежика. Но другого, обыкновенного, как в России. Этот был с нормальными носом и ушками, короткими ножками и без длинного хвоста.

— Витька, ты что собрался всех ежиков переловить? Зачем тебе это надо? — удивился Игорь.

— Прикормлю, будут жить у нас в роте. Они хорошие, интересные. Я их люблю.

— Ежелов! Ты, главное, связь не проспи с командиром роты. А не то ежа, любого из них на выбор, в задницу засуну!

Свекольников, грустно и тяжело вздыхая, поправил наушник радиостанции и продолжил наблюдать за зверьками. Вскоре он принес в коробку листьев, травы, набросал сухих груш, вишен и айвы.

— Витька, ты бы лучше так заботился о больном командире. Я ни айву сорвать не могу, ни к костру лишний раз сходить чаю попить. Нога ноет, просто жутко. А ты угощенья несешь ежам. Нужно тебя, наверное, уволить из связистов и отправить часовым к «братьям» Якубовым.

— Нет, нет. Я буду заботиться о вас. Я и так беспокоюсь о вашем здоровье.

— Это в чем интересно выражается? — спросил Игорь.

— Переживаю.

— Переживаешь, это уже хорошо. А то я тебя на Гришку Рожкова поменяю, будешь его пулемет носить. Он хотя и «тормоз», но про чай не забудет. Намек понял?

— Понял, отчего же не понять.

Солдат сорвался с места и потрусил в сторону костра. Вскоре Свекольников вернулся с двумя глубокими мисками плова и голубцами в виноградных листьях.

— Кушайте на здоровье, товарищи офицеры!
— Черт, а мы совсем про обед забыли. Молодец! Ладно, оставайся при радиостанции, но не расслабляйся.

Голубцы были замечательными, но по поводу качества плова Игорь высказал ряд замечаний:

— Рис перетомили, не хватает морковочки, и суховат.

— Игорек, не гурманствуй. Ешь и радуйся, что это не перловка из банки.

— Ем и радуюсь. Но как сын этой восьмой дивизии и коренной «азиат», разбираюсь в этом блюде и сам отменно готовлю его.

— Как это понимать — сын дивизии? Сын полка — знаю, сын дивизии — не слышал. Да и староват ты для этого звания.

— Понимаешь, я родился в этой дивизии. Отец был зам.начальника дивизионной автошколы в Термезе — учебке автомобилистов. Вот тогда, в шестидесятых годах, там стояла наша дивизия, отсюда ее в Афган позднее перебросили. Так что мы с ней родственники, а я — настоящий сын дивизии.

— Ну, а я, выходит, пасынок. Довелось два месяца служить на ее руинах, на базе того, что осталось после ее ухода «за речку». В гарнизоне позднее сформировали центр подготовки «пушечного мяса». Находился я там после окончания училища в пехотном полку, в степи, возле «моста дружбы». Офицеров в каждой роте было по два человека на должность, и в течение этих двух месяцев половину выпускников послали воевать, а остальных разбросали по округу. Пришлось почти год еще в Туркменской глуши гнить, «комара-пиндинку» кормить.

— Знаю, слышал про эту гадость. Ох, и дрянь! В Кандагаре от этих комариков сам малярию заработал. Такая неприятная вещь, скажу я тебе.

— Верно. Прививки не ставил случайно от нее?

— Делали и много, но кто его знает от чего.

— То-то и оно, ставят уколы, а чего прививают не известно. У меня твердое убеждение, что прививки — это основная причина заболевания. Только оно проходит в легких формах. Не делаю уколы и здоров. Тьфу-тьфу-тьфу, — и я суеверно сплюнул три раза через левое плечо.

Тем временем по связи передали приказ быть готовыми к проходу колонны. На блокпостах БМП и пехота постреляли за канал из всех стволов, для морального успокоения руководства и собственного тоже. В ответ — только молчание, слишком много огня, на рожон никто лезть не хочет, это ведь не одинокая застава в центре зеленого моря, тут можно и по шее схлопотать.

Мимо прополз, коптя отработанной соляркой, танк с командиром танкового батальона на башне, затем в замыкании пять грузовых машин и БМП с Лонгиновым. Бронежилет как всегда в каске и тяжелом «панцире».

Все солдаты нашего блока тотчас надели каски на головы и броники на тело. Семен Николаевич притормозил и рывкнул в мою сторону:

— Почему вы, товарищ лейтенант, без «защиты»? Это что за нарушение приказа командира?

— Так у меня его нет, без этой обузы по канавам и арыкам прыгать легче и от пуль уворачиваться.

— Опять нарываетесь на взыскание. Разберемся в Баграме, когда выйдем из кишлака, обещаю.

— Воля ваша, только железо таскать на себе я не буду все равно. У меня столько здоровья, как у вас, нет.

— А как же солдаты одевают, а как же личный пример для них?

— Я еще и всех умирающих, выбившихся из сил подгонять должен и пулеметы за них нести. Поэтому мне нужно быть легким, свободным и мобильным.

— Вот влепит комбат выговор, будешь и свободным и мобильным, — и он уехал на пост.

— Черт! Все настроение испортил, монстр! — рявкнул я.

— Что ты так на Семена? Хороший мужик, мне он нравится.

— А что в нем хорошего?

— Мы с ним учились в ЛенВОКУ, только в разные года, ко мне он не придирается.

— О! Вот и первый любимчик Бронежилета нашелся!

Поздно вечером Витька поставил коробку с ежами в левый десант БМП, предварительно поинтересовавшись, не лягу ли я туда, свободно ли место?

— Нет, Свекольников, не лягу. Тут свежо, небо, звезды, ветерок. А что там? Броня над головой и запах мазута да пороховой гари, да вонь от портянок Кобылина.

— А чего это вонь именно от моих портянок? — обиженно поинтересовался стоящий рядом механик-водитель. — Может, это Сидорчука?

— Да нет, дорогой, это твои портянки, твои. Такой специфический запах не спутать ни с чем другим во взводе. Ноги нужно мыть почаще! Когда мыл в последний раз?

— Я и так их мою. Каждый раз, когда в баню хожу, — произнес солдат протяжно, почти нараспев.

Стоящие вокруг бойцы дружно рассмеялись над незадачливым бывшим сельским трактористом.

— Кобылин, слушай приказ! Умываться каждый день, регулярно чистить зубы, портянки стирать! Ноги мыть не только раз в неделю в бане, а каждый вечер.

— Уф-ф, — выдохнул солдат. — Постараюсь, очень уж много наговорили, главное — не забыть.

— Якубов-большой! Назначаю тебя над ним старшим и закрепляю за этим балбесом.

— Есть, быть старшим! Кобылин, каждый день будешь со мной вместе в умывальник ходить, я из тебя, неандерталец, цивилизованного человека сделаю.

— Ну ты, повар, даешь! Какие слова умные знаешь, — удивился я.

— Обижаете, товарищ лейтенант, я ведь техникум закончил. Еще и не такое заумное могу сказать, — улыбнулся Якубов.

* * *

Таким образом, ежики стали жить в БМП. Но однажды что-то им не понравилось, и зверюшки принялись бегать, прыгать, скакать по всей коробке. Особенно старался длинноухий. Не понятно каким образом — может, он забрался на маленького ежа и высоко подпрыгнул — но «пустынный» выскочил из ящика. Свекольников вернулся с поста и обнаружил зверька, обнюхивающего край сиденья и испуганно глядевшего вниз. Все-таки было довольно высоко, даже для длинноногого.

— Ежик! Ты куда? Иди в коробку, глупенький мой, не бойся. Я тебе «кишмиш» принес, — ласково заворковал солдатик.

— Свекольников, негодяй! — взвыл проснувшийся Игорь. — Нога ноет страшно, еле-еле заснул, и тут ты разбудил. Воркуешь все с ежами. Надоел! Пойди прочь с глаз долой. Теперь всю ночь мучиться.

— Я не виноват, ежик сбежать хотел, а я ему еды принес.

— Ты не его, а меня изюмом угости.

— А тут на всех хватит: и вам, и лейтенанту Ростовцеву.

— Слушай, «студент-недоучка», ты явно готовишься вместо философского факультета перейти на биофак. От гнева взводного тебя может спасти только огромное количество изюма. Где взял-то? — поинтересовался я у солдата.

— Да Якубов в сарае обнаружил. Целый мешок, соломой присыпанный.

— А «Стингер» случайно в сарае не нашли или китайские «ЭрэСы»? За «Стингер» орден Красного Знамени дают, знаешь или нет? — спросил Игорь.

— Знаю, но там еще только орехи лежали. Больше ничего.

— Жалко, ну что ж, неси орехи, будем лечить старшего лейтенанта Марасканова. Ему бы еще водочный компресс и коньяк для смазки сосудов и внутренностей.

Свекольников принес «деликатесы» и вытащил из отсека коробку с живностью. Игорь, постанывая, выбрался из машины, и мы занялись орехами и изюмом. Кое-что перепало зверькам, которые, пугливо и осторожно принюхиваясь, поедали угощения.

— Слушай меня, юный натуралист, — строго произнес командир взвода. — Можешь хоть спать вместе с ними в коробке, можешь пыхтеть и

фыркать дружно с ежами, но только уйди от меня куда-нибудь подальше. Разрешаю лечь рядом с замполитом, но «клубки колючие» эти, бегающие, с собой заberi и не мешай человеку спокойно болеть. Понял?

— Так точно! Ухожу.

Центр шума и суеты переместился в мою сторону. Около полутора часов, пока была моя очередь бодрствовать и проверять посты, я терпел этот «зоосад». Но затем пришло время моего отдыха, и я возмутился. Зверюшки вздыхали, пыхтели, чихали...

— Витька! Свекольников! Уйми их, ради бога, или уйди с ними. Не надо буквально дословно воспринимать приказ Марасканова. Вокруг БМП места много, отойди под яблоню, что ли.

Мучающийся Игорь радостно прокричал из спальника:

— Вот теперь понял, как я тут страдал и мучался, а ты еще защищал этого ботаника-биолога. Все издеваются над раненым львом...

* * *

— Вначале тропы минировать от нечего делать, ищешь приключения на свой зад, а теперь снимать идешь. Рисковать-то зачем, все-таки граната — вещь очень опасная, — сморщил нос Игорь.

— Все будет хорошо! Не писай кипятком! Якубов, за мной!

— Ну-ну, посмотрим, как ты ее снимешь, — вздохнул взводный.

На лице бывшего повара не было заметно никакого желания идти, но, глубоко вздохнув, сержант двинулся следом.

Мы пошли вдвоем с Гурбоном в виноградник. Ловушку в саду я снял легко и без проблем, но из второй гранаты при первом же прикосновении вылетела в траву чека из запала. Хорошо, что еще сама граната из руки не выскользнула. Перебросив ее через дувал, я пригнул голову Якубова к земле. Ба-бах! За стеной раздался взрыв, и комочки земли и глины ударили по спине и голове. Что ж неприятно, но не смертельно, осколки застряли в стене.

Не успели мы отряхнуться от пыли, как послышался дробный топот ног: пары и еще одной. Из-за угла выскочили Свекольников и, чуть приотстав, Марасканов. Игорь прыгал на одной ноге, опираясь на две палки.

— Ну, ты и сволочь! — выдохнул, отдышавшись, старший лейтенант. — Меня чуть инфаркт не хватил, я думал: вы подорвались.

— Игорек! Ну что ты, все в порядке. Гранату бросил через дувал. Чека вылетела куда-то в колючки, я и швырнул ее. А то ведь она оборонительная, чего доброго споткнешься и упадешь на руку — и привет, поминай как звали. Проще выкинуть, пусть себе взрывается за арыком.

— Конечно, проще. И товарищу нервы заодно пощекотать, да? Гад, совсем не думаешь о других. Я тебе этого не прощу.

— Игорюха! С меня в Питере два пузыря шампанского!
— Ловлю на слове. Приедешь в Ленинград, с пустыми руками не являйся!
— Лови. Когда это еще свершится? Ну что, можно сваливать, где колонна находится?
— Уже прошла через блоки, можем сниматься.
— Вот и хорошо, главное — ежей не упустить, правда, Витька?
— Правда, — весело улыбнулся солдат. — Будет в нашей казарме зоо-сад. Попугайчиков бы еще поймать...
— Ага, и старшина на порог тебя не пустит! Ежиковое «сафари» завершено. По машинам! — гаркнул я.

* * *

Спустя три часа мы выбрались наконец-то с территории кишлака и прибыли к полевому лагерю. Тылы, как всегда, развернулись и заняли всю долину. Вот бы их всех в «зеленку» и чтоб они ее прочесали.

До чего же повезло батальону, просто чудо! Ни убитых, ни раненых. Ранило танкиста, сапера, водителя из ремроты. А у нас опять никого не зацепило...

Я блаженствовал, забравшись в походную резиновую ванну.

Утро началось чудесно: вкусный завтрак, отличный компот из айвы, новый анекдот. В довершение всех прелестей жизни «бассейн» оказался свободен и был наполнен чистой и теплой водой. Прекрасное утро: все живы, рейд заканчивается. Красота! Сейчас еще немного полежу, покачаюсь на надувном боку «бассейна» и пойду заниматься повседневными делами.

Вдалеке клубилась пыль, и вскоре показались шесть БМП. Две «коробочки» — это машины нашего разведвзвода, а остальные — из разведроты. С крайней прыгнул лейтенант Пыж и направился к комбату, устало загребая ногами пыль.

Вокруг стояла относительная тишина, насколько может быть тихо в военно-полевом лагере. Ведь артиллерия не стреляла, авиация не летала, танки не ползали, и в душе уже появилось ощущение покоя.

Бойцы лениво ходили между машин. Кто не спали, те трясли матрасы, одеяла, спальники, мыли посуду — шла мелкая повседневная суета. Все это происходило как бы помимо меня. В мыслях я уже был на Черном море. Пока же я потихоньку отмокал, смывая пыль и грязь. Вода — это жизнь...

Отпуск приближался со всей неотвратимостью, я все же сумел дотянуть до лета, несмотря на неоднократные попытки начальства отправить меня в другое время. Но я их перехитрил и победил.

Сегодня вновь очередная удача! Проснулся пораньше и в результате первый провожу омовение в чистой теплой водичке, и никто не мешает. Жизнь — это постоянная череда удач и неудач, главное, чтобы первых было больше. Возле моего «бассейна» остановился заспанный Витя Бугрим.

— Когда освободишь ванную?

— Никогда! Витек, скажи лучше откуда разведка вернулась? — вопросом на вопрос ответил я.

— К Ниджерабу бегали, что-то случилось у разведчиков капитана Ардзинбы, вот Пыж и умчался среди ночи. В эфире у них был режим радиомолчания, сейчас все узнаем.

Из штабной машины появился Подорожник и поздоровался с взводным. Николай что-то оживленно рассказывал, размахивал руками, а затем пошел в сторону походной кухни.

— Коля! Пыж! — заорал я из ванной. — Подойди на пять минут, будь другом.

— Ну, чего орешь, валяешься тут сытый и голый в воде, балдеешь, а я устал, измучен и голоден.

— Что случилось, куда унеслись ночью по тревоге как сумасшедшие?

— Разведроту спасали. Петро Турецкий погиб по глупости нового ротного. Начальник разведки Коляда вызвал на подмогу.

— Твою мать, — выдохнул хрипло я и чуть не захлебнулся, соскользнув с мокрого края в воду.

— Они небольшой кишлак ночью блокировали. Афганская застава и взвод из второго батальона им помогали. Турецкий и еще два солдата шли в дозоре. Получили от информаторов сведения о том, что банда Керима в этом кишлаке ночует. Он ведь половину Баграмской «зеленки» контролирует. Петр застрелил из пистолета с глушителем троих часовых, а четвертый «дух» сквозь дыру в дувале их длинной очередью срезал — не заметил гада. Таджика-переводчика сразу насмерть, Турецкий еще минуту отстреливался, прикрывая раненого солдата. Раненый — Царев. Помнишь, в вашу роту боксер на неделю попал, а потом его забрали разведчики? Он в какой-то сарай заполз и оттуда отстреливался. Роту прижали на северной окраине, а когда мы примчались с противоположной стороны, у них совсем дела были плохи.

Мой механик — молодец, Васька-«малыш» двух «духов» дувалом задавил, я еще одного из «подствольника» снял, а нескольких из пушки замолотили. Царева быстро погрузили в десант, трупы остальных наших и одного «царандоевца» на «ребристый» лист бросили — и ходу! Еле-еле выскочили. Во второй машине — дыра в борту от попадания из «безоткатки». «Духи» с окраины кишлака к нам бросились, но нас уже и след простыл — одна пыль. По дороге обратно нашу машину подбили, прапорщика ранили.

— Что у Царева? — спросил Бугрим.

— Дыра в груди и пуля в животе. Возможно, выкарабкается. Молодец парень! Лежал на спине, в одной руке — граната с выдернутой чекой зажата, а в другой — АКМ с последним полупустым магазином... Разведка стоит у медсанбата, мы только оттуда. Опознание тел идет. Жрать хочу и спать. Пойду, ладно, ребята!

— Е... мать! — и я замолотил по краю бассейна кулаком в бессильной злобе.

Мы с Петькой родом из одной области, из соседних городков. В один день оказались в этом полку, в этой долбаной, гребаной чужой стране, за одним столом заменщиков сидели, там и познакомились. Невредимых от компании заменщиков осталось из восьми человек уже только половина.

— Да, дела... — вздохнул Виктор.

— А ведь он с двумя солдатами целый батальон мародеров в плен взял в прошлом году, — грустно сказал я, и мои глаза стали влажными от слез.

Я вспомнил, что Петя обладал огромной силой: разбивал об голову два кирпича, гнул подковы, ломал руками любые доски. в то же время он был спокойным и добродушным парнем.

* * *

В октябре наша рота взяла в плен у Баркибарак несколько «духов». После проведенной «воспитательной работы» со стороны разведки один сразу скончался, а другой заговорил и вызвался быть проводником, а третьего расстреляли за ненадобностью, пока «царандоевцы» не видят. Им пленного если передать, то они вскоре его из тюрьмы отпустят. В городке, по словам «языка», расположился дезертировавший в полном составе батальон афганской армии. Что-то порядка восьмидесяти человек. Заняли они административное здание, а комбат захватил самый большой дом. Они грабили машины на дороге, облагали «данью» всех местных торговцев. Другие малочисленные банды к ним не лезли, а от столкновений с крупными — дезертиры уклонялись. Ни с нами, ни с афганской армией старались не конфликтовать. Нападали они на нас очень редко, бывало, похищали солдат-наркоманов, а затем продавали их или обменивали на что-нибудь, бывало, угоняли машины.

Петр и пара бойцов, как всегда, шли в дозоре. Вел их испуганный проводник-пленник, который выбрал вместо допроса с пристрастиями жизнь, он всю дорогу молился. Его односельчанин умер довольно быстро, через пятнадцать минут после начала «дружеской беседы», этот был менее фанатичен, к Аллаху не торопился, очень хотел пожить.

Группа углубилась в населенный пункт, окруженный невысокими горными грядами, лежащий в пойме речушки, которая делила это селение пополам. Попадавшие на пути местные жители жались к стенам, с удивлением и ужасом наблюдая за передвижением наших бойцов.

Всего трое «шурави» в центре мятежного кишлака! Ни артиллерийского обстрела, ни бомбежки, ни бронетехники вокруг. Это просто беспредельная наглость! Идут не спеша, поглядывают молча по сторонам, не стреляют, никого ни о чем не спрашивают. Направляются прямо к логову мародеров. Куда? Зачем? Может, не знают: кто там обитает и сколько их?

(Так, наверное, рассуждали меж собой, недобро поглядывая на разведчиков, «дехкане».)

Никакого охранения, никаких постов по дороге почему-то не попало. Турецкий уже начал сомневаться, не обманул ли проводник, однако в этот момент вышли к большому дому, приспособленному под казарму. Высокая глухая стена забора без окон и большие ворота для входа.

Петр вошел в двери и на мгновение остолбенел: во дворе сутилась и шумела толпа полураздетых людей. Афганцы переодевались: снимали хала-

ты, шаровары, рубашки и надевали армейскую форму. Оружие либо стояло в пирамиде, либо лежало на земле, либо было прислонено к стене. Мятежники остолбенели, и произошло секундное замешательство. Этого хватило для того, чтобы первого рванувшегося к оружию Турецкий застрелил из автомата, еще двоих скосил второй очередью. Затем он командовал:

— Строиться лицом к стене! Руки вверх! Кому не хватает места в строю, лечь и руки за голову. Кто тут старший?

Таджик-переводчик громко и быстро переводил команды на «фарси».

— Я командир роты, — ответил один из них и тут же упал, сраженный очередью.

Большой квадратный двор пришел в движение, желающих получить пулю в живот не появилось. Один из дезертиров попробовал юркнуть в дверь, но его в проеме догнал выстрел из «подствольника» и вдобавок прошила очередь.

Наконец, когда вся банда была построена, один из разведчиков принялся таскать оружие к воротам и бросать в кучу.

Петр нервничал: остальные бойцы роты задерживались. Турецкий, выйдя по связи, потребовал подкрепления. Проводник попытался под шумок скрыться и побегал через пролом в стене в кишлак, но упал, сраженный очередью разведчика-таджика. Пленники даже не шелохнулись и пребывали в полной прострации, ведь все произошло быстро и неожиданно.

Спустя пять минут во двор этой казармы заглянули два человека и осторожно вошли. Оба были в чалмах, шароварах, но в форменных курточках. Увидев наших разведчиков, один из них принялся что-то отрывисто говорить на повышенных тонах.

— Говорит, что он начальник штаба этого батальона и требует объяснить, что тут происходит. Предлагает нам сдать оружие, — перевел сержант Азаматов.

Турецкий задумчиво посмотрел на них и по два раза выстрелил из пистолета в каждого. С короткими вскриками афганцы рухнули замертво на землю. Остальные задрожали от ужаса еще сильнее и что-то заорали.

— Чего шумят? — поинтересовался старший лейтенант.

— Попросят, командир, не убивать, они ни в чем не виноваты, их заставляли грабить, — пояснил сержант.

— Объясни, что если будут стоять спокойно, все будут целы. Где их командир?

— Живет в отдельном доме с охраной, скоро должен появиться.

— Черт! Только этого нам не хватало! Где же рота?

Через пару минут появился первый взвод, за ним второй подъехал на бронетехнике. Кишлак прочесали, но оказалось, главарь сбежал, слышав стрельбу.

Пленных передали полку спецназа ХАД (это афганская госбезопасность), а Турецкого и обоих разведчиков представили к орденам. По-

зднее за героизм командир дивизии представил Турецкого к званию Героя. Но это была уже другая история...

Разведчики вышли в засаду к Пагману и по «наводке» ночью перехватили караван с опиумом. Турецкий возглавлял и эту операцию. Ишаков всех перестреляли, о дальнейшей судьбе «духов», погонщиков животных, история умалчивает. Трофей представлял собой двенадцать мешков с наркотиками и оружие. Но оружие — это мелочь. А вот уничтожить полтонны наркоты — неслыханная удача. На эту дрянь «духами» закупается за границей оружие, этим зельем одурманивают они наших бойцов. После увольнения солдата в запас «чума XX века» расплозается по всем уголкам нашей страны. Беда приходит во многие и многие дома.

Самое загадочное состояло в том, что после подписания акта об уничтожении наркотиков, из закрытой камеры караульного помещения исчез один мешок опиума-сырца. Кто-то решил поживиться, причем все прошло вполне удачно. Мерзавцы хорошо нагрели руки. Сколько же стоит этот куш? Майор Ошуев метался, «рыл землю носом», все-таки за караульную службу он несет персональную ответственность, но крайних так и не нашли. Особый отдел дело замял, причем очень быстро и непонятно почему. А действительно, почему? Может, так было нужно кому-то наверху? Одиннадцать мешков сложили на полигоне в кучу, облили бензином и подожгли. Двум солдатам, стоявшим очень близко к костру, стало плохо: отравились ядовитыми, дурманящими парами, пришлось их отправить в госпиталь. Эта «зараза», даже сгорая, в предсмертной агонии, пытается кого-нибудь убить.

* * *

Командир дивизии и начальник политотдела собрали офицеров полка в походную лагерную палатку. Полковник Севостьянов начал совещание с истерического крика.

— Что происходит в полку? Почему разведка полезла туда и нарвалась на засаду? Кто разрешал? Что за самодеятельность? — орал и брызгал слюной начальник политотдела. — Кто-нибудь внятно объяснит мне, что произошло?

Встал начальник разведки майор Коляда и, нервно тербя кепку, ответил:

— Никакой самодеятельности, товарищ полковник. Это была внеплановая операция. Получили информацию о совещании комитета ИПА (Исламская партия Афганистана), ну и решили взять их всех тепленькими. Времени было совсем мало на подготовку.

— Кто ответит за гибель сержанта и четырех раненых солдат? А? Я вас спрашиваю? За «пайсой» полезли?

— А сам Турецкий не в счет? Не человек? — возмутился командир второго взвода Кузьминский.

— Замолчать! Грабители-мародеры! Негодяи!

— Сам негодай! — рявкнул старший лейтенант и сел на лавку. — Мы под пулями ходим, а вы тут жиреете.

— Вон отсюда!!!

Виктор Кузьминский грязно выругался и вышел из палатки.

— Командир полка, привлечь к суду чести офицеров! Начальнику разведки, командиру роты и начальнику штаба полка взыскания объявлю позже.

Филатов встал и, вытирая обильный пот с высокого лба, попытался возразить:

— Зачем вы так грубо, товарищ полковник? Турецкий — отличный офицер, мы же его к званию Героя Советского Союза месяц назад представили!

— Наградной отозвать, обязательно отозвать, — выступил в роли хозяина новый командир дивизии Баринов. Он прибыл пару недель назад, и вся дивизия говорила: «Барин из Москвы приехал». Внешность соответствовала фамилии.

Полковник вынул из кармана расческу, причесал красивый седой пробор, одернул отутюженное до острых стрелок х/б и начал разнос хорошо поставленным голосом.

— Бардак, анархия. Это что тут за деревенщина собралась? Я куда попал, в зачуханный колхоз? Этого офицера я сгною! Хам! Так разговаривать с заместителем командира дивизии! Одни лезут неизвестно куда и неизвестно за чем, другие грубят. Это армия или как? Я считаю: командование полка не владеет обстановкой, перехвалили полк. Турецкий — лучший офицер? Не смешите меня!

— Он с двумя солдатами батальон мародеров взял, — подал голос Коляда.

— Вы кто, товарищ майор?

— Начальник разведки полка.

— Боюсь, что бывший!

— Нет, только назначенный!

— Ошиблись, значит, поправим, еще не поздно. Армия — это дисциплина и порядок. Что за вид у роты? Одеты кто во что: в кроссовки, в маскхалаты, в какие-то непонятные куртки. Банда! Ну ничего, исправим дела. Младшие офицеры — свободны!

Когда мы вышли, голос комдива загремел с новой силой.

Спустя час комбат собрал всех офицеров и начал разнос. Первому досталось на орехи вместо обещанной награды Пыжу.

— Взвод переодеть, привести в порядок, они у тебя словно шайка с большой дороги, через два часа строевой смотр, самому побриться, ты ходишь тоже как бандит!

Затем комбат повел глазами по нашим рядам и ткнул пальцем в меня, Александрова, Острогина, Бодунова и еще троих.

— Тельняшки — снять. Капитан Лонгинов, порвать эти лохмотья и сжечь. Мы не моряки, а пехотинцы, сколько можно с этим бороться? Кроссовки — изъять, бронежилеты — надеть. Ну, а ты, Ростовцев, маскхалатик-то сними. У меня уже поперек горла эта ваша партизанщина.

— Мне что голым ходить? Тельняшку, маскхалат, кроссовки выкинуть, и что прикажете в трусах и бронежилете остаться?

— Интересная мысль! Начальник штаба запиши очередной выговор, формулировку сам придумай.

Майор Степанков, только-только прибывший с Урала, с готовностью взялся за блокнот и карандаш.

— Разойдись! — скомандовал комбат.

— Ростовцев, ко мне, — подозвал Артюхин. — Вернемся домой — сразу в отпуск. Ты мне надоел, езжай на курорт, нервишки подлечи. Зарываешься, пора отдохнуть.

— Товарищ капитан, вы меня в третий раз в отпуск отправляете. А как же путевка? Я на июнь взял в Kisлoвoдск.

— Перебьешься без курорта, у комбата уже на тебя аллергия выработалась.

— В принципе, она взаимна.

* * *

Турецкого увез хоронить в Союз Кузьминский, чем спасся от суда, а, вернувшись, сразу заменился. Повезло. Два года войны истекли.

Свою угрозу начпо выполнил, и наградной лист погибшего Героя вернули из Ташкента, даже посмертно наградной на второй орден «Красной звезды» не посылали, все размышляли и ждали разрешения. Лишь спустя два месяца, когда Севостьянов был в отпуске, удалось провести бумаги через штаб дивизии.

* * *

Вторые сутки мы стояли на пустыре, глотая пыль, раздуваемую ветрами. Командование что-то изобретает, но нас в свои планы не посвящает. А нам это и ни к чему. Думают, очевидно, что делать дальше, вроде бы пора по домам, но что-то удерживает всю эту силищу в долине. Наверное, боятся докладывать в штаб армии об отсутствии результатов.

Я сидел в тени, отбрасываемой от БМП и, привалившись спиной к траку, нехотя ковырял в банке овощное ассорти. Красивое название не соответствовало содержанию. То, что наполняло банку, было очень невкусным, просто отвратительным. Вначале, когда ввели этот новый паек — «горно-зимний» и «горно-летний» — мясной гуляш и овощи были действительно хороши, особенно после приевшейся перловки. Но спустя

какое-то время, когда консервы перестали быть экспериментальными, они поступали вонючими и отвратительными, кислыми на вкус. Очевидно, картофель, морковь и капуста были третьесортные. Жуть! Но есть хочется, вот и жуем эту дрянь.

Вдруг где-то рядом негромкий взрыв, и спустя пять минут мимо промчался взьерошенный ординарец командира полка.

К роте вскоре прибежал посыльный от комбата с приказом об экстренном построении. Грымов отдал распоряжения, и рота выстроилась в две шеренги вдоль позиций.

— Эдуард, что произошло, чего начальство суетится? — кивнул я в сторону бегущих вдоль машин Артюхина и Подорожника.

— А хрен их знает!

Рядом с комбатом мчался с пачкой бумаг зам. начальника штаба, старший лейтенант Игорек Шведов. Игорек был командиром взвода АГС, но в Панджшере не повезло — оказался на пути нескольких осколков. Один из них, маленький, впился в голову, но мозг, к счастью, не задел. На лбу у него остался глубокий шрам и скоба возле темечка, на память о войне. Полгода по госпиталям, отпускам, и какой-то идиот решил, что раз думать уже может и рука срослась, то он годен к дальнейшей службе в Афганистане. Сюда если попал — трудно вырваться из цепких лап системы... Место ЗНШ батальона только что освободилось. Должность капитанская, и Игорь с удовольствием ее занял, когда предложили. Все не гранатомет на себе тягать.

Игорь подошел раньше командира батальона, сильно нервничал, отчего сразу начал заикаться.

— П-пров-верили л-людей? В-все в-в роте, н-на месте?

— У нас все, — ответил Грымов. — А в чем дело?

— Витников из разведвзвода прямо возле «салона» командира полка гранатой себя подорвал. Вроде бы сам подорвался, без посторонней помощи, а отчего и почему будем выяснять, может, по неосторожности, может, специально. Но вот приказ «кэпа»: запалы из гранат вывернуть, особенно находящиеся в «нагрудниках», и положить отдельно в другие карманы.

— Этак все запалы растеряются, — возмутился Федарович.

— А тебе что за печаль, один хрен, ведь рассыпь, что не взрываем на боевых, в полку уничтожаем. Выполнять всем поступивший приказ, а я пойду проверять остальные роты.

— Вот это Ватников, спортсмен-каратист, разведчик хренов! Помнишь, Сергей, как он при выходе к Чарикару чуть было управление батальона не погубил, зацепившись за «растяжку». Выдохся тогда совершенно, уже ничего не соображал, шел как зомби.

— А, помню такого, помню, он еще с чеченцами в ленкомнате дрался, а мы с тобой их растаскивали, — воскликнул, припоминая, Остро-

гин. — Совсем сломали парня. Только Пыж отличился, выручая Турецкого, как вдруг такая вот беда! Теперь затерзают разведку.

А произошло следующее. Комбат приказал оборудовать вокруг батальона позиции: окопы для стрельбы из положения лежа, ячейки и щели для стрелков, чтобы солдаты не бездельничали и дурью не маялись. Ватников вырыл свой окопчик и обнаружил, что пропал АКСУ. Ни рядом, ни в БМП его не было. Накануне он подрался с двумя бойцами старшего призыва и подумал, что это они отомстили. Но Шлыков и Гостенков ответили, что ничего не видели и он сам лопух, не знает, куда автомат бросил.

Костя Ватников совсем расстроился и принялся метаться вокруг, громко матерясь, и что-то угрожающе выкрикивать. Пыжу никто ничего не доложил. Совсем растерявшись, солдат побрел куда-то вдоль лагеря. Так он и пришел к машине командира полка. У дверей сидел скучающий сержант-ординарец и на вопрос: «Тебе чего?» — ординарец с удивлением услышал: «Мне необходимо поговорить с командиром полка».

Солдат стоял как-то неуверенно, переминаясь с ноги на ногу, к тому же был еще и весь в пыли, грязный.

Ординарец Леха усмехнулся и ответил:

— Шагай отсюда на х... Болтаются тут всякие черти. Короче, ты кто такой и по какому делу?

— Фамилия моя Ватников, на остальные вопросы я отвечу командире. Пропусти!

Сержант заметил в сжатом кулаке Ватникова «эфку» и испугался, но скрепился и виду не показал.

— Отдай гранату и катись на все четыре стороны.

— Нет, гранату я тебе не отдам, она мне еще сгодится, — ответил Костя и тяжело вздохнул.

Он развернулся и понуро, опустив голову, пошел вдоль глубокой канавы, на краю которой стоял салон.

Лешка даже не успел ничего предпринять, так все произошло быстро и неожиданно, Ватников спрыгнул в траншею — и оттуда тотчас раздался оглушительный взрыв. Леха подбежал и заглянул в траншею. Солдат лежал лицом вниз, и его буквально разорвало пополам осколками.

Чего он хотел от Филатова: напугать угрозой взрыва, чтобы перевели, или «закосить» под сумасшедшего? А может быть, от напряжения и стрессов голова действительно перестала соображать и ему пришла в голову мысль о самоубийстве?

Автомат нашелся через полчаса. Разбросали землю вокруг окопчика и нашли. Возможно, Костя сам забросал его грунтом. Другая версия — злая шутка. Над ним подшутили, спрятали оружие, но получилось неудачно, а потом бойцы испугались результата розыгрыша и сами присыпали автомат землей.

...Кто-то додумался, не заходя в полк, провести зачистку еще одного района. Мы переместились всей бронегруппой, минуя Пагман, к Майданшахру, а затем целый день шагали по горам. Любимое занятие — вверх-вниз, вверх-вниз.

Роте определили несколько точек обороны по обеим сторонам ущелья, в котором протекала бурная речушка вдоль разбитой грунтовой дороги. Вправо от основной трассы уходило ответвление, заканчивающееся тупиком возле высокой скалы. В этом закутке валялось десятка три грузовиков.

Местная банда, очевидно, промышляла разбоем на «большой дороге». Захватывали грузовики, разгружали товары, разбирали машины на запчасти. Остовы, что оставались после разграбления, обливали бензином и поджигали. Интересно, водителей и пассажиров отпускали, оставляя живыми, или все свидетели лежат где-то среди камней?

Нам предстояло прочесать небольшой заросший высокими деревьями кишлачок, всего десятка два прижавшихся к берегу хибарок. Из пулеметов мы обработали эти строения, но в кишлаке стояла пронзительная неживая тишина, словно местное население вымерло. Очевидно, ушли еще задолго до нашего появления: кто-то предупредил. Не иначе опять «зеленые» и оповестили.

Бодунов прекратил развлекаться стрельбой из пулеметов, и рота двумя группами спустилась вниз.

— Бодунов! Возьми Постникова, Мурзаилова и марш вон на ту крышу самого высокого дома, — приказал Грымов. — Наблюдайте вокруг, и если что — прикроете от нападения «духов».

— Слушаюсь, командир, — ответил прапорщик. — А пожрать-то будет? Что зря в кишлак спустились? Может, хоть курятиной полакомимся?

— Полакомимся. Сейчас проверим на наличие «духов» и оружия и организуем жаркое.

В домах было пусто, но в одном дворе под сеном нашли несколько цинков с патронами к ДШК, в другом — под сараем мины к миномету и патроны к АК. Что ж, это дает повод к жестким действиям. Вся эта дрянь в будущем должна была стрелять в нас и, может быть, даже именно в меня.

— Парни! — обратился Грымов к саперам. — А ну-ка, подорвите им тут мостик и еще пару самых подозрительных домиков, может, что-нибудь детонирует.

— Это с удовольствием, — заулыбался сапер-лейтенант Васин. — Аристархов! Доставай тротиловые шашки, пластид, запалы, сейчас мы тут фейерверк будем устраивать. Повеселимся.

Сапер радостно принялся доставать из вещмешка все свое взрывчатое смертельное хозяйство. Обрадовался возможности облегчить свою ношу.

Вскоре взлетел на воздух мостик, а затем самый большой сарай.

— Поберегись! — крикнул лейтенант и замкнул электроцепь, приводя в действие «машинкой» заряд.

Мы залегли за широкий дувал, а выбранный в качестве жертвы дом вначале вздрогнул, а затем осыпался внутрь. Этот показательный карательный акт удался благодаря сложенным внутри трофейным минометным минам и выстрелам безоткатного орудия, которые, детонируя, и усилили взрыв.

Позже «кишку» пластида намотали вокруг огромного ствола грецкого ореха — и ба-бах! — дерево в мгновение ока разорвано пополам.

— Все, концерт окончен! — объявил сапер. — Больше хулиганичать нечем. Ищите трофейные боеприпасы, тогда опять будем шалить.

— Ну ладно, сейчас поищем. Дай нам Аристархова в качестве трапа впереди группы, а сам можешь отдохнуть, — обратился к нему Грымов.

— Берите, пусть разомнется, а то уже опух ото сна, — не отказал в просьбе лейтенант. — Иди, работай, Сашка, зарабатывай на вторую медаль.

Грымов позвал меня и Острогина составить ему компанию и, взяв еще трех солдат, поисковая команда двинулась к стоящему на некотором удалении дому. Это строение было с высокими крепкими стенами, и проникнуть внутрь было возможно лишь сквозь массивные ворота. Однако они оказались заперты изнутри и от наших ударов даже не шелохнулись.

— Хорошо, добротнo сделано, на века! — похлопал Эдуард по створке, обветренной и побитой временем, сделанной из половинок обструганных стволов деревьев. — Что ж, проверим, что сильнее, дверь или «муха». Живее отходите назад!

Отбежав метров на двадцать по проулку, мы встали цепочкой вдоль дувала, а Грымов прицелился и выстрелил из гранатомета. Мы пригнулись и зажали руками уши. Бух! И когда я посмотрел вперед, то понял, что, к сожалению, ворота остались стоять на месте.

— Черт! Черт! Черт! Зараза! — принялся ругаться Грымов.

— Куда же ты стрельнул? — удивился я. — Не попасть в такую мишень? Может, граната взвилась вверх?

— Хрен ее знает, — огрызнулся лейтенант.

— Разойдись! Стреляет снайпер! — крикнул Острогин и начал тщательно целиться, выбирая в какое место выстрелить. Бах! И створка ворот с грохотом рухнула внутрь дома, повиснув на одной нижней петле.

— Здорово! — гаркнул я и спросил: — Ты куда стрелял, Серж?

— В правую верхнюю петлю, ее, кажется, я и снес. Учитесь, молодежь! — высокомерно и снисходительно объявил взводный.

— А я свою «муху» выпущу во дворе во что-нибудь! — объявил я и перешагнул через упавшие ворота.

Дверца калитки была закрыта на деревянный засов и подперта бревнышком, а подпорка от ворот переломилась пополам. Сразу за ворота-

ми валялся неразорвавшийся выстрел из гранатомета. Вот оно что... Мы оглянулись и увидели в левой стороне круглое отверстие — это граната прошила насквозь одну из слабых досок. Забавно...

— Нужно расстрелять эту заразу, а то кто-нибудь из бойцов подумает, что трофей, а она взведена и в руках взорвется, — вслух рассудил Эдуард.

Мы спрятались за невысоким забором и принялись поливать огнем гранату. В конце концов, она с грохотом рванула, и осколки испещрили стены домов, листву и ветки деревьев. Начался листопад.

Дверь дома не поддавалась, тогда я засунул в щель гранату и выдернул кольцо из запала. «Дерни за веревочку — дверь и откроется»... Бах! Дверь и открылась...

Как и во всех подобных жилищах, ужасающая убогость. Глиняный пол, деревянные топчаны, сколоченные из плохо обструганных стволов деревьев, а вместо панцирной сетки — сплетение из виноградной лозы. Стекол на окнах почти нет. Везде какие-то тряпки, лохмотья, никакой мебели (только кое-где самодельные сундуки), минимум посуды. Затхлость, пыль, грязь, паутина. Но люди живут, и им здесь нравится, а другого существования и не представляют. Под тряпьем в чулане сапер отыскал два старых «Бура» (старинная английская винтовка) и несколько коробок с патронами.

— Ну что, докладываем о трофеях, а дом на слом! — принял решение Грымов. — Все они тут бандиты и разбойники. Вон сколько машин в ущелье разграбленных!

Сапер живо откликнулся на приказ:

— Товарищ лейтенант, у меня только одна «кишка» пластида и одна шашка тротила, не хватит дом завалить.

— Ну что ж, подорви тогда входную дверь, внутри весь этот мусор подожги, ну и еще вот этот тополь пластидом снеси!

— Понял, сделаем! — ответил боец и принялся выполнять приказ.

Мы с Острогиным зажгли сено в сарае, и когда вышли за поваленные ворота, неся на плечах ружья, услышали первый взрыв. Крыша сарая провалилась вовнутрь, а от следующих взрывов он рассыпался, только пыль и дым за клубились по двору.

— О, а в сараюшке-то что-то было спрятано, видал, как рвануло! — обрадовался Серж.

— Хорошо, что мы оттуда ушли, а то осколками бы могло зацепить, — усмехнулся я. — Интересно, что там в глубине сена было: мины или выстрелы к гранатомету?

— А не один ли хрен? — спросил Грымов. — Положим, что нашли и то и другое. Кто проверит? Думаю, судя по взрыву, сообщаем о ста единицах. Правильно, орлы?

— Верно, коршун! — усмехнулся я. — Тем более что рвануло действительно хорошо.

— Быстрее возвращаемся, пора на горы, на отдых, — прикрикнул Эдуард.

— А сфотографироваться на фоне развалин? — удивился Бодунов. — Сейчас быстренько пощелкаем пленку с замполитом и догоним. Ник, сними меня для истории.

Бодунов обмотался пулеметными лентами, взял в руки ПК и, приняв свирепую позу оккупанта, начал позировать на фоне развалин и пожара.

Щелк, щелк, щелк... на память о бесшабашной военной молодости.

— А теперь ты, Никифор, изобрази улыбочку, для истории, — и Бодунов доснял последние кадры.

Вот и все, а теперь пора домой.

Рейд позади. Как всегда мы бродили по горам и кишлакам, взрывали, поджигали, минировали. Самое главное — в роте все живы и здоровы. Продолжается полоса везения.

А вот разведзводу фортуна не улыбнулась. На фугасе подорвалась БМП-1, и в результате механик погиб, наводчик-оператор ранен и выживет ли, неизвестно. Хорошо, хоть десанта на броне не было, техника шла к горам забирать пехоту. Так всегда: на всех удачи не хватает.

* * *

Завтра 1 Мая. В стране праздник: демонстрации, банкеты, пикники, гуляния. Но в армии любой праздник — это отлично организованный маразм. Долгий митинг, бесконечные построения, частые проверки и спортивные мероприятия в виде кросса. И конечно, совещания и собрания. Несколько разнообразило всю эту скучищу вручение наград. Комбат, Жилин и Луковкин получили по «Красной Звезде», а также несколько солдат — ордена и медали.

Женька и Юрка уже паковали чемоданы — скоро домой. Они пригласили нас на двойной праздник. А нам не повезло и повезло одновременно. Разведбат ушел на Саланг, и командование дивизии осталось без прикрытия. Тревога — и первая рота в путь, обратно в Баграм. Удача, правда, улыбнулась не всем, третий взвод Марасканова отправили охранять посольство, но они оказались в карауле в комендатуре.

* * *

— Ребята, вам крупно повезло, — щебетал офицер из оперативного отдела. — Вы нас охраняете, а мы создадим все условия для жизни и отдыха. Молодцы, быстро прибыли! Сейчас в командирскую баньку, там артисты еще моются, после дневного выступления расслабляются. Завтра концерт в клубе послушаете, «Самоцветное пламя» гастролит!

В промежутках между позициями боевого охранения, вплотную к каменной стене, у общежитий поставили технику. Солдаты — в душ и столовую, сами — в парную.

На узкой полке лежало рыхлое тело и материлось от удовольствия. Мы сели рядком на другую лавку. Эта «машина» била себя веником минут пятнадцать и никак не хотела освобождать место. Надоело! Мы не выдержали, вышли в мойку, а там... медики хлопотали над непожизненно лежащим человеком.

— Что случилось? — спросил Острогин.

— Гитарист перепил и перегрелся. Сегодня уже второй, — ухмыльнулся фельдшер, ставя укол.

— На носилки и в медпункт, — распорядился штабной начальник и два солдата, согнувшись под тяжестью стонавшего музыканта, с трудом вывалились из помещения.

— Мужики, заберите еще одного из парилки, а то на этом потери не прекратятся, — гаркнул Бодунов, выглядывая из клубов пара.

— Да нет, нашего Леонарда паром и водкой не сломить, только бабами, а их тут нет. Пусть отдыхает, — опроверг опасения Бодунова какой-то бородатый артист, продолжая пить водку прямо из горлышка бутылки, потому что стаканы были забиты окурками.

— Ну, парни, надолго вас тут не хватит, — усмехнулся Грымов. — Водка и коньяк льются рекой!

— Еще бы, тут так хорошо после Союза. Ни дефицита, ни очереди. Попросили ящик водки, коробку коньяка и упаковку пива — пожалуйста. Еще ящик водки — пожалуйста. Хоть не уезжай домой. У нас месяц этой командировки. Красота! Вы не представляете, как дома со спиртным плохо. А тут прямо рай, — и бородатый очкарик сделал еще огромный глоток.

— Концерт-то будет завтра? — поинтересовался Ветишин.

— Ой, не знаю, мы сегодня резко стартовали. Постараемся. — Длинноволосый задумчиво посмотрел на нас и одним махом опустошил банку пива. — Хо-ро-шо!

Везет же людям. Халява без ограничений! Интересно, за чей счет этот «коммунизм»?

* * *

Концерт, конечно, не состоялся: сорвался по «техническим причинам». Пришлось обходиться цветным телевизором в комнате отдыха, где время от времени мы могли посмотреть пару часиков какое-нибудь кино или праздничный концерт, как сегодня. Какой-то патлатый гитарист носился по сцене и орал: «Хэй-гей, Спартак!». Мужик на экране пытался «косить» под совсем юного фаната-болельщика, но безуспешно.

Как-то наша дружная компания зарулила к просмотру новостей. В центре комнаты сидела женщина, солистка нахлебавшегося «огненной

воды» ансамбля, а в углу — небритый мужчина средних лет, оба они откровенно скучали. Острогин толкнул меня в бок:

— Ник, ты как замполит должен заботиться об отдыхе. Спроси, будет концерт или нет?

— Вот всегда ты меня на мины толкаешь! — И я смущенно обратился к артисту: — Товарищ, тут вот пехота из Кабула приехала, штаб охранять, а на концерт опоздали, еще одно выступление будет? Герой апрельской революции, старший лейтенант Острогин, жутко любит поплясать и попеть. Без этого он буквально болеет.

Я тотчас же получил еще один более сильный толчок локтем под ребра.

— Ох, больно же, гад! Серж любит «Самоцветных», известная группа, с ними ведь сам Дин Рид пел!

— Ну вы, молодой человек, и сказали — Дин Рид! Тоже мне, знаменитость! Вот если бы они с Бобом Диланом спели — это да, а то подумаешь, этот безголосый янки.

— Слушай, а ты сам-то кто будешь? Певец, что ли? — поинтересовался Грымов. — Мне американец этот очень нравится.

Мы с интересом и сомнением рассматривали помятого и потрепанного критикана. Серый засаленный свитер, потрепанные джинсы, жирные волосы с легкой проседью из перхоти.

— Я? — удивленно поднял брови субъект. — Я — Валежик!

Все переглянулись и пожали плечами. Не слышали.

— Вы что, не знаете меня? — искренне удивился артист.

— Нет, — выдохнул я. — А что за песни поешь?

Певица, слушавшая наш разговор, смотрела на нас как на дикарей широко открытыми удивленными глазами.

— Ну, ребята, вы даете! Ну, вот про «Гнома-лилипута», про э... про гадалку: «двести лет нагадала, нагадай счастья хоть на год».

— А-а-а! Дружище, конечно, знаю, так я ведь под твои песни на выпуске скакал! — радостно заорал я, узнав артиста. — Слушай, а не ты вчера про «Спартак» пел в Москве?

— Я, но не вчера, а два месяца назад шла запись.

— Как запись? — удивился Ветишин. — Мы же видели полный зал народу, прямая трансляция.

Артисты рассмеялись над нашей «серостью»!

— Нет, ребята, это снималось целый месяц, артисты — отдельно, зал — отдельно. В общем, все готовится заранее, довольно сложный и длительный процесс.

— У-у, а мы-то смотрим, что ты сильно постарел с того времени, — произнес я.

— Ну это просто я без грима и прически, на мне нет концертного костюма, — смущенно вымолвил Валежик. — Я просто удивляюсь, что вы не слышали мою фамилию. Я понимаю: кассеты сильно искажают пес-

ни. Мой голос, конечно, на них хриплый, но не на столько же! Что и фамилию ни разу не слышали?

— Нет! Название группы знаем, песни слышали, а фамилию... нет, не знакома, — смущенно признался Ветишин.

— А кто из известных музыкантов был у вас на гастролях раньше?

— Были Леонтьев, «Крымские девчата», Кобзон.

— Кобзон! Ха! Известный музыкант.

— У нас говорят: «легче остановить бегущего бизона, чем поющего Кобзона», — ухмыльнулся Острогин. — Валера — молодец, нравится, а остальные все — так, ерунда. «Крымские девчата», говорят, очень хороши были, народу по душе пришлись, особенно по ночам отлично резвились.

— Нет, ребята, вы определенно юмористы! Жаль, что у нас нет номера эксцентрического жанра, я бы захватил всех с собой, — сказал Валежик и обратился к девушке: — Пойдем, Наташа, повеселим нашу группу смешной историей.

Когда они удалились, я сказал, хмуро оглядывая приятелей:

— Мужики, по-моему, мы выглядим в их глазах полными придурками.

— Никифор, почему мы? В основном говорил ты, — улыбнулся нахально Ветишин. — Получается, ты из нас самый придурковый?

* * *

— Как отмечаем День Победы? — поинтересовался Ветишин. — Замполит будет мероприятия для офицеров организовывать?

— Нет, не будет, денег нет! Только просмотр телепередач. Идем смотреть фильм «Освобождение».

— Ну что ж, пойдем, — вздохнул Острогин, надевая полусапожки. — Каждый год одни и те же фильмы смотрим, может, когда-нибудь и про нас снимут?

— Обязательно, если смогут подобрать актера такого же фотогеничного и обаятельного, как ты, Серж! — произнес я с сарказмом. — Кстати, никогда не задумывался о бессмысленности множества жертв войны? При штурме Рейхстага погибла целая дивизия, а во время взятия Берлина сотни тысяч наших солдат и офицеров! Зачем? А все потому, что любят у нас подарки Родине и советскому народу делать! Взять город к 1 Мая — и все тут! Подарок сумасшедшему тирану стоил миллионов никогда не родившихся детей и внуков. Надо было окружить Берлин и ждать, пока фашисты сами сдадутся. Они же в блокаде не будут годы сидеть, как ленинградцы. Вокруг одни наши войска, запасы продовольствия минимальны. Через неделю-другую с поднятыми руками сами бы вышли. Американцы были не дураки «зубы ломать» об такую крепость, уступили это право нам. Вот маршалы и посылали город штурмовать в последние дни и часы войны, опять любой ценой. Помнишь, Серж, как

Жуков в кинофильме по телефону с командиром дивизии разговаривает: «Медленно, медленно двигайтесь!» А куда торопиться-то? За очередным орденом Победы для полководца? На «окопников» всем наплевать. Мы для них «живая сила», «людские ресурсы», «человеческий материал»...

— Ты, Ник, что-то заговариваться стал! Хорошо, тебя никто не слышит, особенно Грымов. Какая-то сплошная «антисоветчина».

— А кроме вас, никто не слышит, а если что, в особом отделе откажусь, ничего, мол, такого криминального не говорил. Да и куда можно отсюда сослать?

— Ты ревизионист? — ухмыльнулся Острогин.

— Нет, оппортунист, даже кличка такая в училище была.

— А мой папаня такими, как ты, всю службу занимался, — рассмеялся Ветишин. — Он ведь у меня полковник КГБ, особист!

— Да я знаю. А ты почему тут с нами гниешь? Рылом в «дзержинские» не вышел? Или же потихоньку готовишься в «железную гвардию» госбезопасности?

— Не знаю даже, морально еще не готов. У меня склад характера не соответствующий. Я добрый, мягкий, пушистый, покладистый, нет ничего от «железного» Феликса.

— Так что, будем дальше о политике болтать или о бабах? — спросил Острогин.

— Вот Грымов идет к нам, о бабах тоже не получится. Он не любит разговоры о них, непонятный какой-то. Просто собираемся и, молча, идем в комнату отдыха, к телевизору, — предложил я и увлек друзей за собой.

Все когда-нибудь кончается, особенно хорошее. Мы пришли и, не разгружаясь, в путь. Только и успели, что пополнить боеприпасы и получить сухпай. В столовой я встретил Мелентия Митрашу.

— Дружище, ты куда? Неужели домой?

— Все, Ник, заменщик на пересылке, шмотки собраны. Продай свой магнитофон, будь другом. В магазине сейчас нет, а ты потом новый купишь.

— Братишка! Я бы рад, не жалко, но его пьяный Грошиков кинжалом слегка рубанул, на передней панельке две зазубрены.

— Хрен с ними, будет память о тебе и контуженом Грошикове. Даю две сотни чеков, минус пятьдесят за шрамы и царапины. Договорились?

— Ладно, давай.

— На, держи свои деньги. Где аппарат?

— У старшины в каптерке, иди, забирай. Счастливо долететь!

— Пошел к черту!

— Спасибо, друг!

— Да, Ник! Представляешь, какая тут ерунда получилась, с должностью меня кинули. Помнишь, я с бумажками по штабам носился, потому

лишний месяц в полку просидел. Хорошо хоть не по горам или в «зеленке» все это время лазил, а продукты для постов на вертолете доставлял.

— А почему кинули?

— Потому что холостяк! И с академией из-за этого же «бортонули». А может, я еще не нашел свою суженую? Кадровик в штабе армии мне заявил: «Когда найдешь, станешь замполитом батальона, тогда и в академию прямая дорога». Что ж холостяк не человек?

— Получается, в нашей армии нет. А вдруг у тебя что-то не в порядке или весь женский коллектив удаленного гарнизона совратишь? Ха-ха!

— Да ну тебя к черту! Никаких больше дыр, я в Молдавию еду!

— Жди в гости!

— Обязательно буду ждать, приезжай скорее и береги себя.

— Да что со мной случится? Уже досталось и так через край. Дальше, думаю, будет легче...

— Ну-ну. Дай-то бог. Кто его знает, насколько уже полна чаша испытаний, которую предстоит испытать каждому, и где у нее край. Всем достается по-разному...

Наш разговор услышал топтавшийся в сторонке прапорщик Вуга, заметив деньги в руке, он подскочил и затрепал:

— Товарищ лейтенант! Мне вас сам бог послал!

— Чего? Кто послал? Зачем послал? Куда? — спросил я.

— Я, в смысле, вижу в ваших руках наличку. Нужно сейчас срочно двести пятьдесят чеков, в магазине куртка французская отложена, сегодня рассчитаться требуется.

— А я что собес, что ли?

— Вот так все. Как кормить в рейде, так Вуга, а как помочь — друзья в сторону.

Прапорщик был командиром взвода обеспечения и действительно пару раз в трудную минуту выручал, кормил как положено. Но ведь не от себя отрывал. Ох, и жук!

— Ладно, на. Есть у меня двести пятьдесят, а когда отдашь?

— Сразу после Алихейля! Получку получу и тотчас отдам в тот же день.

Больше я своих денег так и не увидел. Через пару месяцев выяснилось, что этот пройдоха, должен две тысячи пятьсот чеков по всему полку. Очередь за его получкой оказалась аж в пятнадцать человек! Единственное, что удалось сделать, это собраться вместе — я, Афоня и Бодунов — да слегка его попинать. Хоть душу отвели. Полегчало, но не очень. Так у меня не стало ни денег, ни магнитофона. Одновременно грустно и смешно. Один молдаванин побитый магнитофон купил, другой — тут же обжулил и эти же деньги прикарманил.

Действительно, все люди разные. Любить и бить надо не по паспорту (национальной принадлежности), а по конкретной физиономии.

На лавочке в беседке возле казармы сидел кто-то очень знакомый. Наша курилка была гордостью батальона. Четыре ветвистые березки создавали замечательную тень, и даже в самый знойный день в этой беседке было приятно посидеть, прислонившись к прохладной стенке, подставляя лицо ветерку. Сидишь себе, смотришь по сторонам, отдыхаешь, если командование не мешает. Но мешало оно постоянно. Подорожник облюбовал курилку и использовал как наблюдательный пункт. Его кабинет находился в нашей казарме, но он там бывал за день не больше получаса, а затем, если занятия проходят не на полигоне, то усядется на лавочку и ко всем придирается. Либо не туда пошел, либо не так одет, либо почему тут, а не там! Стой на месте, иди сюда! Раз-два! Гога с появлением Василия Ивановича стал деревья поливать, вначале сам польет, а потом дневальных пошлет. Вот они и растут вширь и ввысь.

Комбат за этот отличный командный пункт старшину всегда нахваливает, говорил, единственное место, где приятно посидеть, даже совещания частенько проводил на свежем воздухе. Опять же ленинская комната наша — самая светлая в батальоне, казарма — самая образцовая, но мы в его глазах все равно обалдуи и разгильдяи. Вот и сейчас в курилке кто-то сидел и дымил. Я вглядывался издали в знакомые черты и, подойдя ближе, несказанно обрадовался, убедившись, что это тот, о ком я думал.

— Е... мать! Ротный! Это же Сбитнев! Вовка! — заорал я и побежал вприпрыжку через газон, сгибаясь под тяжестью барахла и автоматов.

— А-а, замполит! Живой еще! Не ждал меня снова увидеть? Скажи честно! — засмеялся, обнимая меня, командир.

— Ждал и верил. А ну-ка, свистни через фиксы! — попросил я.

— Это зачем?

— А как в песне: «Шел и насвистывал ежик резиновый, с дырочкой в правом боку! Фью-фью!» Свистни через отверстие в правом боку. В правом или левом боку дырочка, я чего-то запямятовал?

— Пошел к черту, скотина! Нет никакой дырки, все срослось, все зашито, и зубы вставлены новые.

— Оскалься, покажи пасть! — настаивал я.

— На, гляди! У-ы, — и Володя оскалил зубы.

— А как язык, на месте? Не шепелявишь? Подвешен по-прежнему хорошо?

— Не хуже твоего! Жив-здоров, сейчас примусь за тебя с новыми силами!

И мы еще раз крепко обнялись, хлопая друг друга по спинам.

— Вовка, как я рад твоему возвращению! Ты к нам насовсем или проездом домой?

— Нет, я остаюсь с вами, дорогие мои морды! Где Острогин? — спросил Володя.

— В парке, сейчас подойдет, видишь волоку его автомат! Значит, все-таки вернулся! Сачковать больше не пытайся, не надо, будем вместе служить до дембеля, до замены! А то надумал подставлять башку под осколки!

— Договорились, больше не буду. Старшина говорит, тут без меня дворцовый переворот намечался? Что Грымов власть пытается захватить?

— А вон он идет, спроси у самого, но, я думаю, после твоего возвращения комбат свои намерения изменит.

— Интересно! Что произошло?

— Ай, ерунда, мелкие неприятности. В коллективе он не ужился, ни с кем не сложились отношения, даже со своим дружкой Острогиным разругался.

К нам тем временем подошел Эдуард и натянуто улыбнулся недоброй улыбкой. Сам улыбался, а черные глаза излучали злобу и неприязнь.

— О-о, какие люди и без охраны! Ну, раз ты вернулся, то я с чистой совестью могу в отпуск идти. А то я умаялся за себя и за того парня пахать. Разрешишь отдохнуть, справитесь без меня?

— Разрешим, справимся. Иди, пиши рапорт. Я сейчас подойду, передашь все дела. Но перед отъездом отгонишь три БМП в Хайратон и взамен этих «гробов» получишь новые.

— Володя, старшина еще на месте? — спросил я, когда Грымов ушел в казарму.

— Даже в двойном экземпляре, его сменщик прибыл, такой же джигит с Кавказа, только азербайджанец. Неделю в тряпках ковыряются и коньяк по вечерам хлещут, песни гортанные поют. Ну, пошли разбираться, как вы тут без меня жили-служили...

* * *

Грымов на следующий день передал дела Сбитневу и уехал в командировку, сказав что, ушел на покой. Подорожник хитро улыбнулся и изрек:

— Дерзай, Володя, в рейде разберемся, как справляешься, не закис ли ты в госпиталях!

У меня гора с плеч свалилась, надоела постоянная конфронтация с Грымовым. Наконец-то вернулся ротный!

Броня медленно и монотонно двигалась по дороге на Гардез. Порой скорость увеличивалась, но ненадолго, каждые полчаса где-то впереди

возникла пробка, и техника снова ползла еле-еле. Вся мощь армии растянулась на десятки километров. Двигалась артиллерия, танки, самоходки, БТРы, БМП, автомобили связистов, «Грады», «Ураганы». И бесконечные тылы, тылы, тылы. Грузовые автомобили, «наливняки», «кунги», салоны. Авангард колонны входил в Гардез, мы шли в середине, а «хвост» только выползал из Кабула. Вот такая армада пришла в движение! Ползли целые сутки, а что можно делать сутки в дороге? Разглядывать живописные развалины, безжизненные горы?

Я лежал на башне, задрал ноги на пушку, и считал сторовшие машины вдоль дороги. Все же занятие для мозга. Вот «Камаз», вот «Зил», вон искореженный «Урал», БТР... Плохое местечко. Проехали какое-то административное здание у дороги с флагом на мачте. Его прокопченные стены испещрены осколками и пробоинами, в некоторых местах стены обрушились. Выглядывающая из-за мешков с песком, группа афганцев приветливо махала колонне. Наверное, за день устали руками размахивать. Но выражают искреннюю радость. Конечно, пока мы тут движемся, ни один наглец не осмелится стрельнуть в их сторону. Двадцать седьмая, двадцать восьмая машина, рядом танк, вернее не весь, башня в стороне валяется, еще одна машина, рядом БРДМ. Техника эта сторела не сразу и не за один месяц, да и не за один год. Металлолом наслаивается год за годом множатся останки этих некогда грозных и шумных машин. Так и стоят страшными безмолвными обелисками у дороги. Порой вдоль шоссе виден миниатюрный памятник в форме колеса со звездой или пирамиды из траков с камнем и табличкой. Здесь геройски погиб... в 198... году за свободу афганского народа... Варианты надписей могут немного меняться. И фамилии разные: Петров, Перетадзе, Саидов... А вот прямо на огромном валуне надпись: «В этом месте геройски погиб экипаж БТР №..., и фамилии. Металлические обломки который год молчаливо напоминают о былой трагедии.

62-я, 63-я, опять БРДМ... со свистом проскакиваем Баракибарак, и все дальше и дальше к границе. Мы притормаживаем, потому что у обочины дороги стоит наша БМП, «ребристый» лист поднят, и в чреве машины ковыряется механик и техник Федарович.

— Тимофей, что случилось? — спросил я.

— Езжай дальше, сами помаленьку разберемся, вроде «коробка» полетела, — невесело ответил прапорщик.

— Ротному по связи сообщил?

— Нет, передай сам, мне некогда.

Вот незадача, технику роты не готовили, не обслуживали, мы просто яли десять дней в дивизии, а в это время батальон в машинах ковырялся.

77-я, 78-я... опять танк, лежащий в кювете на боку.

Пыль забивает нос, глаза, горло. Если дорога не разбита, то еще терпимо, но стоит выехать на участок, где практически нет асфальта, как всех обволакивают клубы песчаной пыли.

Рассеянно считаю машины, но в голову все равно лезут разные мысли.

Чем дальше на войне, тем сильнее тоска по женской ласке. Пора, давно пора отдохнуть! Море, девушки, вино! Без женщин дичаешь и сатанеешь!

Как-то в прошлом году заговорили с заместителем старшины сержантом Назимовым на эту тему. Кавун заскучал по семье, начал нам рассказывать о жене, дочери.

— Черт, хочу жену, аж зубы скрипят. Вроде бы и полгода не прошло после отпуска, а можно от застоя умереть. Токсикоз. Ладно, я семь месяцев терплю, а вот как бойцы? Хорошо мальчишке какому-то, совсем «зеленому», не пробовал, а если уже мужик, как вот Назимов? Баха! У тебя женщина до армии была? — спросил ротный.

— Была, товарищ капитан, и не одна. Я ведь только год недоучился в университете. Хороши были студентки! — ответил сержант.

— Да, ты парень не промах! — усмехнулся я.

— А кто его выбирал себе в помощники? Я — Гога! А Веронян никогда не ошибается в людях. Орел! — встрял в диалог старшина.

— Назимов, ну а ты как решаешь эту проблему? Как тебе без женщин два года, сержант? — продолжил расспросы Иван.

— А какие проблемы? Никаких. Все время они рядом есть, — ответил Назимов.

— Как никаких? Где они есть? — удивился капитан.

— Да в любом кишлаке, бери их сколько душе угодно! — ухмыльнулся таджик.

— Кого? Афганок? — обаддел ротный.

— Конечно, — утвердительно кивнул головой сержант.

— И каким это образом ты делаешь? — поразился я.

— Да самым обыкновенным. Штаны с нее стянешь, халат на голову закинешь и вперед. Сколько душа требует. А трусы они не носят, очень даже удобно, ноги раздвинул и все. К стене прижмешь или через топчан перебросишь и сзади пристроишься.

— Твою мать! — только и смогли мы с Иваном вымолвить, пораженные этими речами.

— Назимов! Но это же насилие! — рявкнул я.

— Какое-такое насилие? Никакого насилия. Их никто не бьет. Она ведь человек, тоже хочет много любви и ласки, — ухмыльнулся таджик.

— И что, не сопротивляются? — поразился Иван.

— Как она будет сопротивляться, видит же, что у меня автомат. Да и привыкли они повиноваться. Мужчина — хозяин. Что ей скажу, то и делает, все по согласию.

— Назимов, но они же грязные! — удивился еще больше Кавун.

— С чего это, никакие не грязные, очень даже чистые, — возмутился Баха.

— И что, многие такое творят в роте? — начал злиться Кавун.

— Не знаю, Тришкин тоже любил баловаться, сержант во втором взводе был, помните, уволился весной. Вряд ли кто еще, в основном все пацаны. Хотя раньше было проще: никто за нами не следил, не воспитывал, не то что теперь, — ответил сержант.

— Под суд тебя за такие дела надо отдать, если поймает и докажем. Иди-ка отсюда, сержант, будем считать, что ничего нам не рассказывал, а мы не слышали. Понял? — приказал Иван.

Назимов, ухмыляясь, вышел из каптерки, а мы долго молчали и ошарашенно переглядывались.

— Понимаешь, Ник, я ему говорю, что они грязные, а для него ханумки свои, он ведь тоже таджик. За речкой в Таджикистане такие же тетки, только с советским паспортом. А в горных кишлаках вообще никакой цивилизации — дикость. И здесь и там говорят на одном языке, одни и те же обычаи, вера. В общем, кругом сородичи. А мы ему про гигиену, про чистоту.

— Хорошо, не брякнул еще, что они вонючие, — усмехнулся я. — Видишь, Иван, что творится, а мы и не знаем!

— Даже в голове не укладывается. Я и думать такое не мог о наших бойцах. Бродит женщина в засаленной чадре, и под паранджой не видно, какое у нее лицо, а солдата похоть душит. Может, там такой «крокодил на веревочке», но ему плевать, — продолжал возмущаться ротный.

— Он же сказал тебе, Ваня, в лицо не заглядывает, все время «раком»! Вот сволочь наглая!

Старшина дипломатично молчал и о том, какого «орла» себе в помощники подобрал, больше не заикался. Сидел себе в уголке и тихонько варил в турке молотый кофе.

— Готово, садитесь, пожалуйста, товарищ капитан. Напыток богов. Так, как я вару кофэ, никто нэ умеет. По крайней мере, в Кабуле. Вдохните аромат. А? Правда? Восторг чувств! Сказка! Пэсня!

— Ты мне тут басни не рассказывай, не увиливай! Что-нибудь подобное слышал?

— Нэт, — смущенно признался прапорщик.

— А что про этого Тришкина знаешь? — спросил я.

— Кто такой, я что-то не помню, не застал, наверное, — наморщил лоб Кавун.

— Был ординарцем у капитана Беды. Настоящий головорез. В апреле строевой смотр проводился в полку перед рейдом, и полковник из штаба армии, проверяя роту, спросил, что у него в кармане оттопыривается. Тришкин ответил неохотно, мол, ничего особенного, ерунда. Полковник заставил вывернуть карманы, а там ушей штук десять, высушенных на веревочке гирляндой. Проверяющий сразу не понял, что это такое. Взял в руки, а потом как отпрыгнул, на плац их швырнул, сержанта за грудки

схватил, трясет, орет. Сам за сердце держится: плохо стало. Связку сушеных ушей выбросили в мусор, Тришкина на «губу». Сержанту тогдашний комбат Цыганок позже дал в морду. Мне объявили выговор, взводному – выговор, замполиту – выговор, а ротного уже и до этого начали снимать с должности. Командир полка долго обзывал нашу роту ухари-ухорезы. Раньше ужас, что творилось, теперь совсем другие времена, – закончил рассказ Веронян.

Отрезанные уши, изнасилованные женщины... Что еще вдруг можно узнать на войне? Какие новые откровения услышать? А деяния, о которых никто никогда никому не расскажет, может, только перед смертью на исповеди. По крайней мере, моя совесть пока чиста, если я не ошибаюсь. Но мне хочется думать, что нет. На войне много всякого случается – плохого и хорошего. Плохого, конечно, всегда больше.

* * *

Итак, дорога по-прежнему вьется по долине, вдоль гор, я давя спиною башню брони, отплевываясь от пыли и мошек. Солнце жарит и палит. Но в отпуск почему-то все не едет замполит. А почему? Нельзя же нарушать старую поговорку!

Так, не отвлекаться, не расслабляться. Иначе смерть! Вон она везде вдоль дороги. Опять БТР, восемьдесят девятая, девяностая, девяносто первая, девяносто вторая, девяносто третья... цистерны... кучно сгорели! Мощная засада была! Еще не проржавевшие, только сильно прокопченные машины и черно-смолистая почва вокруг свидетельствуют о том, что трагедия произошла совсем недавно. А вот и свежий обелиск с перечнем фамилий... Сколько же еще будет вдоль дороги таких немых свидетелей гибели людей и техники?

В конце подъема дороги, на перевале, у обочины притулилось БМП. Левый борт в нагаре и масле, возле поднятого «ребристого» листа стоял унылый механик и нервно мял шлемофон. О! Это же наша машина.

– Что случилось, «Лошадиная Фамилия»? – спросил я у чумазого бойца.

Солдат всплеснул руками и растер сопли по щекам, из моторного отсека выглянул офицер, это был Игорь Марасканов.

– П...ц, приплыли! Двигок перегрелся. У, придурок!

– А что я виноват, что он греется? – загнусил механик Кобылин.

– Кто тебе сказал глушить двигатель, а? Кто и чему тебя в учебке учил, какой ты к черту тракторист? Говнодав сельский! Тебе только хвосты коровам крутить! Ник, я ему говорю: что-то движок у нас еле тянет, какая температура? А он мне – сто двадцать градусов. Стой, ору, стой! Сбрасываем обороты! Думаю, сейчас немного постоим, на холостом

ходу температура упадет, потом заглушу двигатель, поковыряемся, разберемся и поедем. А этот, мурло, взял и заглушил. Двигатель почти заклинило, теперь он воду гонит! Кто будет отвечать? С тебя стоимость двигателя прикажешь высчитывать? — шумел взводный.

— Уф, — тяжело вздохнул солдат и растер масляной рукой по лицу сажу, пот и нагар.

— Километров пятьдесят уже еле-еле ползем, бойцы по очереди с ведром к речушке бегают за водой. Мы ее подливаем, а она, зараза, тотчас вытекает. Кранты движку, урод! — замахнулся Игорь на непутевого солдата.

— Да, комбат с зампотехом батальона сейчас нас живьем без перца и соли съедят. — Я почесал затылок и предложил: — Игорек, сажай, наверное, пехоту ко мне и поехали. Пусть Кобылин ждет техника, он пока с другой машиной там, у поста на дороге, возится. Догонит, подьедет и займется этим обаддуем.

Мимо медленно проезжали автомобили, надрывно гудя перетруженными моторами. Рота сопровождала и охраняла колонну полка связи, состоящую из полусотни машин. Наши восемь БМП шли между «кунгами» и прочей автомобильной техникой. Своей брони у них не густо, всего пара БТРов. «Коробочка», на которой ехал я, была из взвода Марасканова, поэтому он по-хозяйски разместился на машине, потеснив меня на башне.

— Игорь, тут так тесно стало, пойду-ка я лягу спать в десант, — предложил я.

— Очумел? А если подрыв будет? Размажет по броне! — возмутился взводный.

— Я видел подрывы на фугасе удачные и неудачные. Когда удача была на стороне духов, то от экипажа осталась только голова взводного, а после неудачного для «духов» подрыва — только каток улетел. Если будет «хороший» фугас, то где бы ты ни сидел — смерть! А если слабый, то осколки могут зацепить в любом месте.

* * *

— Пассажир! Вылезай! Промежуточная остановка, — громко закричал мне почти в лицо Игорь, отворив люк.

— Кто? Где мы? Что? Чего? — спросонья забормотал я.

— Выдрыхался, соня?

— Уморило. Вначале взмок от духоты, думал, не усну, не помереть бы — главное, но все же утрясло, укачало.

Смеркалось, и прохладный вечерний ветерок быстро привел меня в чувство.

— Я пошел на «ковер», комбат вызывает меня и Сбитнева, — сказал Игорь.

— Так серьезно взялся из-за поломки?

— Еще на одной машине главный фрикцион сгорел, в итоге три машины оставляем тут в Гардезе, в десантной бригаде. Машину Федаровича и мою сейчас тягачи поволокут. Вот пойду получать п...дюлины вместо «пряников»...

Вначале комбат орал на одних только Сбитнева и Марасканова, но затем аудитория показалась ему слишком малочисленной, и он собрал всех офицеров и прапорщиков.

— Загубили такую славную роту, лучшую в полку. Сбитнев, ты ведь выпускник славного Ташкентского училища, я так на тебя надеялся! А ты... э-эх! Техник лишь умничает и водку пьет, взводные собрались — теоретики. Разгоню всех к чертовой матери! Вот при Кавуне был настоящий порядок!

— А Кавуну постоянно говорил, что он развалил боевой коллектив, — буркнул я, повернувшись к Ветишину.

— Замполит! Что это ты там с умным лицом стоишь и ехидничаешь? Ты такой же основной виновник в слабой воспитательной работе. Чего это ты, Ростовцев, шепчешься, когда командир говорит? Да и какой воспитательный процесс может быть в таком расхлестанном виде. Опять дырявый песочный костюм нацепил, тельняшку, наверное, спрятал под застегнутым воротником, да? Все время выделяешься. Шаг вперед сделай! Конечно, я так и думал — в кроссовках! Выговор. Вы-го-вор! А Сбитневу, Марасканову и Федаровичу — строгий выговор. Начальник штаба! Занеси в свой гроссбух. Позже «подарки» запротоколируем. Никого не оставим без внимания. А то все хотят ордена получать, а комбату одни взыскания достаются.

Прибывший к нам только перед рейдом начальник штаба, упитанный круглолицый майор, старательно все записывал в блокнот.

— По-моему, все наоборот, — громогласно возразил Афанасий Александров.

— Александров! А ты почему не стрижен? В маскхалате! Что ни нарушитель, то умник! Еще одному выговор. Записывайте, майор Степанков, записывайте. Ладно бы маленький был, неприметный, за другими не видно, а то самый настоящий верзила и еще насмехается, — возмутился Подорожник.

— А я и не прячусь за спинами никогда, откровенно говорю. Ни у кого, кроме вас, нет пока орденов, хотя почти год или больше воюем, — огрызнулся Афоня.

— И не будет, если так станешь продолжать. Стой и молчи! — рявкнул Иваныч.

— Понял! Стою и молчу!

— Афоня! Заткни фонтан! Сбил с умной мысли. Все свободны, кроме первой роты, — распорядился комбат.

Офицеры других рот быстренько удалились к походной кухне, а мы продолжали переминаясь в строю.

— Вы что это удумали — устроить вдоль дороги кладбище машин! Мало там их лежит? — Принялся, когда все ушли, орать и топтать ногами Подорожник.

Его широкие густые усы при этом смешно топорщились в разные стороны, а морщины и складки на лице стали еще глубже и резче.

— Что хотите делайте, но к утру техника должна идти в колонне дальше, на Алихейль. Не дошли до района боевых действий, а уже третьей части машин нет. Как после Курской Дуги. Технарям не спать, работать всю ночь!

* * *

Но получилось не совсем так, как хотел и задумывал «любимый» руководитель. Не успели толком поужинать, как армада из военной техники, вздрогнув и зарывав, выбрасывая клубы дыма, медленно двинулась направо от магистрали. Через спящий город, по руслу высохшей реки и все дальше и дальше к горам, к границе. Дорога то подымалась вверх, то опускалась вниз. За спиной оставались тревожно спящие кишлаки, только собаки лаяли нам вслед. Кое-где стояли блоки и посты «царандоевцев» или афганских «сарбозов». Они угрюмо провожали нас взглядами, молчали, не приветствовали, но и не ругали. А то бывает, что помашешь им рукой — «привет бача», а какой-нибудь афганец тебе в ответ руку в локте согнет со сжатым кулаком — «физкульт-привет». Но бывает и наоборот. Афганец кричит: «Шурави, привет!» А ему наш солдат в ответ: «Пошел на х...!» Обидно, да? Такое вот у нас братство по оружию...

Игорь сидел, свесив ноги в люк, а я вновь лежал, положив ноги на пушку. Марасканов клевал носом, да и я глаза то открывал, то закрывал. Чем дальше ехали, тем реже и медленнее открывались мои глаза. Бойцы дремали, кто, держась за автомат, кто — за снайперскую винтовку... Рассвело.

Я резко проснулся. Машина стояла с заглушенным двигателем, а Лонгинов, не слезая с башни своей БМП, что-то говорил подошедшему Игорю и, продолжая жестиковать, вскоре уехал.

Взводный вернулся и, вздыхая, пояснил:

— Приказ — остаться тут и охранять перевернутый прицеп трейлера.

— Чего, чего? Какой прицеп?

— А вот он в речке лежит, и рядом валяются упаковки ракет к «Урагану».

Я продрал глаза и спрыгнул на землю. Вдоль дороги был каменный парапет, укрепляющий берег речки и ограждающий дорогу. На асфальте стоял огромный тягач, вокруг которого суетились чьи-то солдаты. Взглянув вниз, я увидел, как они зацепили перевернутый «Камаз». Вначале потянули в одну сторону, и машина встала на колеса, а затем — в другую и вытащили ее на дорогу.

В реке лежало четыре упаковки с шестиметровыми ракетами-сигарами. Мы с Игорем спустились к ним по тропинке. Одна кассета лежала в ручье, еще три — рядышком друг с другом в сторонке. Кое-где металлическая арматура из уголка смялась и погнулась. Мы вдвоем попытались приподнять кассеты за край или хотя бы пошевелить их. Нет, ничего не

получается, очень тяжелые. Мимо по грунтовке двигалась и двигалась техника. Вот и комбат, хмуро взглянул на нас сверху вниз и поехал дальше. Мы шутливо вытянулись в струнку, по стойке смирно, приложив руки к кепкам, как бы приветствуя высокое начальство. Он этого не оценил, погрозил нам кулаком и скрылся за поворотом.

По счастью, с нами оказался пулеметчик — таджик Зибоев. Отлично! Есть переводчик — сможем общаться с местными племенами. А они уже начали проявлять искреннее любопытство и восхищение грудой лежащего металла. Мирзо что-то им громко объяснял, оживленно жестикулируя.

— Зибоев, чего им нужно? Кто они такие? Что за банда? — спросил я.

— Говорят, отряд самообороны. Интересуются, что мы тут будем делать, надолго ли приехали. Опасаются, не будем ли взрывать ракеты, товарищ лейтенант, — ответил солдат.

— Успокой аборигенов, взрывать не будем, остальное их не касается, — сказал я.

Игорь принялся распорядиться, распределяя солдат по постам и объектам, а затем спросил:

— Ник, ты со мной останешься или поедешь к роте на какой-нибудь попутке?

— С тобой, а то еще потеряетесь в тылу у «духов», — улыбнулся я в ответ.

— Якубовы, оба, марш на вот этот холм, стоящий над развалинами. Гурбон, ты — старший, твой пулемет — это наша главная безопасность. Умри, но чтоб в спину нам никто не стрелял, — принялся наставлять солдат взводный.

— Все понял, товарищ старший лейтенант. Будьте спокойны. А кто станет готовить обед? — спросил Гурбон.

— Шагай, шагай, разберемся, кто будет кашеварить, — отмахнулся старший лейтенант. — Забирайте вещи и быстрее наверх.

Марасканов нашу БМП разместил на широкой площадке на краю дороги, напротив лежащих ракет. Еще одну пару солдат с пулеметом отправил к валяющимся на камнях упаковкам.

— Зибоев! Вместе со Свекольниковым стройте СПС в русле реки и охраняйте ракеты. Никого местных не подпускать, только если с ними вместе придет мы: я или замполит, — продолжал командовать Игорь.

— А что делать, если местные мальчишки полезут к нам? — спросил Витька. — Не стрелять же в них.

— Вот для этого Зибоев и идет, пусть объясняется с туземцами. Еще нарубите веток и забросайте ракеты, чтоб не мозолили глаза дикарям и меньше привлекали внимание посторонних.

Бойцы занялись укрытием машин. Тем временем армейская колонна практически вся прошла мимо, и только иногда проскакивали одиночные отставшие автомобили.

— Игореша, а ты уверен, что про нас не забудут? Сдается мне, что необходимо будет регулярно напоминать о нашем существовании. Не вспомнят или что-нибудь не сложится в планах и просидим тут до выхода колонны обратно из ущелья.

— Да ну, не должны. Про нас забыть можно, а про ракеты — нет, — усмехнулся Марасканов.

— Ай, все может быть. Спишут их, как отстрелянные по горам, людей и тех списываем на боевые потери, — вздохнул я.

— А тебе что не все равно, где сидеть, тут или на скалах?

— Все дело в пайке! У нас что осталось от продуктов — на сегодня и на завтра. Барашка никто не приведет, и рис под ногами не валяется. Может, Берендеев крупы и тушенки подбросит, надо на Головского по связи выйти. С харчами мы, конечно, тут до победы можем воевать. До нашей общей победы. Или до окончания операции, по крайней мере. Мы тут, а комбат пусть бьется в горах, — улыбнулся я.

— Товарищ лейтенант, кто-то иде к нам! — крикнул сидящий на башне Дубино.

— Вот черт, кто идет? — спросил Игорь.

— Та «духи», кто ж ешо туточки може быть! У таком захолусте тильки «духи» обитают.

Мы вскарабкались на бронемашину и огляделись. По дороге медленно и осторожно, приветливо махая руками, шли как-то боком три фигуры. Один человек был с длинным ружьем, одетый в старую, мятую форменную шинель афганской армии, другой — в широком халате и опирался на длинный посох, третий — в новенькой зеленой пакистанской куртке и с автоматом Калашникова.

— Бача буру (уходи)! — замах я на них руками.

— Шурави, дуст, дуст (русские, мы друзья)! — закричали афганцы.

— Вот черт, свалились нам на голову, что будем делать, Игорь? — спросил я озабоченно.

— А хрен его знает! Может, поговорим?

— Из меня лингвист никакой. Могу сказать на их языке только «привет», да «пошел на х...». Вот и весь словарный запас. Зибоева необходимо сюда и быстрее, — сказал я, тяжело вздохнув.

— А чога с ними балакать, я вот очередь дам и п...ц. Пока они по нам не пальнули, — пробурчал сержант.

— Дубино, дипломат хренов, иди от греха подальше, зови нашего главного «мусульманина». Ты сейчас этих завалишь, а через полчаса целая сотня сбежится. Ни ты, ни я, никто не знает, сколько «духов» вокруг в горах и кишлаках. Не сейчас так ночью ползут. Мирные переговоры будем проводить, на высшем уровне: чай, анекдоты, экскурсия, — ответил я сердито сержанту.

— Куды экскурсия? — ухмыльнулся Васька.

— К ракетам. Пугать будем нашей мощью! — объяснил я.

— Точно, пуганем, что, мол, этими ракетами по их хибарам бабахнем, — улыбнулся Игорь. — Хорошая мысль, Ник, порой приходит даже в голову замполиту.

— Игореша, иди к черту, не подкалывай.

— Шурави, салам, салам! — забормотали, приветствуя нас, подошедшие афганцы.

— Салам, саксаулы-аксакалы!

— Никифор, почему ты их саксаулами назвал? — удивился Марасканов.

— Есть такой анекдот: выходит Брежнев из самолета в Ташкенте и здоровается с встречающими его старейшинами: «Привет, саксаулы!» Его поправляют, что не саксаулы, а аксакалы, а он в ответ: «Саксаулы, аксакалы — какая разница, один черт, чурки деревянные».

— Пусть будут саксаулы, лишь бы не стреляли, — согласился взводный.

Афганцы подошли поближе и принялись здороваться, тыкая в себя пальцами — «сарбос», «сарбос» (солдаты).

— Они хотят мира, — перевел с «фарси» на русский вернувшийся от выносного поста Зибоев. — Просят ничего не взрывать, не стрелять, дома не грабить.

— Скажи ему, что мы не грабители, а солдаты, они могут быть спокойны. Мы — их друзья.

— Афганцы говорят, что друзья не приходят без приглашения и не ломают дом хозяина, — продолжал переводчик.

— Лично я тут еще ничего не сломал. Очень они разговорчивые! Скажи, что если будут себя плохо вести, мы выстрелим вон теми ракетами, что в речке валяются. Чтоб никто к нам не лез, — сказал Игорь.

Афганцы присели на корточки у парапета и что-то оживленно обсуждали.

— Чего гадят, Зибоев? — поинтересовался я.

— Не верят, что это ракеты.

— Ну что же, начнем с экскурсии, чай потом, — предложил Марасканов. — Пойдемьте, посмотрите, чем русский «шайтан-миномет» стреляет.

— Зибоев, а чего они тебе с хитрыми рожами «бакланят»? — спросил я у переводчика.

— Спрашивают, почему за русских воюю, почему не с мусульманами, предлагают с моим пулеметом к ним переходить, в кишлаке ханумка будет, а если захочу, даже две жены получу.

— А ты что им в ответ? — спросил взводный.

— Я сказал, у меня дома уже есть две жены, зачем еще столько? Тут скучно — ни телевизора, ни электричества, что я в их кишлаке забыл?

— А если б и телевизор, и электричество, и две жены в придачу? — подозрительно спросил я.

Зибоев в ответ только хитро улыбнулся и промолчал.

— Вот ведь страна жуликов! Приходят, в дружбе клянутся, их к столу приглашаешь, а они тут же солдата с пулеметом увести хотят! Что ж, подыграем этой шайке! — усмехнулся в усы Игорь. — Бача, покупай большие ракеты, по Пакистану можно стрелять, по Гардезу.

— Спрашивает: неужели в Гардез попадет? — перевел Зибоев.

— Попадет, если хорошо прицелится, — уверенно ответил Марасканов. — Берешь большую доску, кладешь ее на холм, сверху ракету, аккумулятор подсоединяешь от «барбухайки» — и бабах! Куда хочешь, стреляй, самым уважаемым в округе будет ваш кишлак. Все будут бояться. Ни у кого «огненного шайтана» нет, а у вас есть!

— Дорого? Сколько стоит? — продолжал переводить Зибоев.

— Сто тысяч афгани, — назвал цену товару Игорь.

— Все?

— Каждая упаковка! Всего четыреста тысяч, тебе по дружбе отдам за триста пятьдесят тысяч! — хлопнул я по плечу старого афганца.

— Вах-вах-вах! — закачали головами пуштуны.

— Какой хороший «эРЭС»! Спрашивает, унести можно сейчас же? — перевел вопрос афганского командира Зибоев.

— Деньги вперед — и, пожалуйста, неси, но деньги вперед! — поддержал я розыгрыш туземцев.

К нашим собеседникам присоединились еще пара колоритных личностей: один был в старом потертом кителе офицера афганской королевской армии и в шароварах, а другой — в длинной шинели.

Количество местных жителей продолжало увеличиваться с каждой минутой. Все больше «бородачей» подходили к нам, ощупывали арматуру из толстого швеллера, гладили ракеты, втроем-вчетвером пытались приподнять упаковку. Эти их попытки ни к чему не привели, ракеты даже не шевелились. Афганцы, очевидно, догадались, что их разыгрывают и вскоре потеряли коммерческий интерес к ракетам. Громко обсуждая случившееся, они удалились. Остались лишь первые три афганца. Они сидели на корточках, напротив, тихо и в то же время оживленно о чем-то спорили, не сводя с нас глаз.

— Чего хотят? Зибоев, переводит, о чем болтают, — поинтересовался Игорь.

— Да они рассуждают, долго ли мы будем сидеть в их кишлаке или, может, скоро уйдем. Получится ли что-нибудь у «шурави» украсть? Решают, что можно выпросить или обменять.

— Зибоев, ты им объясни, что если будут в нас стрелять, то мы тут построим заставу, и пост здесь будет стоять всегда!

— Да, и скажи, что можем тут все вокруг подорвать к чертовой матери, если будут себя плохо вести. Одной ракеты хватит на все их хижины! — хмуро сказал я.

— Они обещают вести себя хорошо и предлагают торговать.

— Как? Они что нас за матросов Колумба приняли? Жаль, нет «огненной воды», бусы и всякие побрякушки тоже не взяли. А им не нужны пустые цинки и ящики? — спросил Игорь.

— Говорят, нужны, обрадовались. Забрать хотят, — сказал солдат.

— Нет! Просто так, без продуктов, на обмен ничего не получат, и надо быть внимательнее, а то что-нибудь сопрут! Пустые ящики и цинки меняем на рис, — предложил я им.

— Просят на обмен патроны и гранаты.

— Хрен им по всей морде, — рявкнул я. — Сегодня они просят для мирных целей, а завтра в спину стрельнут этими же патронами. Максимум, что можем им дать — канистру солярки.

Короткое совещание афганцев заканчивалось радостными улыбками в нашу сторону.

Мы всей группой отправились к бронемашине и разгрузили два ящика, распотрошили четыре цинка патронов. Самый молодой афганец сбегал в кишлак и принес мешочек риса. В завершении обмена мы сфотографировались с пуштунами на фоне БМП.

Они, афганцы, как малые дети, страшно любят фотографироваться, им сам процесс интересен (фотки-то все равно не получают, никто не привезет). Но позируют с удовольствием и обижаются, если не хватает кому-нибудь места во время съемки.

— Местные интересуются: зачем «шурави» сюда пришли, — перевел вопрос аксакала Зибоев.

— Мы навсегда приехали, поселимся тут, нам нравится все: народ хороший, рака, лес, горы. Дукан откроем, белых ханумок для вас привезем, — хитро улыбаясь, ответил Игорь.

— Дукан — хорошо, торговля — хорошо, «шурави»-ханум — хорошо, а солдат — не надо, солдаты — это плохо, — перевел ответ афганца Зибоев.

— Без нас и «шурави»-ханум не будет, — улыбнулся Игорь.

— Жаль, но тогда если с вами, то и ханум не надо, — сердито ответил афганец. — У нас тут работа — дорогу охранять, за каждый километр — мешок риса от правительства.

— А если не пришлют? — поинтересовался я.

— Тогда еще одна колонна грузовиков сгорит, — ответил, нагло улыбаясь, бородач. — И мы свою землю вам не отдадим никогда.

— А на кой черт она нам сдалась — одни камни да колючки, — рассмеялся я.

— Зачем тогда явились? — удивился афганец.

— Позвали нас сами, вот и явились, — ответил я.

— Мы вас не звали, кто приглашал, к тому и езжайте. «Шурави» где живут?

— В России, в Москве, в Сибири, очень далеко отсюда. Про Ленина слышал, наверное? — усмехнулся я.

— Нет, это кто такой?

— Как не слышал? Его весь мир знает. Ты посмотри, Игорь, нам пропаганду еще со школьной скамьи гнали, что портреты нашего вождя

даже у африканцев в хижинах висят, а тут люди и про Советский Союз ничего не слышали, — поразился я.

— Ник, прекращай пропаганду вести среди «духов», а то бойцы все политические идеалы растеряют, — ухмыльнулся Марасканов. — Не получается у тебя с аборигенами найти общие интересы, плохой из тебя Джеймс Кук.

— Это хорошо, что Кука из меня не вышло, значит, не съедят, — улыбнулся я в ответ на шутку взводного.

Угостившись чаем с галетами, счастливые, «духи» разошлись по домам, унося трофеи. И вовремя. Буквально через десять минут подъехали два БТРа, облепленных офицерами в касках и бронекаках. На одном из них важно восседали подполковники Байдаковский и Ромашица. Весь политотдел в сборе! Правда, старшими в этой штабной команде оказались не они, а какой-то незнакомый полковник. Кто такой — черт его знает, но, судя по воплям и матам, большой начальник. Не меньше заместителя командира дивизии. А может, из штаба армии какой босс.

— Что вы тут вытворяете? Болтаетесь по дороге, как говно в проруби! Костер развели, чай гоняете! Кто вы такие? В чем дело, вашу мать, раздолбай? Где рота, где батальон? Какого полка подразделение? — выдал тираду полковник. И понесло — мат-перемат, не разбираясь.

— Товарищ полковник, боевое охранение выставлено у рассыпавшихся ракет. Выставлено три поста: один — на этой горке, другой — возле упаковок, третий пост — БМП, — отрапортовал Игорь.

— А сопку с противоположного берега вы контролируете? Нет! Почему там никого? Какой дурак вас тут вообще выставил? Балаган какой-то! — продолжал орать полковник, не слезая с БТРа.

— Пост установил командир дивизии, а в батальоне всего две роты, что ж тут полроты оставлять? — разозлился я, начиная заводиться.

— Сейчас оборудуются СПСы на горе и в долине, БМП уже обложили камнями, сделали укрытия для стрельбы. Если кто прибудет для усиления — выставим пост и с другой стороны, но двоих людей отправлять за километр — это убийство, — продолжил аргументировать необходимость нашего размещения Марасканов.

Ромашица, видимо, меня сразу узнал и поэтому ткнул пальцем в Игоря:

— Кто такой? Этого лейтенанта я знаю, известный демагог, а вы какую должность занимаете?

— Это кто демагог? — выпалил я, не выдержав оскорбления. — Не нужно старые ссоры и личную неприязнь раздувать с новой силой. Особенно в рейде, товарищ майор.

— Не майор, а подполковник! Протрите глаза! — рявкнул партийный босс.

Я оговорился специально, из желания уколоть секретаря патркo-миссии, которого терпеть не мог. Он оказался злопамятен, этот карьерист. Не забыл нашу старую сестру.

— Виноват, вроде в последнюю встречу, вы были майором. Растете на глазах, как на дрожжах, воюете, наверное, много! — ухмыльнулся я.

— Ну, а вы, товарищ лейтенант, на своей должности можете и застрять.

— Это вряд ли. Старшего лейтенанта всегда дадут, — усмехнулся я.

— Ну наглец, ну грубиян!

— А почему наглец? Я вас не трогал и никуда не посылал. Все оскорбления и маты только от вас, товарищ майор, извиняюсь, подполковник.

— Я приеду в полк, проверю документацию в роте. Обязательно! Я ничего никому не прощаю, — угрожающе пообещал он, дыша на нас перегаром. — А то как-то забыл я про вас, лейтенант!

Вот черт, попался на глаза мерзавцу, теперь будет опять доставать. Начальники еще немного поорали на Игоря и умчались дальше.

— Алкаши проклятые, еще поучают, солдат бы постыдились, протрезвели бы вначале, — возмутился Игорь.

— Кому война, а кому ступенька на лестнице головокружительной карьеры, — горько вздохнул я в ответ.

Едва пыль перестала клубиться на дороге, как показалась следующая группа БТРов. На головном сидел генерал в полевой форме — новый командарм. Я его узнал по вставным передним зубам и резкому, скрипучему голосу, напоминавшему скрежет метала по стеклу.

— Иди, твоя очередь отдуваться перед начальством, — подтолкнул меня под «пули» Марасканов.

— Кто вы такие? Что стоите тут? — спросил командарм.

— «Камаз» перевернулся, и ракеты рассыпались, выставлены охранять, — ответил я.

— Чей «Камаз», где он? Кто был старшим машины? — принялся засыпать нас вопросами генерал. Рядом с ним пристроились «шестерки» с блокнотами и планшетами, с готовностью записывая все, что он говорил.

— Не знаем. Машину вытянули и увезли, мы ждем кран и тягач, чтобы погрузили «упаковки», — ответил Игорь.

— Кто старший?

— Наверное, я — лейтенант Ростовцев, заместитель командира роты. Это командир взвода — старший лейтенант Марасканов и семь бойцов восьмидесятый мотострелковый.

«Писарчуки» все записали, делая особые пометки, и что-то зашептали на ухо командарму. Дубовин кивнул и проскрипел нам следующее:

— Х-м, наверное, бронезилеты и каски никому, в том числе и вам, не снимать, следить, чтобы ракеты не уперли.

— Да их, товарищ командующий, вдесятером не сдвинешь, тяжелые, — ответил я.

— Ну-ну, бдительность и еще раз бдительность, скоро вас сменят, сейчас же вызовем технику.

Хорошо, что мы успели надеть броники, а то еще раз получили бы нагоняй.

И весь этот караван машин, обвешанный радиостанциями и облепленный штабными деятелями, умчался, клубя пылью по горной дороге.

— Ты его откуда знаешь? — поинтересовался Игорь.

— На той неделе какое-то мероприятие в дивизии проводилось, я вместо Артюхина ездил от батальона для массовости. Вот этот «кадр» объявил такую хохму: основные потери у нас оттого происходят, что толпа бойцов сидит сверху брони. Машины, мол, как цыганский табор обвешаны солдатами, а их шальные пули и осколки цепляют. «Приказываю, — говорит, — всех посадить внутрь танков, БМП и БТРов. Каждый должен быть в каске и бронежилете, и если ранили, а защиты не было, то раненому выговор объявить надо вместо награждения медалью или орденом».

— Ну дает! Вот цирк-то! Это как же по такому пеклу сутки трястись в тесноте, да еще и в жестяной коробке? А в Кандагаре — там, вообще, жара за пятьдесят градусов, меньше не бывает! Помрешь через час!

— Кто-то ему попытался сказать и про подрывы на фугасах, и про гранатометы, но Дубовин и слышать этого не хотел. Всех посадить в десанты — и точка! Но, как видишь, сам сидит сверху и толпа «шестерок» вокруг, наверное, уже убедился в глупости своего распоряжения, — улыбнулся я.

— Они все как из Союза приедут, то такие умные, но война их быстро обламывает, — констатировал Игорь. — Одно спасение от глупых приказов — их полное неисполнение.

— Все зависит от конкретного человека. Иной негодяй и сам понимает ненужность распоряжения, но продолжает гнуть свою линию. А другой доходит до порога глупости и останавливается, дает отмашку — «оставить». Ошибки признавать всегда тяжело, особенно высокому начальству, если ты много о себе возомнил и считаешь себя личностью исторического масштаба. Вершитель судеб, полководец, титан, гигант мысли — вот головенка и закружилась, — сказал я с горечью.

Рисовая каша под громким названием «плов» не удалась. Что можно туда добавить? Мелко нарезанное сало из баночки, паштет, сушеные моркови и лук.

— Якубов, где сушеные лук и морковь взял? — спросил я.

— На складе у земляка, отсыпал немного, еще специй захватил, но мяса нет, тушенки — тоже. Как сделать вкуснее? Может, подстрелим кого-нибудь? — улыбнулся узбек.

— Кого, Гурбон? — тяжело вздохнул я. — Разве что Зибоева: в нем мяса много, гораздо больше, чем в Свекольникове.

— Я предлагаю курицу достать, — сказал повар.

— Где, в кишлаке? Чтобы через полчаса бушующая демонстрация вокруг нас ходила и камнями забрасывала. Кишлак-то ведь не брошенный, — отказался я от его авантюрной идеи.

— Потихоньку похожу вдоль реки, может, кто и попадется. Гуси, куры бродят всегда без присмотра, где хотят. Потери одной птицы жители не заметят.

— Зато я замечу потерю тебя самого. Забыл, как за одну корову было четыре ошкуренных и выпотрошенных трупа?

— Нет, не забыл. Но, то же корова, а тут всего курица, — продолжал гнуть свою линию Гурбон.

— У азиатов воровство — страшный грех, камнями забьют! Нет! — отказал я в просьбе.

— Я тоже азиат и мусульманин, — широко улыбнулся Якубов.

— Ты — не настоящий, ты — советский узбек, к тому же глупый городской романтик! Прекрати даже мечтать о мясе. Что-нибудь придумаем. Завтра тушенку Берендей привезет. Может быть.

— А может и не приехать, — произнес с сомнением Гурбон.

— Допускаю и такое, вот тогда и пойдем к аборигенам в гости, пусть сами угощают, но без воровства, — поддержал меня взводный.

Мы с Игорем залегли между поребриком и БМП на расстеленных матрасах и отбивались от вражеских комаров. Ночь, черная и мрачная, спустилась в ущелье, словно демон зла. В миг стало тихо и темно. Ни огонька, ни шевеленья. Армия ушла за перевал так далеко, что ее не могло быть слышно, а местные жители ложились спать слишком рано, сразу с заходом солнца. Наверное, от этого у них так много детей. Да и чем еще можно заняться в кромешной тьме, имея гаремы?

Чем хороша ночь, так это прохладой, а ужасна этим липким всюду проникающим страхом. Шорохи, крики птиц, треск веток, шум ветра, завывания собак — все это нервирует. Хуже нет ночевать в кишлаке или вблизи него. Но лучше уж в пустом кишлаке. Покинутые дома и закоулки хотя бы заминировать можно, «сюрпризов» наставить, а что сделаешь, когда вокруг спуют люди и живность? Вскоре взошла и осветила окрестности большая и яркая луна. Собаки осмелели и принялись задорно лаять во дворах. Словно переговаривались и одновременно успокаивали друг друга. Внезапно поднялся сильный ветер, и вокруг лунного диска возникло яркое свечение, которое все больше расширялось и, наконец, захватило почти весь видимый небосвод. Замычали коровы, заблеяли овцы, проснулись и подняли галдеж птицы, а собаки словно взбесились: одни оглушительно выли, другие лаяли до хрипоты.

— Ни х... себе! Это что, конец света? — воскликнул испуганно Свекольников.

— Твою мать! П...ц дембелю, — крикнул Сидорук.

— Спокойно, балбесы! Это «лунная радуга», молодые люди! В прошлом году такая уже была. Редкое явление, но уже второй раз вижу, — попробовал я успокоить бойцов.

С пригорка по радиостанции запросили разрешения спуститься Якубовы. Перепугались... А Зибоев с Ташметовым от охраняемых ракет сбежали безо всякого спроса. Страх парализовал всех.

— Сейчас же успокоиться! Раз замполит говорит «лунная радуга», хрен с ней, пусть будет так! Говорит — значит знает. Всем по местам, «духи» опаснее! — командовал Марасканов. — А ты, Никифор, откуда знаешь про это явление и что оно так называется?

— Да я не знаю точного названия, Ваня Кавун так называл это в прошлый раз, он где-то читал об этой «радуге». Скоро все закончится.

И действительно, свечение прекратилось, зверье успокоилось, никаких всепланетных космических катаклизмов не произошло, и наступила тишина.

— Скажу честно, думал «летающая тарелка» объявилась! Я в детстве много фантастики читал, — проговорил, волнуясь, с придыханием Свекольников.

— Если связь проспишь, будешь летающей «свеклой», — усмехнулся в усы Игорь.

— В прошлом году я тоже так подумал, — успокоил я солдата.

— А все же, как было замечательно! Изумительное по красоте явление, сидя в квартире, такое не увидишь! — воскликнул Игорь. — Я человек не впечатлительный, но это что-то невероятное!

— Да, природа загадочна, особенно когда не знаешь объяснения каких-то явлений. Нужно больше читать, правильно, Витька? — спросил я.

— Так точно, товарищ лейтенант! — ответил солдат. — Я люблю узнавать про все таинственное и необычное, будет о чем дома рассказать.

— Тогда слушай занимательную историю, собиратель загадочного! — начал я свой рассказ. — Это было семь лет назад, на Украине. Волею судеб я заканчивал там школу, на родине Брежнева. Как и ты, солдат, много читал фантастики и приключений. Был уверен в присутствии инопланетян и наблюдении ими за нашей жизнью. Вот однажды поздней осенью, как сейчас помню, двадцать седьмого ноября, послала меня вечером мать в магазин, за хлебом. Иду по тенистой дорожке, листва с вишен и абрикосов еще не совсем опала, вглядываюсь в звездное небо, мелодию насвистываю веселенькую. И вдруг что это? Что в небе среди звезд пронеслось?! Я видел секунду или две, как нечто промелькнуло бесшумно, без малейшего звука, в форме огромного дельтаплана, с семью или девятью огнями по периметру силуэта. Таинственный объект был черный, темнее неба, он промелькнул и мгновенно исчез. Ветки

помешали дальнейшему наблюдению, закрыли обзор. Выскочил я на широкую дорогу, но все исчезло, беззвучно, как будто ничего и не было. Это был не самолет и не ракета, двигатели не шумели, а высота была лишь пару сотен метров. Не дельтаплан, так как промчался объект очень быстро, больше километра за секунду! Тогда что это такое? Таинственно и загадочно! Чудеса! Да?

— Ну ты, Ник, даешь, прямо заморозил своим рассказом! — улыбнулся, переводя дыхание, Игорь. — Посмотри, Витька даже рот раскрыл от изумления. Все, басни закончились! Свекольников, закрывай «варежку» и марш на пост!

— Товарищ лейтенант! Так вы сейчас-то в пришельцев верите или нет? — спросил Гурбон Якубов.

— Гурбонище, если скажу, что верю, старший лейтенант Марасканов завтра в психушку упечет, настучит, чтобы должность мою захватить. Скажет, мол, у замполита крыша от войны поехала!

— Не упрячет! Он хороший и добрый, — улыбнулся Свекольников.

— Хороший! Добрый! А ну, марш по пещерам и постам! — рявкнул Игорь. — Ник, совсем своими фантазиями взвод «разложил».

Бойцы, вздохнув, поднялись и ушли в темноту, а я подбросил веток в костерок, подлил в кружку горячего чая и намочил твердокаменный сухарь, чтобы зубы об него не сломать.

— Ты байку травил или, правда, что-то видел? Не фантазируешь? Не соврал? — спросил взводный.

— Игорь! Хочешь — верь, хочешь — нет, не вру я! Это не плод моей воспаленной фантазии, вызванной прочитанными книгами. Не знаю, что это такое было — секретный военный аппарат или все же НЛО, но что-то летело! К тому же я совсем юный был, спиртного не пил, если ты об этом подумал. На пьяные глаза не свалить. Так-то вот.

— Да, замполит! Ты меня окончательно с толку сбил. Мало нам этой твоей «лунной радуги», так еще пришельцы! Тьфу, черт! Теперь совсем не заснуть!

— Вот и хорошо, не спи, а посты ходи проверь, пока я буду отдыхать, — улыбнулся я.

— Сколько в тебя сна лезет? Прямо сонная прорва, — удивился Марасканов.

— Игорек, договорились, сам сказал не уснуть, ну и не спи, а через четыре часа, так и быть, поменяемся ролями.

— Ладно, дрыхни, если можешь, — согласился Игорь.

Я обрадовался, накрылся спальным мешком и моментально засопел.

Ни рано утром, ни в обед о нас не вспомнили. Не привезли продуктов и к вечеру. Сухпай давно закончился, рис доели, остались одни сухари и чай с сахаром. Афганцы, догадавшись, что мы над ними подшучиваем, больше интереса к торговле ракетами не проявляли. Несмотря на постоянную охрану, мальчишки или ополченцы сперли подушку и старый шлемофон. Жулье...

Все же Игорь рассердился на такое отношение к нам и велел через переводчика больше не приближаться к посту: ракеты могут взорваться в любую минуту. Аборигенов как ветром сдуло. Ни женщин, полошущих белье в речке, ни пастухов, ни ребятишек. Все обходили нас стороной. Ну и отлично, так спокойнее. Без «духов» хорошо, а без продуктов плохо. Пролетела еще одна ночь. Только следующим утром пришел из Гардеза кран и тягач под охраной десантников, мы быстренько свернулись и помчались догонять свой батальон.

Знакомые пуштуны, хитро улыбаясь в усы, помахали нам на прощание. Пусть лучше машут руками, чем стреляют вслед из гранатометов.

* * *

Подорожник встретил нас неласково. Когда же ты подобреешь, Василий Иванович?

— Ростовцев! Где вы шлялись так долго? Оперативный дежурный сообщил, что взвод давным-давно сменили!

— Как прибыл тягач, так мы и уехали, ни минуты не задержались, даже в Пакистан не заскочили.

— Иронизировать и насмехаться будете над своей женой! Марш строиться! Через полчаса выдвигаемся в горы.

— Мы сутки без еды, поесть бы вначале. Я все ж таки опять исполняю обязанности замполита батальона, должен беречь личный состав.

— Хорошо, быстро есть и строиться! Заместитель непутевый свалился на мою голову! Когда же, наконец, мне попадетя нормальный несачкующий политработник. Черт бы вас всех побрал, один другого хлеще. Только языком на собраниях болтать горазды!

— Не понял последнюю фразу, товарищ майор? Какие ко мне претензии, я что когда-то сачковал и не воевал?

— Да при чем здесь это? Ты кто — мой зам? Политработник? А выглядишь, Ростовцев, как анархист и разгильдяй! Приведите себя в порядок, товарищ лейтенант, и в строй! «Махновец»!

Подумаешь, тельняшка, кроссовки, маскхалат и легкая четырехдневная щетина! Ведь ни черного знамени, ни черепа с костями! Просто так удобно воевать, зачем издеваться над собой. Лучше бы и над солдатами не издеваться: сапоги и ботинки в сорокаградусную жару — это бессмысленная пытка.

Колонна миновала заставу и спустилась вниз. Грунтовая дорога углублялась все дальше в ущелье. Постепенно деревьев на склонах гор становилось больше и больше. Вдоль ручья, рядом с которым проходила дорога, лежали обгоревшие машины. Видимо, афганская колонна попала в засаду несколько лет назад. Танк без башни, танк без траков и с отпиленным стволом (интересно, кто и зачем его обрезал?), машины, машины, машины. Обломки, остовы, они не поддаются подсчету. Все превратилось в огромную кучу — следствие настоящей бойни. Сколько же здесь было пролито крови? Опять БТР, машина, танк... Вот так ловушка! Уничтожено больше восьмидесяти единиц техники. А людей?

Вдалеке показалась средневековая крепость: массивные стены, высокие башни, бойницы, ров. Современный вид ей придает советская техника: пушки, несколько старых танков Т-54 и БТР-52. На центральной площади стояла пара БТРов, на которых сидели в афганской форме русские ребята, приветливо и радостно махавшие проезжавшей мимо армии. Вот повезло так повезло ребятам, попасть в эту «дыру».

Не успели мы и передохнуть, как батальоны с ходу бросили в горы. По оперативной обстановке «духов» в этом районе тысяч тридцать, а нас идет в горы чуть более тысячи. Родимый батальон, смешно сказать, выходит на задание всего сотней штыков! Если бы не поддержка авиации и артиллерии, то нас просто бы тут разметали по лесам.

Разбившись на десятки, все двинулись на площадку, где уже сидели и откуда взлетали вертолеты. Место выбрано очень неудачно: в песчаном высохшем русле реки при работе винтов пыль поднималась вокруг столбом и ни черта было не видно. Приходилось идти на шум двигателей, но главное — не промахнуться мимо бокового люка. Что со мной и произошло. Старшие группы шли во главе, а солдаты двигались след в след, держась за мешок впереди идущего, цепочкой. Беспощадный ветер бросал в лицо пыль и песок, который набивался в рот, нос и глаза. Бойцы могли нагнуть голову, а командирам нельзя: нужно как-то разглядеть куда идти.

Авианаводчик командовал посадкой и распределял группы, предупреждая:

— Осторожно, пригибайтесь, не попадите под большой винт, вертолеты болтает ветром.

В ущелье действительно, вдобавок ко всем неудобствам, дул противный боковой ветер, раскачивающий борта.

— Еще раз напоминаю, будь внимательнее! Пригибайся сильнее, винты качает. Вперед, быстрее, быстрее! — скомандовал мне капитан.

Накинув капюшон маскхалата на лицо и нагнувшись пониже, я на полусогнутых ногах побежал как можно быстрее. Но вскоре впереди шум резко усилился. Что-то тут не так. Я с трудом приподнял голову и, прищуриваясь, обнаружил, что иду на хвостовой винт, до которого оставалось два-три метра. Ужас!

— Стой! Стоять! Всем влево! — заорал я.

Но никто, конечно, ничего не услышал, и солдаты все напирали сзади и напирали, невольно подталкивая меня вперед.

Схватив сержанта за руку, я с силой потянул его в сторону.

— Якубов! Уходим! За мной. Мы под винт лезем, тащи всех за собою! — заорал я на ухо Гурбону, и мы вдвоем принялись вытягивать всю десятку к десантному люку.

Когда группа забралась в вертушку, и мы взлетели, побледневший «бортач» подошел ко мне и прокричал на ухо:

— Думал все — хана, сейчас размажет и разрубит несколько человек. Промахнулся, да? Ты кто по званию?

— Лейтенант я. Ни черта не видно, чуть не обделался, когда увидел у самых глаз эту огромную вращающуюся мясорубку. Чудом повезло, что не сделал пару шагов, еще немного — и затянуло бы.

— Счастливчик ты, лейтенант! Ведь ничего нельзя было сделать, ветер задувает. Начни подниматься, качнет и рубанет лопастью по всей цепочке, а добежать до вас я не успел бы. Так и стоял, затаив дыхание: орать бесполезно, три вертолета одновременно шумят.

— Это точно. За то, что повезло и мы выжили, посадите прямо на точку, чтоб меньше по хребтам пришлось бродить.

— Сейчас, пойду командиру расскажу.

Бойцы напряженно вглядывались в иллюминаторы, в основном никто ничего не понял. Лишь Гурбон был немного перепуган, сидел с дрожащими губами, так как видел винты перед глазами. Борттехник вернулся и ободряюще улыбнулся:

— Лейтенант, ты в рубашке родился, повезло, увернулся от смерти, обошла в этот раз стороной костлявая! Можешь нажраться по возвращению в полк.

— У нас надерешься, как же! Комбат сожрет с потрохами. Порядки в полку зверские, начальник штаба Ошуев настоящий террор устраивает. В прошлом году в батальоне должность ввели зам. по тылу батальона. Прибыл капитан Саня Головской. Водку на пересылке выпил, и проставиться перед офицерами оказалось нечем. Он занял двести чеков, почти всю получку следующего месяца. Набрал водки, купил коньяк, консервы, зелень, овощи, фрукты. Тушенку на складе дали, еще кое-что по мелочам, но в основном свои потратил. Управление батальона пригласил. Стол ломится. Головской ходит, стаканы расставляет, весь в предвкушении праздника — душевный подъем и все такое. Ну, сам понимаешь.

— Ага. Понятно, — кивнул летчик.

— Так вот, дверь закрыта на замок, потому что приглашенные знают условный стук. Вдруг кто-то барабанит в дверь, Саня, естественно, не открывает, мало ли кто шарахается из халявщиков. Стук повторился, а затем дверь с треском вылетела вместе с выломленным замком: на пороге целая комиссия — Ошуев, Ломако (зам. по тылу полка) и Цехмиструк (секретарь парткома). Рейд по борьбе с пьянством и алкоголизмом, а кто-то ведь стуканул из своих, приглашенных участников «автопробега».

— Какой козел! — возмутился борттехник.

— Не то слово! В общем, входят в комнату, начинают орать, а Ошуев берет две литрушки водки и разбивает одну об другую. Немая сцена, затем вопль ярости, и Головской, как в кинофильме «Операция-Ы», с криком: «Мою водку бить, да я тебя убью! Я ее за свои кровные деньги купил», — хватает за грудки начальника штаба. Зам. по тылу толстый, как хорошо откормленный кабанчик, поэтому плотно придавил к стене Султана Рустамовича и бац ему в бок кулаком. Тот ему в ответ. Ломако и Цехмиструк разнимают, стол опрокидывается — комедия! Начальник штаба вызвал разведзвод и Головской, видя бесполезность дальнейшей борьбы за справедливость, больше не сопротивлялся, ушел на гауптвахту.

— И что дальше-то было?

— А ничего. Командиру полка вроде бы надо наказать людей, но ведь знает, что палку перегнули, да и все комбаты полка — участники мероприятия. Сам «кэп» большой любитель «зеленого змия» в отличие от майора Ошуева, регулярно пользуется «огненной водой». Пожурил он собутыльников слегка, да и все. Но народ в полку месяц при виде Головского смеялся: «Водку? Вдребезги! Разбить? Да я тебя!..»

— Да уж, веселый у вас полк. Образцовый!

— Образцовее некуда.

— Ну, давай, подходим к задаче, вперед, с богом! Удачи вам! — пожелал на мне прощание летчик.

* * *

Вертолетчики обнаружили небольшую полянку на гребне, куда всех и десантировали. Вокруг нее стоял сплошной стеной хвойный лес. Склоны хребтов густо поросли деревьями: соснами, елями, лиственницами, пихтами. Чудеса! В сотне километров отсюда выжженная пустыня, а тут прямо забайкальская тайга! Ну, в некоторых местах она уже благодаря нам прорезивалась лесными пожарами. Может, снарядами зажгли, может, авиабомбами. Ха! Вот хвостовое оперение одной из них, стокилограммовочки, торчит из рыхлого склона. Мягко вошла. Скорее всего какой-то заводской брак. Не сработала... Затаившаяся смерть.

— Эй, сапер! Взорви ее как-нибудь! А то еще рванет или «духи» для фугаса используют, — приказал Грымов.

— Нет уж. Я к ней и на пятьдесят метров приближаться не буду. Можно из «подствольника» попасть, но разлет осколков очень большой, не рекомендую, — сказал Алексей. — Пусть себе лежит, лучше уж «духи» пусть подорвутся, если попробуют забрать ее отсюда.

Мы побрели по тропе вдоль склона, все выше и выше. Чуть в стороне двигался огненный вал. Воздух и так раскален, а мы его еще подогреваем и коптим. Огнем были охвачены целые склоны. Главное, чтобы огненный смерч не погнало на пехоту, а то с грузом-то далеко не убежишь. Получится шашлык в бронежилетах. Шашлыком быть не хочется.

Ущелье, которое необходимо было прочесать, состояло из нескольких ярусов и террас, заросших деревьями и непроходимыми кустарниками. Двигаться можно было только по тропкам. Достаточно одного пулеметчика в засаде — и деваться будет некуда. Конечно, у «духов» превосходящие силы, но наше преимущество не в численности, а в наличии авиации и артиллерии. Скорее всего основные силы противника предпочли спрятаться в Пакистане, до границы несколько километров, а по лесам маскируются разрозненные мелкие группы наблюдателей и диверсантов. Обшарив склоны, наша группа ничего не нашла, и мы с Игорем скомандовали солдатам привал. По связи шумел Ветишин, разыскавший в развалинах овечьей кошары несколько «эРСов» и минометных мин, а подоспевший Острогин извлек десяток выстрелов к безоткатному оружию. Все же какой-то, но результат. А то третья рота нашла пулеметы, и автоматы, и патроны. Десантники обнаружили огромную базу-склад, с которой вертолеты вывозят большие трофеи. Наши показатели скромнее. Да и черт с ними. Главное — у нас нет потерь. А десантура нарвалась на засаду, кто-то наскочил на мины-«сюрпризы» — опять жертвы.

Рота проверила все, что можно, но больше ничего не нашла. Наши крохи забирать авиацией командование не захотело, сапер эти находки

просто подорвал, и мы спустились к технике. Потом целую неделю шли поисковые операции. Утром забросят, день шарахаемся, вечером спускаемся. Из найденных боеприпасов что-то взрывали, что-то вывозили вертолетами. А мы все носили и носили... патроны, мины, гранаты. Сколько же тут заготовлено средств убийства «шурави»?..

* * *

Однажды вечером в экстренном порядке построили всю пехоту полка, и майор Ошуев поставил задачу офицерам батальона:

— Без мешков, налегке, только с боеприпасами выдвинуться в сторону границы. Как стемнеет, разведзвод и саперы уходят вперед минировать пограничный кишлак, а первая рота их сопровождает. Взвод АГС и третья рота прикрывают с высоты ваш последующий отход.

Вот это да! Главное, не заблудиться и не уйти в Пакистан, не углубиться слишком, не увлечься «любимым делом» — пешей прогулкой.

Я вглядывался в темноту и дрожал всем телом. Тельняшка промокла насквозь во время быстрого перехода перебежками, а теперь вот опустившаяся ночная прохлада пробирает до костей. Трясутся все мышцы и жилочки, зубы выстукивают морзянку.

Окутавший нас густой и липкий туман спутал карты командованию. Не видно ни черта в пятидесяти метрах. Где-то рядом Пыж с разведчиками и саперами, но где они — не понятно, должны были углубиться до окраины кишлака и расставить «охоту». Эта минная система срабатывает на частоту человеческих шагов, рассчитана на звук, вес и еще черт знает на что. Говорят, на лошадей, ишаков, баранов не действует, а только на человека.

Лежать в маскхалате на сырой земле довольно неприятно. Ни пошевелиться, ни поерзать и встать нельзя: вдруг заметят. Мы находились в поле перед небольшим бруствером, у арыка. Впереди в дымке виднелся кишлак — хибарок сто, притулившихся у склона лесистой горы. Опустел ли он при нашем появлении в Алихейле, или остались какие-то жители — неизвестно. Ясно только то, что это не контролируемая правительством территория. Позади нас стоит выносная застава, передовое охранение крепости, тут отсиживается афганский батальон, человек восемьдесят. Они запуганы так, что практически не высовываются. Дорога к заставе загромождена сгоревшей техникой. Живут под постоянной угрозой штурма, Пакистан-то в двух шагах.

Я слушал тихо потрескивающую радиостанцию, отмахивался от комаров и дрожал.

— ...Крот, «духи»! Крот, «духи»... Крот, ты слышишь? Крот, «духи». Крот, «духи»...

Что за чертовщина?! Вроде бы голос Пыжа, а он впереди нас всего метрах в пятистах. Ну если сейчас начнется стрельба, то тут будет такая бойня! Мы на открытой местности, а мятежники станут бить с возвышенности. Не уползти и не убежать, замучаешься раненых выносить. Но почему-то вскоре все стихло. Радиостанция замолчала, а спустя пару томительных часов из тумана появились саперы и разведчики. Грязные, мокрые, злые и напуганные.

Ну вот и все. Комбат по связи дал команду возвращаться (до этого в эфире было гробовое молчание), и рота тихо снялась с позиции, как будто нас тут и не было никогда. А интересно, чей это был кишлак? Афганский или пакистанский?.. Хотя пуштуны везде одинаковые.

Теперь главное — вернуться и не наскочить в тумане на какую-нибудь свою или «духовскую» засаду. Возвращаемся очень долго, медленно и осторожно, офицеры всю дорогу шипят на солдат, чтобы не шумели и не гремели оружием и касками.

* * *

Выбрались под утро, уже на рассвете. Техника подъехала к пересохшей речушке, и люди быстро разместились по машинам. Нашей роте стало совсем тесно, все же три БМП в Гардезе ремонтируются. Еще одна по дороге к крепости накрылась, и ее утащили обратно. Да, достанется Федаровичу после боевых.

Мы вернулись к началу завтрака. Головской со своей командой — Берендеем и Соловьем стояли возле полевой кухни и улыбались белозубыми, сытыми улыбками на широченных физиономиях.

— Берендей! Гони жратву, хватит оскаливаться, не видишь: промокли и замерзли, как собаки, — окликнул командира хоззвода Бодунов.

— А если бы ты не бросил черпак, как последний дурак, то сидел возле кухни — сытым, обогретым. Поперся за приключениями, — принялся выговаривать толстяк-прапорщик нашему прапорщику, своему бывшему подчиненному.

— Если ты не начнешь шевелиться, я тебя в котел засуну и сам начну проводить раздачу еды!

— Пошел ты... В первую очередь кормлю командиров рот и отдельных взводов, замполитов — им на совещание. А ты постой в стороне, подожди своей очереди.

— Вот черт, дискриминация! Ну, погоди, Берендей! Будет и на моей улице праздник, назначат охранять взвод обеспечения — я тебя погоняю, буду стрелять из пулемета прямо над твоей толстой задницей.

— Игорек, ну не суетись! Дай людям покушать, а потом подойдешь отдельно, чайку попьем, поговорим. Не нагоняй волну! — и Берендей сыто рыгнул, почесывая волосатый круглый живот, выпирающий из-под тельняшки, и, разгладив усы, начал кормить офицеров.

Бодунов уловил тонкий намек на какую-то халяву и отошел в сторону.

Я присел рядом с усталым разведчиком, медленно жующим кусок хлеба с маслом и задумчиво катающим хлебный мякиш по столу. Грустный, потерянный, рассеянный взгляд. Николай в мыслях был явно где-то очень далеко отсюда.

— Коля, что случилось? — спросил я, слегка подталкивая лейтенанта.

— А? Что? М-м, я сегодня чуть не убил человека.

— Ну и что? В первый раз, что ли? Сколько их уже на твоём счету?

— Нет, ты, Ника, не понял, почти зарезал человека — нашего солдата. Как он оказался прямо передо мной? Саперы ушли метров на двести вперед, а я с взводом залег и наблюдаю в ночной бинокль за кишлаком. Вдалеке ковыряются саперы, кишлак спит, и вдруг вижу: прямо метрах в двухстах ползут два «духа». И ползут конкретно, один на меня, а другой в сторону саперов. Я шепчу в радиостанцию: «Сапер — «духи», сапер — «духи!» Понимаю: нужно что-то предпринять, стрелять нельзя: близко от кишлака, и не сумеют уйти ребята без потерь. Достал финку и пополз вперед, подрежу, думаю, обоих. Взял чуть правее и подкрадываюсь осторожно к ближайшему. А «дух» сидит как-то странно, наклонившись, спиной ко мне и что-то делает. Я занес над ним нож и потянул руку, чтоб зажать глотку, а он повернулся и поднимает на меня глаза... Свой! Славянин! Меня чуть инфаркт не хватил. Солдат как громко..., в общем, ты понял, вонь пошла. Я бы и сам, наверное, обделался.

— Коля, а если бы был не славянин, а какой-нибудь узбек или туркмен?

— Х-м, тогда, думаю, не сообразил бы сразу и не удержал руку с ножом. Я и так уже мышцы напряг для удара. Какая-то секунда спасла парня. У меня потом руки всю дорогу тряслись, Айзенберг пятьдесят грамм спирта дал, чтоб успокоиться, и промидол вколол, когда сюда пришли. Вот я такой сейчас сижу заторможенный. Я самый счастливый сегодня человек, не взял грех на душу, отвел кто-то мою руку. Может, есть Бог на свете?..

Вновь комбат построил офицеров и принялся проводить воспитательную работу. Подорожник, словно двуликий Янус, был один в обоих

лицах — и комбат, и замполит. Пока мы ночью ползали вдоль границы, он управлял ротами с КП батальона. Чувствовалось, что надвигается «гроза». Василий Иванович нервно прохаживался вдоль строя, крутил, тербил и разглаживал усы, от чего они стали торчать далеко в стороны, будто искусственные. Чистая, отутюженная форма, начищенные туфли, до синевы выбритые щеки, сиявшие румянцем, и даже запах какого-то одеколона.

Мы же представляли собой совсем жалкое зрелище. Лично у меня грязный маскхалат, перепачканный от ночного ползания, разваливающаяся стоптанные ботинки (я их взял на построение у сержанта), десятидневная щетина, пыльные и грязные всклооченные волосы на голове с торчащими во все стороны вихрами, «чернозем» под неподстриженными ногтями. Чистые — только лицо, шея и руки. За весь рейд ни разу не попали в полевую баню — не повезло. У других вид был не лучше.

— Товарищи офицеры! В каком вы виде? Это разве пример для подчиненных? Всем помыться, побриться, привести форму в порядок. Никто не удосужился перед построением ботинки почистить! Даю ровно час, затем снова проверяю. Да и личный состав одновременно привести в порядок.

— Чего это он? — спросил я у Шведова. — Белены что ли объелся? Бриться на боевых — самая плохая примета!

— Комбат попал под горячую руку Ошуева, тот на совещании орал, что батальон как сброд болтается по лагерю и позорит полк. Мол, получил орден и можно дурака валять? Пригрозил отпуск «бате» задержать, а ты ведь знаешь? какой наш Герой злопамятный. А у Иваныча уже путевка приобретена в Крым. А тут еще Артюхина нет, начальник штаба батальона — новичок, комбат за всех крутится. Вот вначале меня поимел и приводил в порядок, затем сам брился, а теперь за вас взялся.

— Игорь, ты дуралей, мало тебе одной дырки в башке? Знаешь верно не хуже меня, что нельзя брить физиономию, покуда в полк не вернешься, тем более, ты через полгода должен в Союз вернуться.

— Слушай, умник, иди-ка бери лезвие и выполняй приказ, а я посмотрю, как ты откажешься. Шеф злой, словно раненый медведь, думаешь, ему было легко. Он, когда брился, почти рыдал, хотел выращенную бороду в Союз увезти.

Солдаты принялись бриться и чиститься, в очередь у одной бритвы становилось по десять человек, да им собственно и сбривать-то пока было нечего. Пять волосинок у Свекольниковова, три у Колесникова, гладкие щеки у Тетрадзе. Вот только Зибоев и Мурзаилов мучались по полчаса со своей бурной растительностью.

Естественно, ни я, ни другие офицеры роты одним общим станком пользоваться не стали, а Ветишин со своей редкой светлой щетинкой был не замечен. Ограничились чисткой ботинок, но куда дошли по густой пыли к штабной машине, обувь снова запачкалась.

Арамов оказался хитрее всех, принес щетку и смахнул пыль, стоя в строю, и на подбородке виднелись свежие порезы. Молодец, прогнулся!

— Ну что с вами делать? Сбитнев? Вы можете управлять ротой или нет? В чем дело? — взъярился комбат

— Да пока дошли, уже не видно, что чистились, а бриться нечем, — ответил Володя.

— Почему я нашел? Почему у меня х/б чистое всегда в запасе, почему бритва есть? — удивился и возмутился Иваныч. — Замполит, в чем дело? Ты вроде бы мой первый помощник в рейде, Артюхин тебя назначал, да?

— Так точно! Но вам, товарищ майор, значительно проще: цыкнули — и Берендей примчался и все принес, а как не принести, попробуй не достать, не приготовить — и вместо Бодунова АГС понесет, — усмехнулся я.

— Разговорчики в строю! — оборвал меня Подорожник.

— Ну, вы же сами меня спросили. Я и ответил, ну нет в роте командира взвода обеспечения, а старшина, сами знаете, товарищ майор, в полку должность сдает.

— Ох, и мальчишки, ох и зеленые! Сейчас некогда, а позже разберусь и накажу как-нибудь! Поступила команда — выход брони через полчаса. Поэтому быстро собираться и выдвигаться обратно к крепости. Первая рота охраняет тылы полка, взвод Марасканова идет с КП и тылом батальона, вторая рота — охрана полка связи, АГС и разведвзвод сопровождают батарею «Ураганов». Выполнять задачу! Проверить еще раз людей, оружие, подствольники прицепить к автоматам. Главное — никого и ничего не забыть! Если кого забудем или потеряем, сюда можно вернуться только при проведении армейской операции. Не теряйте никого!

Вот так, как на пожар, в экстренном порядке. А говорили еще об одном десантировании. Что-то не получилось.

Взводы уселись по машинам, Сбитнев вызвал меня и отправил вместе с Бодуновым. Тот о чем-то хотел переговорить.

— Ну, что скажешь, Игорек? — спросил я, усаживаясь на башне.

— Такое дело, я полгода пулемет ношу, — начал издали прапорщик.

—носишь!

— Веду себя прилично?

— В принципе, нормально.

— А почему все командиры ГПВ — старшие прапорщики, а я — просто прапорщик?

— Игорек, честно скажу, пока нет мыслей на эту тему, — почесал я задумчиво затылок.

— Вот! А я хочу в отпуск поехать с лишней звездочкой. Я на Десне раньше служил, там старшего прапорщика получить — это событие всеенского масштаба, и звание давали только «жополизам».

— На Десне? О, я там в восемьдесят втором году на стажировке был. «Дурдом Ромашка» в лесных дебрях. Комдив был Павловский, да?

— Точно! Кличка — Бандит. Рассказываю анекдот, точнее байку. Но все это — чистая правда. Нашего комсомольца батальона Бугрима я хорошо помню и знаю, он в соседнем полку служил, может подтвердить достоверность этой истории. Так вот. Полковник Павловский был известная, как бы помягче и поточнее сказать... короче большая сволочь! Просто зверь красномордый. А когда буйствует, злится, то становится красным, как околыш у фуражки пехотинца. В нашем районе снимали какой-то фильм про красных, белых и зеленых, бандитов и чекистов. А у нас ведь глухомань, развлечений никаких, хотя и рядом Киев, восемьдесят километров всего. Офицеров за пределы гарнизона не выпускают, а членов семей могут выпустить только по письменным разрешениям. Автобус приезжает, а на КПП пропуска проверяют. И никуда не денешься, личного транспорта почти ни у кого нет. И на радость нам, страдальцам, лесным сидельцам, приезжает на творческую встречу артист Олялин. Рассказ о жизни, отрывки из фильмов, вопросы зрителей, в завершении кино. Все шло гладко и хорошо. Актер у микрофона, на сцене в президиуме комдив и начальник политотдела сидят, улыбаются, головами кивают, культурное мероприятие возглавляют!

Начинаются ответы на записки. Вот кто-то и спросил: «Какие творческие планы, где снимаетесь?» Олялин, не задумываясь, отвечает, что, мол, фильм такой-то, играю в нем одну из главных ролей — бандита Павловского. Раздался легкий смех. Зал забит до отказа, все проходы заполнены. Атмосфера становится напряженной, народ ждет, что будет дальше. Артист понял, что допустил ляпсус и замялся. Командир дивизии краснеет и закипает, начальник политотдела растерялся и не знает, что предпринять. Олялин решил уточнить и внести ясность: «Играю в фильме белогвардейца, бандюгу Павловского». Смех еще более усилился. Ну, он опять поправляется: бандита, полковника Павловского! Зрительный зал грохнул хохотом. Минут десять гомерический смех не смолкал, народ радовался от души. Павловский резко встал, багровый как закат солнца. Стул упал, стол отлетел далеко вперед. Он громко выругался, не глядя ни на кого, вышел из Дома офицеров. Тут же объявил построение дивизии, рвал и метал, а как орал, как орал! А вся дивизия — счастлива! В общем, фильм после выступления артиста смотрели только жены и дети,

а мы топтались на плацу. Но после этого самый последний солдат в гарнизоне знал кличку комдива — Белобандит.

Я смеялся долго и от души, до боли в животе. Комдив был и, правда, отменный хам и грубиян. Нашу группу курсантов-стажеров встретил с ходу матами и угрозами разогнать всех к чертовой матери. Народ в дивизии старался обходить его стороной, и если где-то территория обезлюдела, значит, там идет Павловский.

— Хорошо, Игорь, что-нибудь, придумаем будешь старшим прапором! — пообещал я.

* * *

После прохождения техники мимо Алихейля я вновь перебрался на машину к Марасканову. БМП была плотно облеплена пропыленными солдатами. Мое любимое место на башне свободно, и я улегся, положив ноги на пушку и накрыв лицо капюшоном. Клубящаяся пыль окутала ущелье, местные племена стояли вдоль дороги и напряженно вглядывались в наш гремящий и рычащий караван. Бронемашина, будто маленький корабль, медленно плыла в пыльной дымке, словно в тумане. Ногами на «ребристом» листе лежал и перекатывался с боку на бок Якубов-большой. Дубино дремал позади механика, в башне храпели Савченко и сержант Фадеев. По бортам, держась за автоматы, дремали с одной стороны Тетрадзе и Уразбаев, а с другой — Якубов-маленький и Свекольников. Марасканов ругался о чем-то с комбатом, но доказать свою правоту никак не мог.

— Что он хочет? — спросил я, наклоняясь к Игорю.

— Возмущается, что я его бросил и не охраняю.

— Как бросил, его в этом потоке искать все равно что иголку в стоге сена. Он где-то впереди «Градов» и «Ураганов», а мы сзади, попробуй их обгони, если эти «монстры» всю дорогу занимают.

— Подорожник вперед рванул, а я его ждал, не двигался, думал, он где-то рядом стоит.

— А зачем ему охрана? Там с ним две БМП связистов, да и он же не один как перст, а рядом идет целая армия, — удивился я.

— Вот придрался и все тут. Он давно меня невлюбил. Помнишь, еще на стрельбище я его перестрелял на двенадцать очков, а он себя первым снайпером считает в полку, — ответил старший лейтенант.

— Это когда на усы стреляли?

— Ну да.

— Помню, с тех пор уже я месяц усы не имею право носить.

Комбату надоели жидкие и жалкие усики отдельных командиров. Мои также попали в этот список. Василий Иванович объявил, что только

тот, кто отстреляет из АК-74, как он или лучше, может красоваться с этим предметом мужской гордости.

Я и Афоня набрали на двенадцать очков меньше, Ветишин бил еще хуже, Острогину, как безусому, было наплевать, но он показал одинаковый результат с Иванычем. Грымов на два очка меньше, а Арамов и Пыж на одно. Мелещенко, Луковкин выбили меньше пятидесяти... В итоге с усами остались Марасканов, Чичин и не стрелявший заменщик Айзенберг. Сбрили свои густые усы даже Артюхин и начштаба Шонин, на радость комбату.

— Откуда «комсомол» так хорошо стреляет? — поинтересовался тогда у Игоря майор Подорожник.

— Разрядник по полевой стрельбе в упражнении «бегущий кабан», — ответил Игорь.

— Ну! То есть, если запустить в поле Соловья или Берендея, результат будет еще выше? Все пули попадут в цель? — хмыкнул комбат.

— Так точно! В нашем училище огневая подготовка была на высоком уровне. Правда, Семен Николаевич? — обратился Марасканов за поддержкой к Лонгинову.

— Ты прав, Игорь, самое лучшее училище по стрельбе среди общевойсковых.

— Но-но, ленинградцы, не забываетесь! Вы говорите с выпускником Ташкентского училища, можем поспорить, правда, Арамов?

— Так точно! — ответил Бохадыр, преданно глядя в глаза шефу.

— Вот так-то, наше училище выпускает только орлов! Даже не пытайтесь убедить меня в превосходстве вашей болотной столицы над нами, нарветесь на неприятность, товарищ Марасканов.

С той поры Подорожник и заимел большой зуб на Игорешу, от зависти, наверное.

* * *

— Ну что вы ругаетесь? Что ему надо? Никак не успокоится! — возмутился я непрекращающейся перепалке.

— Ник, комбат пытается определить наше местонахождение, где и за кем идем. Говорю, впереди два наливняка, бензовоз, сзади два «кунга». Черт его знает, чья это техника.

— Орешь, совсем не даешь уснуть. Пойду-ка я в десант кемарить, может, удастся задремать.

— Не боишься подрыва? — задумчиво посмотрел на меня Игорь.

— Ну какой подрыв, если впереди ползут, как стадо слонов, и «Ураганы», и танки, и тягачи. Все будет нормально.

- А выстрел из гранатомета в борт?
- Нет, мне нагадали долгую жизнь. Не будет никакого выстрела. Радуйся, Игорь, что едешь со мной. Это значит, я помощник твоего ангела-хранителя. Довезу до самого Союза.
- Ох, сумасшедший! Псих! Если что-то случится, я за тебя отвечай потом, — возмутился Марасканов.
- Чего? Это ты за меня несешь ответственность? Я работаю на боевых за замполита батальона! Следовательно, за меня отвечает майор Подорожник. Так-то вот.
- Если Подорожник, то иди спи. Одна радость будет: от твоего ранения вдуют комбата, а не меня.
- Вот-вот. Сиди, жди и желай подрыва. В полночь можем поменяться местами, — предложил я.
- Пошел ты к черту. Не хочешь жить — рискуй.

* * *

С трудом заснул я в душной «жестяной коробке», а часа через три проснулся от раздавшегося недалеко взрыва. БМП притормозила, я попытался открыть десант изнутри, но ручка не поддавалась. Вот черт! Действительно, стальная ловушка. Сверху ящики и бойцы, верхний люк не открыть, а тут у заднего защелку заклинило. Я покричал, просунул руку сквозь щель между башней и десантным отделением и толкнул наводчика-оператора.

- Я вас слушаю, — откликнулся Савченко.
- Открой дверь, заклинило ручку, изнутри не получается.
- Да-да, сейчас, как только остановимся.

Мы все не останавливались, и я вновь задремал, да и Савченко, видимо, заснул.

Утреннее солнце внезапно брызнуло внутрь машины. Кошмарное неприятное пробуждение. Снилось что-то нехорошее, голова шумела, и меня качало так, что трудно было стоять на ногах.

— Черт побери! Оператор! Ты где? Почему раньше не открыл люк? — рывкнул я, покачиваясь на ватных ногах.

— Почему не открыл, почему не открыл. Ты радуйся, что своими ногами из машины выходишь. Смотри, что впереди творится, — закричал Игорь Марасканов.

Мы осторожно обошли свою «БМПешку», следующий за нами бензовоз оказался с оторванным колесом и волочащимся по земле задним мостом. Машину тащил на сцепке тягач, и вырванная ось вспахивала землю, словно плугом.

- Однако... — вздохнул я.

— Вот-вот! А могло бы и нам достаться. По какому борту мина «итальянка» била? — насмешливо спросил Игорь.

— По моей стороне. Ну что я тебе скажу, Игорек, повезло! Я же тебе говорил: жизнь у меня будет долгая, и мина эта точно была не наша, не мне предназначалась.

— Ты что фаталист?

— Нет, оптимист и реалист. Я уверен в своей счастливой звезде, мне не суждено сгинуть в этой «вонючей дыре».

— Может, за тебя подержаться, чтобы часть твоей удачи и счастья перешла на меня? — спросил Игорь.

— Ну подержись, нет, лучше я за тебя, а то ноги затекли и не гнутся.

— Товарищ старший лейтенант! Тут такое дело... Как бы это... Ну, вообще... — К нам подошел Дубино и смущенно стал переминаться с ноги на ногу, не зная, как начать доклад.

— Короче, Васька, что случилось? — перебил я его невнятное выступление.

— Тетрадзе потерял подствольник, — с тяжелым выдохом вымолвил, как рубанул, зам.комвзвод.

— С автоматом? — осторожно поинтересовался я.

— Та ни, с вещмешком.

— Уф-ф-ф... Немного лучше...

— А почему он был в мешке, а не на стволе? — зарычал шокированный Игорь.

— Не знаю. Я этой чурке гаварыл, ня клади, ня сымай. Урода хренова! — ответил сержант.

— Сюда его, быстро! — хрипло выдохнул Игорь и громко заматерился..

Соддат, понуро опустив голову, приблизился к нам, подталкиваемый сержантом, и молча встал, шмыгая носом.

— Тетрадзе, где подствольник? — спросил взводный.

— Не зналь. Я спаль, он упаль, машина качаль, был пыл, всюду пыл, нэ видана ничего.

— Пыл, был, упал. Идиот!!! Я же приказал: гранатометы не отстегивать! — закричал разъяренный Игорь.

— Тяжело, автомат тяжело... Она упал с машины.

— Кто она? — удивился теперь уже я.

— Мешок.

— А ты почему не упал? — спросил Марасканов.

— Я за автомат держаль... А вы хотель, чтоб я упаль?

— Хотел! Очень хотел! Лучше бы ты за вещмешок держался. Тетрадзе, ну почему ты служишь в моем взводе? Тупой, самый тупой! — простонал как от зубной боли Игорь.

— Я нэ тупой...

— Ты идиот! Ты самый тупой грузин, ты самый тупой из грузин в Грузии! Нет! Ты самый тупой в мире грузин!!! Даже не в мире, а во всей Вселенной самый тупой грузин! — прокричал Игорь.

Солдат удивленно и испуганно слушал эту тираду.

— И он говорит: я не тупой... Нет! Ну скажи, Тетрадзе, почему все более или менее нормальные настоящие грузины откупились от армии и дома сидят, а тебя призвали, да ты еще и в Афган попал. Да еще к нам в роту и в довершение всех бед в мой взвод? Тетрадзе, уйди с глаз моих долой. У-у!!! — завыл в бессильной злобе старший лейтенант.

На Марасканова было страшно глядеть. Вся боль и тоска отразились на его лице.

— Тебе плохо, Игорь? Что с тобой? — крикнул я и затормошил его плечи.

— Ничего, пройдет. Ох, и хреново же мне! Как говорится, пришла беда — отворяй ворота. Движок БМП стуканул, нога болит, а теперь еще и этот Тетрадзе. Убил бы собственными руками. Вот чертова контузия, грузинская, ходячая!

Комбат вышагивал вдоль строя роты, посылая проклятия на нас, бестолковых и безмозглых.

— Солдаты и сержанты свободны, остаться только командирам. Федорович, ты куда? — рявкнул Подорожник.

— Дык, ведь я не командир, я техник роты, — ответил техник.

— А именно про тебя отдельный разговор. Начнем с тебя. Вышло восемь машин, в строю осталось пять, это что — вредительство? Чем вы занимаетесь в полку?

— Почему пять, все восемь в строю. Все исправны.

— Как это исправны? У одной движок стуканул, у другой коробка, у третьей главный фрикцион. Что по шучьему велению исправилась?

— Нет, вот этими золотыми руками, с мозолями, исправлено, — и Тимоха протянул Иванычу черные с въевшимся маслом и мазутом костлявые ладони.

— И движок?

— Да, заменили. Так точно!

— Откуда он взялся?

— По старой дружбе в армейской мастерской достал. Начальник БТ службы армии был когда-то моим зампотехом батальона.

— Ну ладно, с тобой майор Ильичев разберется. Ты, Бодунов, тоже свободен, поговорим с офицерами.

Когда прапорщики отошли подальше, комбат, нервно шевеля усами, принялся орать и брызгать на нас слюной.

— Это развал, катастрофа! Что с ротой случилось? Во что вы ее превратили? Еще и подствольник потерян! Как это случилось?

— Этот болван, Тетрадзе, полгода сидел в полку дневальным после теплового удара, и вот взяли в рейд на свою голову! — попытался вступить за Игоря Сбитнев.

— Вы не способны управлять ротой! — рычал Подорожник прямо в лицо Сбитневу, от чего тот стал бледнее снега. — А воспитательная работа, замполит, запущена до предела. Разгоню всех к чертовой матери и бывших десантников и недесантников.

— А при чем здесь это? — попробовал возразить Игорь.

— Молчать! Бездельники! Убийцы! Вам людей доверить нельзя, вы же их всех угробите! Такую прекрасную роту загубили! Что происходит? Когда этот развал прекратится? Техник — пьяница, командиры взводов — бездельники, замполит — разгильдяй! — бесновался комбат.

— Кто пьяница? Вы меня ловили? — возмутился сизоносый Федарович, который отошел лишь на пять шагов в сторону и все время прислушивался.

От него и, правда, метра на три несло перегаром. Багровое лицо вызывало желание прикурить от него сигарету или зажечь спичку. Техник продолжал распалаться.

— С-с-свое дело я знаю отлично, я мастер! — начал заикаться от волнения Тимофей.

— В полку с тебя, мастер, и с других виновных за выведенный из строя двигатель высчитаем. Хватит в бирюльки играть, что ни технарь, то алкоголик, всех на суд чести отправлю!

Стоявший рядом зампотех батальона Ильичев нервно дышал в сторону и хмурился. Было заметно, что тема разговора ему совершенно не нравится, но он не перебивал Подорожника. Комбат же очень уважал этого старого майора и никогда не мешал его образу жизни.

— А за что высчитаете? У меня новый формуляр, все будет оформлено по закону, никаких претензий не будет со стороны бронетанковой службы. Агрегаты установлены, как родные. Какие начеты? Не будет никаких начетов, — продолжал кипятиться прапорщик.

— Разберемся в полку, идите, товарищ прапорщик. Все прапорщики свободны, уходите от греха подальше! Принимаемся за офицерский состав. Где подствольный гранатомет? Молчите? Почему он был в мешке? Почему на машине вашего взвода движок загублен? Работать надо! Это

все ваше комсомольское прошлое, товарищ Марасканов. Взводом командовать и воевать — это не на комсомольских собраниях болтать!

— Да что вы все тычете мне этим комсомолом? Я, между прочим, за время службы в десантной роте и спецназе пятнадцать «духов» завалил, а вы только и знаете — форма, порядок, комсомол... Привыкли тут к показухе!

— Что? Да я вас...! Да ты... Уф-ф-ф, — тяжело задышал, дергая усами, комбат. — Убийцы! Пятнадцать мирных дехкан убил! Один бывший десантник — спецназовец Тарчук — всех подряд стреляет, другой, тьфу ты черт, — плюнул комбат со злостью на землю... — Ужас! Я с вами еще разберусь! Ох, разберусь! Что творится на свете, как жить? У меня сыну десять лет, через восемь, предположим, ему идти в армию, закончит еще через четыре года училище, и к кому он попадет? Ростовцев — начальник политотдела? Грымов, Марасканов, Ветишин, Острогин — командиры полков? В эти руки я отдам своего сыночка? Загубить свою кровиночку?! Нет, ни за что! — рисуясь, воскликнул Василий Иванович.

Наше моральное уничтожение шло к завершению. Офицеры батальона сидели за обеденным столом походной кухни и покатывались со смеху. Бесплатный концерт, театр одного актера.

— Меня успокаивает только то, что есть приличные молодые офицеры, и я надеюсь, Арамов к этому времени уже будет комдивом, — рявкнул комбат и продолжил: — Третья рота! Вы только не обольщайтесь на свой счет! Если вместо Никифора на должности начпо окажется Мелещенко, это будет еще более худший вариант.

— Товарищ майор, а как вы оцениваете мои перспективы? — попытался пошутить Шерстнев.

— А твои, эксразведчик, перспективы еще хуже. С ужасом смотрю и на вас с Афоней, и на всю вторую, и на третью роту. Мальчишки, неумехи. Бедная наша армия. Что с ней будет? — продолжал охать и вздыхать Василий Иванович. — Обедать и к личному составу, приготовиться к маршу!

— Товарищ майор, — обратился я к комбату, двигаясь к кухне, — вот вы срамите нас, ругаете, позорите, но мы ведь не знаем, какая была у майора Подорожника молодость. Бурная — по кабакам и девочкам или вся в службе — полигоны, учения, занятия.

— Ну, ты нахал. Ты на мое лицо в глубоких морщинах и на седую голову в тридцать четыре года взгляни. Сразу все станет ясно!

— А что, водка, девочки, папиросы накладывают еще более сильный отпечаток, чем суровые служебные будни, а можно все совместить и делать хорошо одновременно, — попытался сгладить ситуацию шуткой Луковкин.

— Гы-гы, — хмыкнул Шерстнев.

— А ты, эксразведчик, лучше бы не смеялся в этот раз. Ну что ты собой представляешь как командир? Ни серьезности, ни требовательности, ни выучки нет. Кто разведзвод развалил, а? Не обижайся, но с мозгами тоже проблемы, не лезь в чужой разговор.

— Да я так, ничего, молчу!

— Правильно. Помалкивай и ступай к роте. Не зли меня! Теперь, что касается вас, первая рота. Считаю, что вы, Сбитнев, до роты еще не доросли, Ростовцевым и Острогиным я займусь после отпуска и гораздо плотнее, думаю, что-то сделать для их воспитания пока не поздно. Что касается Марасканова, то заменщика воспитывать — бесполезная трата времени. А насчет Ветишина, хм-хм, назначить, может, его командиром роты, как самого неиспорченного? Пусть воспитывает Острогина, Ростовцева и Бодунова?

— Интересная мысль, нестандартный ход, очень даже может быть получится. Кто еще не командовал первой ротой, — пробурчал я с сарказмом.

— Вы мне весь будущий отпуск испортили! С каким настроением я буду отдыхать? Разве можно батальон на полтора месяца оставить без моей отеческой опеки? Ох, хлопцы, беда с вами! Семен Николаевич, ты уж не подведи меня, не опозорь! Дай отдохнуть спокойно!

— Василий Иванович! Все будет хорошо! Положитесь на меня! — гаркнул Бронежилет, словно из пушки выстрелил.

— Тяжело тебе будет. Зампотех ни сегодня, так завтра заменится, Артюхин вечно болеет: малярия или простуда, а теперь язва желудка приключилась. Третий замполит с воспалением хитрости. Ростовцев, вас что уже в училище этому обучают?

— Не знаю, я выпускник другого училища. У Миколы спросите. Это его «бурса» — ответил я.

— О, Николай — крупный специалист по халтуре, думаю, что если выбирать из таких «специалистов» заместителя, то он — кандидат номер один. Куда ни кинь, всюду клин. Митрашу уехал, Жилин, Шведов и Луковкин вот-вот заменятся. На смену мальчишкам приходят совсем желторотые юнцы. Опять учи вас и учи. Я уже устал быть командиром и воспитателем в одном лице.

— А никто и не просит, — тихо прошептал Пыж. — Надоед!

Я встретился взглядом с ним и улыбнулся. Первый рейд, когда Николая не втаптывают в грязь, а наоборот, гладят по головке. Он же относится к этой ласке очень осторожно и с подозрением. Не привык.

* * *

Возвращение в Кабул отложили на сутки, дали возможность заправиться, обслужить технику, отдохнуть. Острогин лениво и с отвращением закидывал в себя пригоревшую кашу.

— Берендей, ты когда научишься готовить? — крикнул я и бросил ложку.

— Не нравится, не ешь, — буркнул прапорщик.

— Эй, милейший, не забывайся! Если ты носишь тушенку и жаркое в санитарку к комбату, это не значит, что можно грубить офицерам.

— Подумаешь, фон-барон нашелся. Жуй сухпай, если не устраивает работа полевой кухни. Готовим, как умеем.

— Я тебе сейчас твое толстое рыло помну! — заявил Сергей и вышел из-за стола. — Ты в горы хотя бы раз пойди, жопу разомни, брюхо растряси, а потом будешь тут высокомерно разговаривать с офицерами.

— Эй, старший лейтенант, успокойся, не то будешь иметь дело со мной, — подскочил к Острогину Соловей, тесня его толстым брюхом.

На шум к кухне зашел из санитарки зам. по тылу.

— Ого, «три толстяка»! — усмехнулся Афоня. — Ну, сейчас устроим корриду. — Жиртрест, успокойтесь, а то мы вам кости помнем и в котел засунем для навару.

— Вот тогда и поедем с удовольствием, — засмеялся я и потащил Серегу за руку подальше от Берендея. — Серега, не связывайся, все равно в дураках останемся, крайним будешь.

— Ресторан закрыт, раз не умеете себя вести. Соловей, выключай освещение! Только драки мне тут еще не хватало. От первой роты одни неприятности и шум.

— А ты бы лучше сел за стол и кашу вот эту съел. Жаркое все горазды жрать и не давиться. Для пятерых за счет всего батальона готовим? Уже по швам скоро треснете.

— Пошли вы все на х..., — рявкнул Головской. — Берендей, первую роту больше не кормить, выдать сухой паек.

— А третью роту? Я тоже желаю морду помять некоторым! — поднялся из-за стола и распрямился двухметровый Луковкин.

— И третью тоже не кормить!

— Правильно! Пусть питается комбат и прихлебатели, — поддержал бунт минометчик Прошкин.

Соловей выключил свет, и мы сразу остались в кромешной тьме.

— Черт, теперь свою броню не найдешь! Не заблудиться бы! Твою мать! — грязно выругался Афоня и упал, запнувшись за лавку. — Берендей, вруби свет, а не то, ей-ей, твой тыл будет «отметелен»!

— Допивайте чай и расходитесь, через пять минут отключу — распорядился Головской и побежал трусцой к комбату, наверное, закладывая.

В двух шагах от кухни было темно, хоть глаз выколи. Луна не вошла, чернота обволакивала нас со всех сторон, словно у природы закончились все краски, кроме черной.

— Черт, не сломать бы ногу! Почему я фонарик не взял? — возмущался Острогин, осторожно выбирая дорогу.

— Главное — в дерьмо не залезть, а то кроссовки не очистить.

«Гав! Р-р-р», — раздалось прямо возле моих ног, точнее выше колен, и одновременно клацнули крепкие клыки.

— Б...! — только и успел я вымолвить, высоко подпрыгнув и отскакивая назад. Собака, натянув цепь, рвалась и рычала, пытаясь достать до моего ценного хозяйства.

— Ни хрена себе собачка! — произнес Сергей. — Ненавижу овчарок, сожрет и не подавится. Чуть, Ник, яйца тебе эта скотина не оттяпала. Смотри, зубы как мясорубка, один фарш остался бы! Майонеза добавить — и деликатес готов!

— Овчарка — не самое страшное, вот боксер, это еще более смертельно. У меня в детстве боксерчик был, молоденький, так он трех овчарок порвал. Они, глупые, думают, если большие ростом, то сильнее, а он — малыш на холку прыгает и душит. Я вообще предпочитаю кошек: мягкая, мурлыкает и не лает.

— Уйди, уйди, скотина! Дай пройти, мы свои, собачка, хорошие, добрые, мы не кошки! — ласково попросил Серж. — Ты русский язык понимаешь или нет?

— Хрен с ней, пусть лает и глотку себе надрывает. Видишь, поводок крепкий, не сорвется, давай обойдем ее, — сказал я.

— Ну ладно, гавкай себе, миноискатель ходячий! Чего на нас взбелась, врагов нашла, гадина! Ду-у-ура! Чья это тварь интересно?

— Наверное, саперный батальон дивизии, а может, Чарикарский полк. Нам бы в каждую роту по такой псине!

* * *

Ну вот и путь-дорога обратно. Все те же сгоревшие остовы машин и танков, а рядом развалины кишлаков и отдельных хижин. Стеллы и памятники, словно напоминание об опасности, грозящей из-за каждого пригорка, из любого виноградника. И снова пыль, пыль, пыль. Сколько я уже ее пропустил сквозь свои легкие и выплюнул обратно.

Вот и Кабул! Снова улочки-закоулочки, трущобы, мальчишки с рогатками, «барбухайки», повозки — родные места.

Подорожник рычал на меня минут пятнадцать, и я думаю, в конце концов, он уже забыл причину из-за чего начал разнос. Он раскалялся и раскалялся. Усищи шевелились и подергивались в такт ругани. Ну, чего орать, я и сам все понимаю, а что делать, нет у меня другого х/б.

— Новые постиранные брюки кто-то спер из умывальника, а старые выцвели до белизны и стали короче сантиметров на десять. Да и каблуки

туфлей стоптались до подошвы, так ведь куплю, как только в магазине мой размер появится, — оправдывался я.

Вечером вернулись в полк, а утром строевой смотр. Опять же: тельняшка, а не майка почему? А потому, что так удобно. Кавун вообще носил цветную футболку, несмотря на запреты. Эх, Ваня, когда я к тебе попаду в гости?

— Товарищ майор, ну что вы из меня жилы тянете? Я скоро сбегу из батальона куда-нибудь! Надоел он уже мне вместе с вашим террором.

— Что? Я тебе сбегу, сопляк! Ох ты, батальон ему не нравится, устал он! Это я от вас устал. Этот батальон тебе за восемь месяцев орден сделал, в настоящего офицера превратил! Я тебе покажу, как разбрасываться коллективом! Иди и подумай над тем, что ты говоришь!

— А что за орден, о котором вы говорили, товарищ майор? — нахально поинтересовался я.

— Ордена пришли в дивизию, говорят, твоя фамилия в списке присутствует, вот так-то! А ты говоришь: комбат не нравится, устал!

— Василий Иванович, а Острогин и Кавун награждены?

— Всему свое время, я и так проболтался, сюрприз не получится теперь. Иди, работай.

Пропыленные, чихающие, со слезящимися глазами, я и Марасканов брели в казарму.

— Теперь комбат меня съест в сыром виде, без соли и перца. И зачем я ляпнул про пятнадцать «духов», думал сбить с него патетику, а получилось хуже некуда, — вздыхал с грустью Игорь.

— Да не переживай, скоро уже домой, не принимай близко к сердцу, пошел он к черту, — успокаивал его я, как мог. — А ты что, правда, столько «духов» грохнул?

— Ай, какие подсчеты, может, три, может, пять, я ведь первые полгода командиром взвода в «десантуре» был, пару раз в засады попадала рота, пару раз «духи» на нас нарывались. После моих очередей некоторые падали, а убил или ранил, хрен его знает. Пятнадцать — это для красивого словца, громко звучит.

— Теперь точно звучит. Еще как, теперь ты личный враг «Чапая», убийца и мародер. Он «десантуру» на дух не переносит, не знаю почему, может, где п...ей отвалили? Попал ты, Игорек, под горячую руку, а он хотел тебе наградной на орден после рейда оформить. Подорожник теперь умрет, но не пропустит представление, обязательно бумаги порвет.

— Вот черт, дернула меня нелегкая за язык.

— Не переживай, может, что-нибудь придумаем. Комбат на днях в отпуск уезжает, вот тогда и посмотрим, что предпринять.

На следующий день в полк приехали артисты столичного театра сатиры. Большой концерт подходил к завершению, когда «пани Моника» взяла со столика бумажку и произнесла:

— Эту песню я хочу исполнить в честь офицеров, награжденных орденами «Красная звезда»: Острогина, Ростовцева, Суркова. Встаньте, пожалуйста, ребята! Поздравляю вас от всей души!

Мы с Сержем встали, смущенные и красные, как вареные раки. Очень внезапно все произошло. Оказалось, нарочный привез сегодня пакет, вот командир полка и сделал приятный сюрприз.

Артистка спела еще пять песен, сплясала, поздравила других ребят, концерт плавно перешел в торжественное мероприятие по награждению. Командир полка всем вручил ордена, медали, а когда подошла моя очередь, «батя» сам прикрутил орден на х/б, крепко пожал руку, обнял, расцеловал и потрепал по плечу.

— Молодец, так держать!

— Служу Советскому Союзу!

— Всем награжденным фотографироваться, собраться у клуба! — командовал Мусалиев (он же в народе Муссолини).

Сергея гордо расправил плечи, сделал величественную осанку, но я пихнул его в бок.

— Острога, будь проще, меньше напыщенности.

— А сам-то как павлин-мавлин! Сияешь как новый медный пятак.

— Почему пятак? — поинтересовался я.

— Потому что на рубль не тянешь. Не мешай торжествовать и радоваться, может, больше такого события в моей жизни не будет, — огрызнулся Серж.

— Ага, как наградные на тебя за месяц переписывать четыре раза к ряду, так я, а как праздновать, тебе уже и не мешать!

— Ну хорошо, можешь присоединиться ко мне, но делай умное лицо. Если сумеешь, — улыбнулся Сергей.

— Я-то сумею, но вот ты сегодня сумеешь ли раздобыть водку и закуску?

— В девятнадцать часов? По двойной цене! Ты с ума сошел! — воскликнул взводный.

— Тогда беги в дукан у штаба армии или проси дежурную машину, там в два раза дешевле.

— Прекратите болтать, мешаєте фотографу! — рявкнул Ошуев.

— Уже прекратили, — эхом отозвались мы.

— Замечательно, все свободны, за фотографиями подходите к начальнику клуба через неделю, — распорядился замполит-2 Мусалиев.

— Поздравляю, мужики! От всей души! Но что за дела, у всех подчиненных ордена, а где мой орден? — возмутился Сбитнев.

— Награда еще найдет героя. За дырку в башке обязательно награждают. Вот если попадет в задницу, то правительство еще подумает, а выбитых шесть зубов того стоят, чтоб орден дать, — успокоил я командира.

— Хорошо, если так, спасибо, на добром слове, за это обеспечу закуску. Ник, пошли на продсклад, начальник склада со мной на Дальнем Востоке служил. А насчет зубов, ты представляешь, какая история, если бы еще один выбило, то комиссовали бы. Шесть снесло — служи, а семь — уже инвалид!

— Вот черт! Я бы тебе седьмой зуб там, в развалинах, расшатал и выдернул. Одним больше, одним меньше, — хмыкнул я в ответ.

— Себе выдерни, развыдергивался.

— Протезировали-то бесплатно? Челюсть золотая?

— Бесплатно, но не золотая, а с напылением. А за мучения во благо Отечества могли бы, конечно, герою войны и раскошелиться на золото, — вздохнул, скривившись от нехороших воспоминаний, Володя.

— А пить и жевать уже не больно? — поинтересовался Ветишин.

— Не больно, а водка особенно полезна, она только дезинфицирует раны старого воина, — улыбнулся ротный.

Мы подошли к закрытому складу-ангару, и Володя принялся тарабанивать в дверь и орать:

— Кладовщик! Васька! Отвори ворота, пройдоха. Чем быстрее откроешь, тем меньше возьмем.

Дверь с неприятным скрипом открылась, и на пороге появился прапорщик в расстегнутой гимнастерке, почесывающий большой, толстый живот.

— Привет. Чего такой потный? — усмехнулся Володя. — Коробки с тушенкой прячешь по углам?

— От таких, как ты спрячешь! Здорово, брат! Давно вернулся? Болтали, что тебе полголовенки снесло, а у тебя все на месте. Может, другую голову снесло, что между ног? — и они принялись сжимать друг друга в объятиях.

— Нет, та цела, все нормально, два месяца дома проверял на прочность и эластичность, — хмыкнул ротный.

— Эластично? — заржали я и Ветишин.

— Да, только вот приходилось все делать по ночам, потому что скобы стояли на челюстях, и мое лицо было постоянно со страшным звериным оскалом. Ужас! Мы чего к тебе пришли, дело у нас, неотложное, — Сбитнев начал продвигаться вглубь склада, тесня Василия.

— А ко мне просто так поболтать не ходят, всем что-то нужно. Корыстные вы, — ответил прапорщик, пытаясь сопротивляться и не пустить нас вовнутрь.

— Васька, ты из себя ангела бескорыстного не строй. Ник и Острогин ордена получили, закусить нечем. Паек в рейде съели, а старшина должность сдает, все выпил, гад, и сожрал.

— Идите к Берендею, он остатки не сдал еще, а я никому ничем не обязан.

— К Берендею нельзя, мы ему и Соловью чуть физиономию в Гардесе не намяли. Они сейчас в обиде — ничего не дадут.

— Правильно сделают, не плюйте в колодец, где водицы еще пригодится напиток. Ладно, заходите, так и быть, чего-нибудь соберем, — прекратил сопротивление и смиловился кладовщик.

В ангаре стоял полумрак и только у стойки с документами светила ночная лампа. Возле нее скакала в тельняшке и с ошейником на шее небольшая обезьяна, привязанная цепочкой к стене.

– Это что за чучело? – удивился я.

– Сам ты чучело. Это Аркашка! Макак! Настоящий мужик! На, сволочь, успокойся, – и Василий засунул окурочек в пасть животному.

Обезьяна судорожно сделала две затяжки, быстро успокоилась и принялась курить с наслаждением, что-то по-своему бормоча себе под нос.

– Ни х... себе, – крикнул Ветишин.

– Это что, сейчас спектакль будет, специально для вас. Аркадий Михайч, пить будешь? – поинтересовался прапорщик.

– Угу-уху, – запрыгало и заверещало, обрадовавшись, животное.

– Вот ведь, скотина, все понимает, водку обожает больше, чем фрукты, а коньяк почему-то не любит, не пьет, – заулыбался Васька и погладил зверя по голове.

– Откуда он у тебя? – спросил Володя.

– Полгода назад разведчики привезли из Джелалабада. Поначалу трескал только апельсины, яблоки и бананы, а теперь все подряд, голод не тетка, где я ему бананов наберу. Пьяница стал ужасный. Если выпиваем и ему не наливаем, драться лезет, а как напьется, песни свои горланит. Курить научился, окурки ворует.

– Прямо как человек, наверное, Дарвин был прав, мы с обезьянами имеем общего предка, – засмеялся Володя.

– А почему Аркаша? – удивленно поинтересовался я. – Что-то очень знакомое имя, есть ассоциации с кем-то.

– Так ведь начпо Севастьянов Аркадий Михайлович! Он как-то проверять склад заявился, увидел его и гладить полез. Аркадий этого не любит, тяпнул за палец. Начальник спрашивает: как зовут? Я ляпнул, что Аркаша, и чуть язык не проглотил. Шеф сморщился: как- как, почему так назвали? Не понравилось... Мы стали его убеждать, что не Аркаша, а Алкаша. Созвучно, мол, слышалось. Все равно не понравилось полковнику. В итоге объявил выговор за курение в помещении на рабочем месте, говорит, что какой-то приказ был Министра обороны пару лет назад.

– Инфаркт не хватил моего шефа, когда макак за палец укусил? – спросил я.

– Вроде живехонький уехал, да еще коробку тушенки и стуженки с собой прихватил. Но выговор записал в карточку. Ребята, давайте бахнем по сто грамм за вашу удачу, за твое, Вовка, возвращение!

Василий разлил по французским стаканам спирт, достал банку огурцов и произнес:

– За замену! Чтоб вернуться всем живыми!

– Вздрогнули! – выдохнул Вовка и громко крикнул. – Чего даешь на закуску?

— Банку тушенки, банку килек и банку лосося, сало в банках, огурцов вон в бочке набирайте и пару банок салатов.

— Вот так да? Начальству целую коробку, а нам по банке... Не густо, на десять ртов.

— Всем давать, так на халяву весь полк сбежится, мне что прикажете, склад настезь распахнуть? Скромнее будьте. Меньше ешьте, больше пейте, скорее свалитесь, тогда точно на всех хватит. Сейчас еще кто-то от комбата Папанова должен подойти, он тоже «Звезду» получил, и Скворцов танкист звонил. Бери, что дают, и уносите ноги. Считаю до трех.

В этот момент обезьяна допила из чьего-то стакана остатки спирта и пришла в необычайное возбуждение. Она принялась швырять вилки, стаканы, перевернула пепельницу.

— Аркашка, скотина, алкаш проклятый, пошел вон, — заорал прапорщик и дал макаку звучную затрещину.

Макак обиделся, заскочил на жердочку и принялся оттуда плевать, корчить рожи и пронзительно орать.

— Заткнись, скотина, больше не налью! — рявкнул Василий и кинул обезьяне банан.

Тот схватил его и моментально сжевал.

— Больше корми зверя, а то, не закусывая, сдохнет, — сказал на прощание Володя. — До свидания, Василий, пока, Аркаша!

— Уа-ха-ха! — заверещал зверь и бросил в нас от избытка чувств пустую банку.

* * *

Три бутылки водки и бутылка коньяка, купленные по дешевке по двадцать чеков в дукане, быстро подняли настроение. На огонек заглянул Бронежилет, оставшийся за убывшего в отпуск комбата. Лонгинов плавно перемещался по всем ротам. В третьей был его кабинет, и он начал движение оттуда. Там орден отмечал старшина, а во второй — взводный. Теперь добрался, наконец, и до нас. Язык у него уже сильно заплетался, щеки пылали, но держался зам. комбата еще довольно бодро.

— Товарищи офицеры, хочу поздравить в-вас от себя лично, от лица комбата и лиц у-управления батальона, в-вообщем, от всех нас вас! — выдал он многосложную фразу.

— Ура! — радостно прокричал Ветишин и полез обнимать нас с Острогиным.

— Серезжка, оставь свои телячьи нежности для женского модуля! — отстранился Острогин. — Тебе, по-моему, пора отчаливать, ступай, а то совсем налижешься и будешь не боеготовен.

— А вам не пора составить мне компанию туда? — засмеялся Ветишин.

— Нам не пора, мы еще не готовы, — ухмыльнулся Острогин. — Да и вообще, я завтра вас покину, к морю Черному отправляюсь, там сами девки в очередь ко мне будут стоять и за бесплатно.

— А я? Когда же поеду отдыхать? — вопросительно посмотрел я на ротного.

— Понимаешь, Никифор, комбат приказал оставить максимум офицеров, мы ведь на полтора месяца уходим в сторону Файзабада, это почти к границе с Таджикистаном. А у нас уже отдыхать отправляются Острогин и Грымов, они все ж на месяц раньше тебя прибыли в Афган. Марасканов останется заменщика ждать, с кем мне идти в горы? С одним офицером? Два взвода мне и один Ветишину?

— А после Файзабада отпустишь? — уточнил я.

— Обязательно! Август будет твой. Замолчали все! Третий тост! — произнес Сбитнев, мы встали и молча выпили за павших в боях.

Лонгинов после этого распрощался, призвав к умеренности, и удалился.

— Теперь, парни, предлагаю тост за коллектив, за бойцов, которые пашут, как в поле трактора, и в принципе у нас отличная рота! — произнес я, и все залпом выпили.

Курящие закурили, некурящие закашляли, понеслась музыка из магнитофона и началась неофициальная часть с байками и анекдотами. За сдвинутыми в бытовке столами сидели уже не только офицеры роты — Сбитнев, Острогин, Ветишин, Марасканов, зашли на огонек разведчик Пыж и связист Хмурцев. Плечом к плечу теснились рядышком оба старшины (старый Гога и новый Резван Халитов), технарь Федарович и крепыш Бодунов. Отличная подобралась компания.

— Как один из виновников торжества беру бразды правления в свои руки, и первая байка моя! Всем тихо! Прекратите орать! Слушайте! Острогин, что у тебя в служебной карточке? — спросил я Сергея. — Помнишь свой послужной список?

— Пять выговоров и один строгий выговор и все от комбата и Грымова.

— Молодец! А поощрения? — продолжил я допрос.

— Одно. Орден! Но это не поощрение ведь, а награда Родины! — ответил Серж.

— Точно! У меня ситуация аналогичная, четыре взыскания, из них одно «за попытку срыва партийной конференции» от секретаря парткомиссии.

— Ни хрена себе! — удивился Марасканов. — Как это умудрился? Клуб поджег?

— Да так, чепуха! А еще в тетради у комбата пять или шесть резервных, не перенесенных в карточку. И ни одного поощрения.

— Выпьем за орденосцев — расп...ев! Таких золотых мужиков сгноить пытаются, — рассмеялся Сбитнев. — Может, теперь в вас нормальных офицеров разглядят.

— Вообще, к каждому можно подойти предвзято и растоптать, — усмехнулся Бодунов. — Вот объявил меня комбат пьяницей, и, хотя я уже два месяца не пью, он мнение свое не меняет.

— Два месяца? Ты бы еще сказал, что два дня назад бросил, — саркастически улыбнулся ротный.

— Ребята, наши проступки — это чепуха, семечки. Слушайте о том, что на днях узнал в штабе, когда помощником дежурного по полку стоял, — начал я свой рассказ.

— Тихо! Слушать рассказ замполита, — прекратил застольный шум ротный.

— Кто помнит прошлогоднюю историю о том, как штабные перепутали покойников? — поинтересовался я. — Не слышали? Ну, дайте! Дело было так. Служили два узбека в третьем батальоне в одной роте, по фамилии, ну скажем, Эргашев, оба рядовые. Однофамильцы. Обоих звали, предположим, Мурат, но отчества имели разные. Одного по папе именовали Махмудович, а другого Махамедович. Из одной области Узбекистана. Но служили парни на разных заставах, в разных взводах. И вот случилась беда: подорвался один на фугасе. В полк сообщили, но связь как всегда плохая, не поймешь какое отчество. Вот капитан Шалавин взял штатно-должностную книгу полка и двинулся по списку, натывается на одного из Эргашевых, и принимаются оформлять на этого Мурата «груз-200» по этому адресу. Тело истерзано, поэтому «цинк» закрытый, без отверстия у лица. Сопровождающий привез гроб согласно предписанию. Все чин по чину: военкоматовцы, почетный караул, салют, оркестр, венки, цветы, представители власти, родственники. Мать убивалась, сестры рыдали. Оба бойца были старослужащие, а дембеля обычно перед увольнением письма не пишут.

Вообщем, приезжает наш похороненный Эргашев неожиданно-негаданно жив-здоров, а от него все шарахаются. Покойник воскрес! Чудо, святой объявился, или это злые духи его из земли подняли. Шайтан! Родственники в драку лезут, за топоры и мотыги хватаются. Солдат плачет, клянется, что не умирал никогда, мол, произошла какая-то ошибка.

Родственники в шоке, местное партийное начальство сообщает в ЦК Узбекистана, те в ЦК КПСС. Прилетает в марте комиссия в полк, а разбираться-то не с кем. За командира полка тогда был подполковник Петряник, он уже заменился, замполиты и начальник штаба, комбат — все новые, строевиком уже капитан Боченкин. Командир роты в госпита-

ле лежит раненый, вот замполит роты больше всех и пострадал — служебное несоответствие получил. А за что? Во всем штаб виноват! Они ведь на дороге стояли и ничего не знали, что гроб не по адресу уехал. Разгромный приказ все же комиссия составила, наказали всех подряд, штатные книги просмотрели, наградные проверили. Того живого Эргашева ведь посмертно орденом «Красной звезды» наградили. Пришлось наградить посмертно орденом и второго.

Потихоньку тело перезахоронили уже по правильному адресу, в другой район вывезли. Тут-то горе пришло в другую семью. И закрутился скандал по второму кругу. Письма в ЦК, в Правительство, через месяц, в апреле, новая комиссия, в этот раз и штабу дивизии досталось. А в дивизии и комдив сменился, и начпо новый, и начальник штаба только прибыл из Союза.

— А я-то думаю, чего это в третий раз за месяц штатную книгу ротную переделывают, — ухмыльнулся Марасканов. — Оказывается, сверка идет по всей дивизии, не ошиблись ли еще с каким-нибудь погибшим.

— У нас, слава богу, с июля прошлого года ни одного погибшего в роте. Обходит стороной костлявая с косой. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Выпьем же за то, чтобы так было и дальше, — предложил Острогин.

— Стоя, выпьем, стоя, — пьяно гаркнул Бодунов. — За продолжение полосы везения!

Встали, выпили, сели, и курящие задымили.

— Старшина, ты когда должность передашь? Что-то вы притихли в уголке, молчите, не докладываете, — поинтересовался Сбитнев.

— Почти все готово, осталась пара дней, дорогой, — заверещал Веронян.

— Гога, много украд-продал или нет? — ухмыльнулся я.

— Ай, замполит, обижаешь как всегда и ни за что! Кто тебя в каптерке пригрел, кофеем по-турецки поил? А? Молчишь? Нечего сказать?

— Ты, Веронян, ты! Но кто нам ЧП с п...измом чуть было не организовал? Опять же ты, Гога.

— Ай, ну что ты все вспоминаешь ерунду какую-то, да и неправда это! И при чем тут я?

— А при том! Кто Бадаляна каптером устроил? Кто Армению в миниатюре тут создал? Теперь вместо Бадаляна Васинян с тряпками бегает. Армянское братство, — с сарказмом произнес я.

— А чем плох Васинян?

— Ничем. Хороший солдат, в меру наглый, трудолюбивый. Знаешь, Гога, почему лично я не возражал против него?

— Нет, не знаю.

— А он в «зеленке» как-то с четырьмя узбеками один схватился. Исаков, Алимов, Тактагулов и Каримов со всех сторон на него наседают, а

Васинян не сдается, отбивается. Я из дома на шум выхожу, гляжу, а «ара» во дворе к дереву прислонился, пыхтит, потеет и пулеметом отмахивается от них. Схватился за ствол и лупит их прикладом куда попало: Исакову по хребту, Алимову по башке. Они ему: «Убьем «ара», а он им: «Я вас самих, «чурки», перестреляю».

Ну я подскочил, пинка Исакову, Тактогулову по яйцам, Васинян обрадовался поддержке и пинать лежащего Алимова. Пришлось моему разбушевавшемуся Ашоту оплеуху и пинка за компанию дать.

— За что? Один, как лев, с четырьмя шакалами бился! Он мне жаловался на тебя, — возмутился Веронян.

— Для профилактики.

— А, что за пида...изм был в каптерке? — поинтересовался Марасканов.

— Игорь, это давняя и неприятная история. Ее замяли за недоказанностью. Слово одного сержанта против слова другого сержанта. Сержант Плахов остался дежурным по роте, когда мы в «зеленку» за украденными бойцами из второго батальона пошли. Постреляли по кишлаку, убитых нам вернули, возвращаемся, а тут в части переполох. Плахов поздно вечером в особый отдел прибежал и говорит, что его склоняет к сожительству Бадалян. Бадалян дембель, а Плахов полтора года прослужил. Привели их к Петрянику, тот Бадаляна избил и на «губу» посадил, а Плахова в санчасти вначале, а затем в медсанбате от других полковых армян спрятали.

— Правильно! Полгода по госпиталям прячется и в роте не показывается! А может, он все специально выдумал, сачок? — воскликнул старшина.

— Если бы он все выдумал, то заодно на тебя, Гога, показал и групповуху бы вам приписал! — ответил я.

— Вечно у вас армяне — «жопники»! Опорочили всю нацию эти замполиты! — разозлился старшина.

— Почему замполиты? Особист и командир полка лупили Бадаляна, а Подорожник на два месяца на гауптвахту в комнату допросов пленных определил. Если бы не захваченный караван с опиумом, мешки туда под охрану нужно было сложить, то на дембель из этой камеры бы поехал твой земляк, — ответил я.

— Врачи ведь проверяли! Все у Плахова цело, не повреждено. Не было ничего, — возразил прапорщик.

— А ты хотел, чтобы у него что-то порвали? Заднюю девственную плевру? Ха-ха, — заржал громко Сбитнев.

— Ну, что вы, в самом деле, издеваетесь, я не это совсем имел в виду. Ай, говорить невозможно серьезно. Склонял он его или не склонял, заставлял или не заставлял — расследования не было! — ответил старшина.

— Если расследование провели бы, то Бадалян сел бы в дисбат, а тебя, старшина, за бесконтрольность с должности вышвырнули бы и из армии бы уволили, — воскликнул я.

— Хватит, ребята, о Бадаляне, а? — тяжело вздохнул Гога.

— Хорошо, давайте расскажу историю, где согласия никто и ни у кого не спрашивал, — приступил к своему рассказу Пыж. — Весной прошлого года украли бойца из соседнего полка с заставы на Баграмской дороге. Вышел солдат к «барбухайке», проезжавшей мимо, остановил ее и попросил закурить, а затем спросил «чарз» (наркотик), предложил поменять его на две пачки патронов. В машине оказались «духи», они ему по черепу и в кузов, под кучу тряпок. Завезли в кишлак, оттуда в горы, в банду. Фамилию его сейчас не помню, Исаков, Петров или Сидоров — не важно. Важно, что досталось «бойчине» по полной программе. Банда человек двадцать, он у них днем носильщиком работал, мешки с едой, боеприпасы таскал. Вечером наркотиками его «наширяют» и в удобную позу: всех желающих в банде удовлетворять. Баб у них нет, женщины все по домам, проституток нет. Вот он их и выручал полгода. Педики — гомосеки проклятые! Это у «духов» запросто.

— Не может быть! Не врешь? — искренне удивился Ветишин.

— Чистая правда. Я со своим взводом в ноябре ездил за ним, обменивать на пленных. Собрали всех наших разведчиков на операцию. Отпустили десять «духов» и в придачу полмиллиона афгани за него дали. Ох, и задница у бойца стала, врачи ужаснулись. Мятажники его подкармливали, чтоб выносливым был во всех вопросах. И днем и ночью. Когда нам пленного передали, то это был уже законченный дебил. Совсем дурной от лошадиных доз наркоты, совсем ничего не соображающий. Инвалид. Особисты его схватили и в разведывательный центр увезли.

— Что за кайф «духам» от мужика? — удивился Ветишин. — Лучше и прекраснее женщины на свете нет ничего!

— Ай, маладой щ-щ-щеловек, пидарастешь, поймешь, как говорят джигиты! — воскликнул, подняв указательный палец над головой, Сбитнев и расхохотался.

— Мужики, я тоже от этой темы пострадал! — нахмурился Марасканов. — У нас повар повара топором рубанул по башке, за одно только предложение такой любви! Так же начал к парню младшего призыва приставать: давай да давай! Будешь жить, как король, никто не обидит, а я тебя буду защищать. Поваренок ходил угрюмо, что-то себе думал, а затем обухом металлического топора для рубки мяса сзади по голове как долбанет! Прикрыл его белым поварским халатом и ушел бродить по территории бригады. Дежурный смотрит: повар спит на полу, пнул слегка, а тот и не шевелится, сдернул халатик, а там лужа крови вокруг головы!

Одного в госпиталь, в реанимацию, другого на гауптвахту, а затем в психушку. Педик ожил, очнулся и говорит, что ничего не помнит, отказывается от всего. Чем все закончилось, не знаю, я уже к вам уехал.

— Да, дела! Армию от этого могут спасти только публичные дома. Как в старину, за войсками двигаются бордели, а в обозе молодые и красивые маркитантки, — улыбнулся, показав покалеченную челюсть, Сбитнев.

— Циник ты, Вова, — сказал я.

— Не циник, а старый солдат, забывший о любви!

— Выпьем, чтоб с нами такого никогда не случилось, ненавижу я этих голубых! — рявкнул новый тост Бодунов.

— Это все, еще на раз и надо бежать в лавку. А точки давно закрыты, — вздохнул, заглянув на опустевшую посуду, Хмурцев. — Хорошо сидим в первый раз за полгода, может, продолжим?

— Можно, конечно, но как мы будем завтра выглядеть, — вздохнул Сбитнев. — Орденоносцам простят, а нам? Эх, сейчас только в двух местах в стране пить разрешают много и регулярно.

— Это где же? — удивился я.

— В Чернобыле и на атомных подводных лодках вино регулярно дают. Уж в зоне аварии сам бог велел, — вздохнул Володя. — Вы сбрасывались деньгами на ликвидацию последствий?

— Да, после Дня Победы объявили в обстановке секретности о катастрофе. Собрали со всех по пятьдесят чеков и рублей по сто, — ответил я. — Не хотел бы я там оказаться. Сколько ни пей, а яйца все равно фонить и звенеть будут. Какой ты после этого мужик!

— Сочувствую тем, кто там работает. Давайте за них и расходимся спать, — распорядился командир роты.

* * *

Мы готовились к новому рейду, а заменщика Марасканова в последний раз поставили начальником караула.

— Ну, Игорь, ходить тебе начкаром, пока замена не приедет, — усмехнулся я на разводе наряда.

— Посмеиваешься надо мной? — спросил он.

— Нет, завидую. По-хорошему завидую тебе.

— Приезжай в гости, обязательно! В отпуск поедешь и заскакивай. Днем — музеи, вечером — кабаки, оторвемся на всю катушку!

— Ловлю на слове! Договорились.

Пока Игорь «тянул лямку» в карауле и ничего не знал, к нему прибыл сменщик. Он с трудом втащил в казарму огромный потертый чемодан, раздувшийся во все стороны, со сломанными замками и связанный веревками, чтоб не рассыпался.

— Лейтенант Александр Мандресов. Прибыл для дальнейшего прохождения службы, товарищ, старший лейтенант! — представился он ротному.

— Шо, хохол, что ли, Манресо? — спросил Сбитнев.

— Нет, грек. Не Манресо, а Мандресов, — поправил он ротного.

— Грек, греческий или российский? — поинтересовался я.

— Осетинский. Из Орджоникидзе.

— О, Саня, я тоже это училище заканчивал! — воскликнул Ветишин. Почти земляки! Ты какого года выпуска? Я — восемьдесят пятого.

— А я — восемьдесят четвертого.

— Хватит щенячьих восторгов, земляки. Сегодня и завтра принимаешь взвод, и послезавтра уходим на боевые действия за Саланг в район Файзабада. Повезло: с корабля на бал, — ухмыльнулся Володя.

— Дарю тебе, Сашка, маскхалат. От щедрот души. А то поедешь в своем повседневном кителе, — ухмыльнулся я.

Смена караула задерживалась. Уже прошли лишние три часа.

— Что там случилось, не пойму? — злился Володя. — Кто их меняет?

— Ремонтная рота.

— Вот козлы, и без того времени в обрез, а люди не готовы к завтрашнему строевому смотру. Позвони, Ник, узнай в чем дело!

Я вышел в коридор к телефону, и тут к казарме прибыл караул.

Ворвавшиеся в оружейку Марасканов и Муталибов были свирепы, как львы. Ну что ж, вопрос с поисками пропавшего караула снят. Я вернулся за стол к бумажкам. Писанины на неделю, а показать нужно завтра.

Планы работы на подготовительный период и во время рейда, да еще по этапам. Конспекты, отчеты, партийная, комсомольская работа... Какие собрания, когда всего пять дней между рейдами. Самое главное — это наградные на мужиков оформить, поэтому я заполняю свои тетради и параллельно двум писарям диктую текст представлений к орденам и медалям. Фразу одному, фразу другому, лишь бы не перепутать, кому и что диктовать.

— Володя! — обратился я к командиру. — Давай оформим наградой на орден «Красной звезды» Марасканову. Боевой мужик, не повезло с этим дурацким начпо бригады спецназа, остался ни с чем. Пять рейдов прошел с нами, в принципе, имеем право, давай за Алихейль сделаем.

— А как быть с Подорожником, комбат, я понял, давно сильную неприязнь испытывает к нему?

— Да к кому он ее не испытывает, только к «стюардессе» и к Арамову благоволит и то потому, что с ним одно училище закончили.

— Ха! Я тоже Ташкентское закончил, но любви и доброты не замечал.

— Как же, а кто тебя на роту поставил? Понятно теперь, откуда протекция! Я думал в свое время, что Лука будет ротой командовать.

— Вот еще! «Чапай» не любит никого выше себя ростом, а Лука вытянулся как каланча. Я же маленький, но удаленький.

— Василий Иванович в отпуск уехал, а Лонгинов препятствовать не станет, они с Игорем в дружбе, земляки-ленинградцы, — продолжал я уговаривать.

— Ну, если ты ходатайствуешь и все сделаешь, то валяй. Пиши, ходи, подписывай, пробивай, у тебя это получится. А мой наградной оформил правильно? Много раз переделывал?

— Я и палец об палец не ударил, тебе все разбитая челюсть протолкнула, прошло по ранению, без сучка и без задоринки.

— Эх! Челюсть, ты моя «краснозвездная!» — пропел Володя, почесывая щеку.

— Что случилось, Игорь? — спросил я вошедшего взводного, у которого от злости было лицо пепельного цвета.

— Представляете, во время смены караула пришел Ошуев и принялся орать, что нет порядка. Потребовал описать недостатков, а этим недостаткам полгода уже. Ну и что же вы думаете, он наковырял? Нет термометра, разбито стекло, сломана форточка, порван линолеум. Составил акт, начет будет сделан. Обсчитали — рублей пятьдесят получится с кратностью. Ну и армия! Воюешь, а с тебя же еще и высчитывают!

— Это был дембельский аккорд! Вот лейтенант Мандресов прибыл тебе на смену, собирай монетки, сдавай взвод, плюй на начеты и на всех начальников. Домой! — ободряюще улыбнулся Сбитнев.

— А я тебе бумаги на орден оформляю, с тебя пузырь! — ухмыльнулся я.

— В Ленинграде, когда получу, тогда и поставлю!

— Заметано! — подытожил я, и мы ударили по рукам.

* * *

— Семен Николаевич! — обратился я к Лонгинову. — Подпишите представление к ордену на Марасканова.

— А почему не к комбату несешь? — удивился Лонгинов.

— Но вы же за него остались. Он через час уезжает. Комбат сказал, что его уже нет в полку, он в пути домой, только со «стюардессы» слезет и сразу на аэродром.

— Будем считать, что сегодня — это завтра, хорошо? — спросил утвердительно Бронежилет. — Подписываю завтрашним числом и неси в строевую часть, завтра в шесть утра отчаливаем. А успеешь оформить? Да еще подпиши у Ошуева: он остался исполнять обязанности командира полка. Филатов с сегодняшнего дня тоже в отпуске.

— Черт! Жалко, что «кэп» убыл, с ним проще было бы. Хорошо всем — одни отпускники! А я с февраля никак не уеду.

— Хитрюга! Да ты все время тянул резину до лета, а теперь вместо тебя Грымов и Острогин отдохнут.

— Ничего, август будет мой, — успокоил я сам себя.

Я проскользнул к кабинету Ошуева и стал ждать начальство. Когда он появился, я подскочил к нему с протянутым наградным.

Герой взглянул на бумаги и молча вернул, не подписывая.

— Товарищ майор, человек два года добросовестно служил в Алихейле, в Баграмке был. Лонгинов прочел и утвердил.

— А в караульном помещении, знаете, какой бардак был вчера?

— Но ведь эти недостатки полгода переходят по списку, он то при чем? Тем более, деньги удержат, два раза за одно и то же не наказывают. Да и орден не за караульную службу, а за боевые дают.

— Что-то не вижу логики, ну, ладно, сегодня у меня хорошее настроение, подпишу. Завтра такого шанса у тебя уже не будет. Шагай в роту, «Фурманов»! Как вы без Василия Ивановича справитесь? Не загубите батальон? Кто замполитом батальона выходит в рейд? Артюхин ведь еще болеет малярией?

— Я и за себя и за того парня! Как обычно в этих случаях, — ответил я.

— Ну-ну, дерзай, — похлопал по плечу меня Ошуев и ушел, на ходу продолжая чтение своих бумаг.

* * *

Куда нас черти несут? Надо по карте поглядеть: где это? Мама родная, маршрут через всю эту многострадальную страну! Так далеко от полка нас еще не заносило.

— Игорь, как ты считаешь, встретимся когда-нибудь после войны? — спросил я, провожая к автобусу Марасканова.

— Не знаю, что сказать, думаю, еще встретимся, главное — не потеряй адрес. — Он крепко пожал мне руку и обнял на прощание, и я побежал на плац в батальонный строй.

Это надо же было придумать такое: вчера был последний строевой смотр, а сегодня прибыла комиссия из Ставки Южного направления. Сытые, одетые в новенькое х/б, холеные, пузатые полковники, скучающе ходили вдоль строя и задавали разные нелепые вопросы, отдавали распоряжения, взаимно исключаящие друг друга. Ко мне обратился высокий седой полковник:

— Вы кто, офицер? — Оно и понятно, на маскхалате нет погон и знаков различий, нет и звездочек.

— Так точно, лейтенант Ростовцев, замполит первой роты.

— Я старший офицер службы ракетно-артиллерийского вооружения. Доложите, сколько в мешках у солдат боеприпасов, сколько гранат?

— В каждом рюкзаке мешочек по шестьсот патронов и четыре гранаты. Еще по четыре магазина в лифчике или подсумке.

— Мало, должно ведь быть не менее тысячи? Почему не все берете, как положено?

— Так ведь еще четыре мины привязываем для миномета, «муха» каждому, лента к гранатомету или «Утесу», еще воду и продукты куда-то положить нужно, и все это в гору вынести.

— Ну и что вы этим хотите мне сказать?

— А то, что есть предел сил человеческих. На бойцах еще каска и бронежилет, а они каждый второй — доходяга полуголодный.

— Вот паек и вода в мешке меня не интересуют, а патронов приказываю досыпать до тысячи! Можете, если тяжело, одну-две фляжки воды оставить и не нести! Что стоите? Выполняйте! — проявил настойчивость штабной офицер, видя, что я не тороплюсь исполнять приказ.

— Муталибов, ступай в ружкомнату, неси ящик патронов, будем набивать мешки, — прикрикнул я на сержанта и хитро подмигнул ему.

Только отошел этот начальник, как подошел другой и молча уставился на меня. Я сразу доложил:

— Лейтенант Ростовцев.

Пухлый, губастый полковник ткнул пальцем в чей-то дырявый вещмешок:

— Почему рваный мешок, почему сплошные дырки, сколько им лет?

— Свекольников, ты давно мешок получил? — спросил я у солдата.

— Полгода, товарищ полковник.

— А почему он в таком состоянии? Дырка на дырке, весь в заплатках!

Неряха!

Солдат растерянно взглянул на меня, ища поддержки.

— Дело в том, что он несет в нем килограмм тридцать, вот материя и не выдерживает, рвется.

— Что же вы туда набиваете? Он рассчитан на десять-пятнадцать.

— Патроны, гранаты, — начал перечислять я, загибая пальцы.

— Стоп! Стоп! Вы, вредители! Кто разрешил носить патроны в мешке, гранатам там тоже не место. Вам для этого подсумки даны! Немедленно выгружайте. Сейчас же!

Солдаты вокруг засмеялись, и офицер, очевидно, понял, что сказал что-то не то.

— Товарищ полковник! Вот тот, из службы вооружения, только что приказал досыпать еще по четыреста патронов, с ним разберитесь вначале.

— Не умничай, лейтенант! Выполняй распоряжение!

— А гранаты куда, в подсумок?

— У вас должна быть специальная разгрузка!

— Но ее нет! Что же делать?

— Получайте на складе! Все выгрузить, лишнее оставить, только паек, белье и воду! — и он скучающе отвернулся.

Черт подери! Командиров рот вызвали в штаб для уточнения обстановки, и только Сбитнев ушел — эти налетели как саранча, а мне отдуваться за него.

Тут на меня грозно надвинулся очередной «хлыщ», но я сделал вид, что его не замечаю, и нагнулся вроде как завязывать шнурки. Он переговорил с Юрой Юревичем и окликнул меня:

— Замполит, товарищ лейтенант, вы почему не докладываете?

— Виноват, не заметил, шнурки на кроссовках развязались.

— Почему рота не помыта перед рейдом? Вы что творите? Преступники! Где командир роты? — разволновался проверяющий.

— Товарищ полковник, баня не работает, воды нет, я вчера доложил зам. по тыду, полковнику Ломако. Он сказал, что когда водовод построит к осени, тогда и будет вода регулярно поступать, а вчера и сегодня ее нет.

— Виктор Михайлович! — заорал проверяющий, крутанув головой и вытягивая шею в поисках тыловики.

Из-за спин солдат вынырнул Ломако.

— Да, слушаю, что опять этот Ростовцев болтает?

— Не болтаю, а докладываю: рота не мыта, потому что воды в душевом павильоне нет!

— Что вы такое говорите, я ведь с утра послал банщика в батальон, и он всем дежурным по ротам сообщил, что можно помыться! Прямо сразу после строевого смотра и ведите людей. Ох, разгильдяи, ой, низкая исполнительность! Это же надо такое комиссии сказать: нет воды, зам. по тылу не работает, тыл бездельничает! Бессовестный! Нехорошо!

— Так что, если я сейчас отведу роту в душ, все помоются? Вода есть?

— Конечно! Конечно, все готово, все работает. — Сделал круглые глаза подполковник Ломако и недовольно покачал головой. — Так ведь и повесят, кто не знает, этой чепухе!

И дружески обняв полковника за плечико, повел его в столовую.

Подошедший Сбитнев слышал этот разговор и скомандовал:

— Всем сложить вещи и оружие на плацу. Оставить по одному охраннику от взвода, строиться в баню в колонну по три, потом заменить охрану. Замполит, веди моих людей. Молодец, выпросил воду!

Строй бегом переместился к душевой, которая оказалась на замке. Якубов быстро отыскал банщика, но солдат удивленно и возмущенно заявил:

— Да нет, не ходил я к вам в роту. Не было воды и не будет, напор в скважине слабый. Кто сказал прийти?

— Ломако, б...! Морда козлиная, прикрыл свой зад, пудрит мозги комиссии! Скотина! — выругался я. — Рота, кругом, назад бегом марш!

Я надеялся разыскать тыловиков и рассказать все, что думаю об этой подлости, но на плацу меня поджидал еще один начальник, теперь уже непосредственно по мою душу. Офицер политуправления, только его мне и не хватало.

— Где ваш план работы на боевые, лейтенант?

Я с тяжелым вздохом достал из полевой сумки тетрадь.

— Так, хорошо, почитаем, полистаем! Вот это зря написано, сюда нужно добавить о работе с местными жителями, тут формулировка некрасивая, — размышлял он вслух. — Что-то мало мероприятий на месяц! Ну ладно, теперь где ваши лекции политзанятий и тетради рядового состава?

— Все в машинах находится. Мы ведь конспекты видим, когда с гор спускаемся, а наверху только индивидуальные беседы без писанины.

— Как так? Занятия должны проводиться в любых условиях! А журналы учета проведения занятий?

— Это все остается в роте.

— Нет, обязательно брать с собой! Где походная ленкомната?

— Вот она, расстилай, Фадеев, палатку.

— Так-так. Планшеты старые, где фотографии политбюро?

— Да за ними не уследить, меняются теперь слишком часто, даже в полку-то портретов нет!

— Плохо, очень плохо. Так и запишем, — и он аккуратно что-то записал в блокнотик. — Что ж, плохо работаете! Даже не пойму, как вас держат на этой должности. Разберемся, — и он отошел ко второй роте.

Там шум поднялся еще больше. Шкурдюк только что приехал из Союза, а роту вернули с застав, и естественно, никакой документации не было. Прибежал Муссолини и что-то начал объяснять. Затем они ушли к Мелещенко, досталось и Колян. А у минометчиков оказалось еще хуже, но тут виноватым был Витя Бугрим, так как Артюхин назначил его помогать минометчику Степушкину.

Политработник, видимо, был совсем какой-то удивленный, наверное, в детстве «ушибленный пыльным мешком из-за угла», раз требует в горах вести конспекты. Они путают Таманскую дивизию в Союзе и войну в Афгане. Поставили знак равенства между мирной жизнью и боевыми действиями. Официально ведь войны-то нет, следовательно, требования должны быть едиными ко всем.

* * *

Наконец комиссия ушла в «греческий зал» на обед, а войска пошли в парк грузиться на технику и ожидать начала марша.

Есть полчаса до выхода, значит, еще успею отдать передачу домой. Ленка, «кубик-рубик», уезжает завтра в отпуск в Союз, обещала отправить посылку из Ташкента.

Я подошел к женскому модулю, постучал в дверь комнаты, которая от прикосновения со скрипом приоткрылась. Войдя внутрь, чуть не рухнул от испытанного потрясения.

На кровати лежала лицом вниз в тоненьком не застегнутом просвечивающем халатике Афонина подружка, Ленка. Черные волосы разметались по подушке, ноги раскинуты и толстый зад без трусов. Вот зараза, какой соблазн! От нее сильно пахло духами и спиртным.

— Ленка! Лен! Проснись! — толкнул я ее за плечо и слегка шлепнул по голой заднице.

Это не произвело ни малейшего эффекта, никакой реакции. Спит, как убитая! Вот черт, одна и та же мысль закрутилась в чумной голове: раздвинуть ноги, раздвинуть ноги, раздвинуть ноги и ... Зациклило. Вот дьяволица! Это же любовница моего друга, как же так! Но мы сейчас уходим в рейд, могут в любую минуту грохнуть. Может, это будет в последний раз? Пульс участился до ста ударов в минуту, грудь сдавил «лифчик-нагрудник», автомат прилип к руке, мешок на спине стал словно бетонная плита, посылка плюхнулась на пол. Бабы — злые искуситель-

ницы, но без них жить совершенно не возможно. За год проклятого воздержания крыша едет, так что и до психушки недалеко. Развернуть, раздвинуть и главное — успеть. Соображай быстрее, решайся, времени-то нет: рота пошла в парк загружаться. Подруга друга, подруга друга Это обстоятельство останавливало от решительных действий. Все мысли спутались, чувствую — еще минута и чокнусь. Животный инстинкт пересиливал разум. Напряжение достигло предела. А если это мой последний шанс, и потом подорвусь, как Быковский или Шипилов? Оторвет ногу или все хозяйство, как у Семина? Как чертовски не хочется умирать. Я хочу домой! Но еще больше я сейчас хочу вот эту дуреху! Кто настоящий мужик: кто не упустит такой шанс, или кто не воспользуется беспомощностью женщины? Спорная ситуация Проклятье! Не убьют, через месяц поеду домой и оторвусь на всю катушку! Е ... мать! Пошла ты к черту! Я не удержался и ногтем провел по мягкой и гладкой коже от пятки и до конца бедра, а затем с силой шмякнул по пухлой заднице, которая заколыхалась, как студень. Это развеселило меня, и напряжение спало. Ладно, пусть Александров пользуется в одиночку. Полуголая дура! Тьфу ты! Дурманящий запах женщины, пьяной теплой женщины... На негнущихся и подрагивающих ногах я выбрался из комнаты. Легче в атаку сходить, чем вот так отступать, пересиливая желание. Эх ты, вояка, чуть не кончил ... Могли бы те, кто нас сюда загнал, что-нибудь такое организовать за счет правительства...

В последний раз забежал в казарму и обнялся на прощание с уезжающим завтра в Армению Гогой.

— Никифор! Замполит дорогой! Что с тобой, такой потный и красный? — спросил прапорщик.

— А черт, хотел девку приголубить, валяется, понимаешь, голая и пьяная, ничего не слышит и не чувствует, еле удержался!

— Правильно, не надо. Что толку, она, наверное, как брэвно, а ты же нэ дятел долбить по дэреву.

— Тебе хорошо говорить. Ты уже почти дома, а я на пути в Файзабад, на дороге не близкой и не безопасной.

— Нэ переживай, выбрось из головы, пусть лежит, отдыхает женщина, наверное, сегодня на ней много твой друг потрудился.

— Вероятно, Афоня измотал перед дальней дорожкой.

— Вот видишь, твоя совесть чиста, нэ обидел друга. До свидания, до встречи, обязательно приезжай, нэ потеряй адрес! Коньяк будет литься рекой, шашлык-башлык, долма. Гостем будешь дарагим! Все, беги, а то уедут бэз тэбя! Постарайся вижить и вэрнуться!

Вторая рота была снята с охранения и двинулась в рейд впервые за полгода. Командир роты Габулов психовал и орал на всех подчиненных,

суетился и, чтобы успокоить себя, всю дорогу подначивал и задевал меня, Сбитнева, Жилина. Он все эти месяцы без подчиненных, привык сутками спать в нашей комнате отдыха, разжирел, килограммов пятнадцать набрал, пока мы мотались по горам.

Только теперь я сумел познакомиться с лейтенантом Сергеем Шкурдюком, что вместо Митрашу прибыл. Парнишке крупно не повезло: только приехал, принял должность и сразу свалился с гепатитом в острой форме. Вот теперь выздоровел, вернулся из отпуска после госпиталя и в тот же день в рейд.

Несколько часов ходу — и Кабул за спиной, промчались мимо Баграмской «зеленки», Чарикара, и впереди виднеется Джабаль-Уссарадж. Отсюда начинается подъем на перевал Саланг. Тут я еще ни разу не был. Вокруг этого знаменитого тоннеля бывали частенько, но всегда на вертолетах забрасывали, и только теперь марш на технике. Ох, и серпантин, ох, и круча!

Дорога петляла и заводила армейскую армаду все выше, а в глубокой пропасти валялись остовы сорвавшейся техники. Снова и снова памятники и обелиски. Внезапно сверху раздался шум камней, и над обрывом навис «Урал», но водителю повезло, удержал машину на краю обочины. Не вписался в поворот, занесло. Еще часом позже в ущелье улетает «Камаз» — отказали тормоза. Удачно, что обрыв невысокий, кажется, все живы. А горный подъем все круче и круче. Возле самого тоннеля на вершинах горных гребней лежат снега, несмотря на разгар лета. Я даже замерз, ни свитера, ни бушлата не взял. Кто же знал об июньских холодах на Саланге?

В тоннеле еще хуже: темно, душно, загазованно, шумно и почти нечем дышать — сплошная гарь. Двигатели машин в начале пути грелись на подъеме, а теперь перегреваются на спуске. Все время торможение на крутых поворотах, и техника собирается в длинные плотные вереницы, тарахтит, ревет и трещит.

Армейская техника грохочет по провинции Баглан, где ее сила и мощь давно не обрушивались на местные банды. Пыль, пыль, пыль. «Если хочешь жить в пыли, то служи в Поли-Хумри». Вот он, этот город, расстилается на бескрайней пыльной равнине, продуваемой со всех сторон песчаными ветрами. Ровно сутки длился этот переход. Что нам уготовило командование?

Еда, сон, дозаправка техники, сбор оставших и сломавшихся машин. Я попытался немного почиститься, снял «песочник» и принялся выбивать из него накопившуюся пыль об ствол пушки БМП. Ох, и много же ее набилось за время движения, поднялась настоящая пыльная буря вокруг меня, чем я развеселил Сбитнева.

— Тебя самого об ствол надо постучать, чтобы из легких песок вытрясти! Ерундой занимаешься. Двинемся в дорогу и снова пропылимся, прокоптимся, и будешь грязный все равно.

— А у меня в запасе маскхалат. Сейчас на марше пыль собираю в этом, а в горы переоденусь в другой, — ответил я.

— Хитрюга! А у меня только этот автомобильный комбинезон. Ужасно надоел проклятый песок! Все время на зубах скрипит.

— А на каких, вставных или настоящих?

— На всех. И тело зудит — помыться бы.

— Разбаловался ты, Володя, в госпиталях. Белые чистые простыни, стерильные медсестры

— Нет, я предпочитал докториц, люблю женщин-врачей, особенно чтобы носила очки с тонкой металлической оправой, в этом есть свой шарм! Обнаженная и в очках.

— Что, обязательно, не снимая очки, что ли? Не мешают, не царапают?

— Нет, не мешают, а возбуждают, волнуют!

— А они не запотевают? — рассмеялся я над предавшимся воспоминаниям командиром.

— Балбес, чего же им потеть, не на морозе ведь, девушка сама потела, в Ташкенте ранней весной доходило до тридцати пяти градусов жары. А какая женщина была замечательная!

— Всего одна?

— Чудак-человек! Первое время я лежал в хирургии, сам понимаешь, голова болит, зубов нет, все тело в мелких осколках, которые из меня вынимают. А потенции во мне на шестерых! Я к анестезиологу Марье начал подкатывать, но безуспешно. Расстроился! А посмотрел на себя в зеркало критически — оттуда такое мурло взглянуло в ответ — и осознал, что еще рано, не готовы дамы меня такого принять и ласкать. Прошел месяц, физиомордия зажила, округлилась, рот начал пахнуть не отвратительными лекарствами, а хорошей зубной пастой и коньячком. Когда попал в стоматологию, то без ложной скромности скажу: пользовался успехом. Успевал на двух фронтах: и дома, и в госпитале.

— Врешь ты все, — рассмеялся я с завистью в душе.

— А чего выдумывать, чистой воды правда — разрывался на части! И жена, и врач, и медсестричка. Одно спасало: дежурства у них не совпадали, а со своей Марьей еще проще: всегда мог соврать, что голова болит и ничего не получится.

— Володя, куда двигаемся дальше? — спросил я у вернувшегося с совещания командира роты.

— Сейчас командиры определяют с очередностью десантирования в окрестные горы, — ответил задумчиво Сбитнев. — Край непуганых дура-

ков. «Духи» тут вольготно себя чувствуют, у местного полка сил маловато. Немного попугаем аборигенов. Запасаемся водой, берем сухпай на трое суток и в путь. В горах, я думаю, лучше будет, чем сидеть три дня на броне.

— Горы высокие. На карте задачу уже видел?

— Еще нет, через час Ошуев соберет всех снова и будет уточнять задачи, сейчас ЗНШ полка в дивизии карты рисует, потом мы на своих «яйца» нанесем. («Яйца» в обиходе — это круги с задачами, нанесенные на карту местности).

— Смотри, Вовка, «яйца» большие не рисуй и слишком далеко не планируй, а то потом свои собственные придется тащить черт знает куда!

— Да я уже и забыл, как это их в горы нести. На больничной койке, дома, да в пивнушке я их полгода использовал только по прямому назначению. В Алихейле все время вокруг техники бродили, высоко не забирались, даже ноги не перетрудил. Как неохота лезть к черту на рога!

— Володя, иди, помой физиономию, хотя бы перед вылетом, а то как папуас выглядишь! Ужас!

— Правильно, пока командиры совещаются, замполиты моются, бельишко трясут, газетки читают.

— А я и тебе захватил парочку, буквы еще не забыл?

— Вот это хорошо, а то зад вытирать нечем, что-то про бумагу я забыл.

— Твоя задница какую предпочитает: «Правду», «Красную Звезду» или «Советский спорт»? Вся пресса трехдневной давности.

— Она предпочитает окружную газету!

— Это почему?

— Бумага самая мягкая, и чтением не отвлекает, не задумаешься из-за отсутствия содержания, и снайпер не подстрелит в уязвимой позе. «Окопная правда» поэтому — самая лучшая пресса для солдата!

— Хорошо, что тебя не слышит член Военного Совета.

— «Члену» от Военного Совета могу лично об этом сказать и о многом другом! В частности, о том, что после тяжелого ранения могли бы и в Союзе служить оставить, а вакантные места предоставлять еще не нюхавшим пороха. Взятки давать не умею, своими связями пользоваться тоже и быть в долгу не хочу, а на законном основании, скажу честно, с удовольствием остался бы в Ташкенте. При этом чем дольше я тут после возвращения нахожусь, тем сильнее ощущаю, какой я дурак и от этого хочется нажраться до поросычьего визга.

— Вовка, вернемся и нажремся! Орден еще раз обмоем, и день рождения мой подойдет, ну и твоя награда к тому времени подоспеет. Разгоним твое уныние!

— Сколько можно обмывать? — удивился Вовка.

— Так это прелюдия была, остальные роты требуют! Я-то, сам знаешь, не сторонник этого дела. Ладно, побалуемся коньячком, — размечтался я.

— Каким коньячком? Надоел ты с этими дегустациями! Водяры, обыкновенной водяры! Только водкой можно нажраться, чтоб забыться. Вино и коньяк — это обман зрения, настоящие русские люди пьют только водку.

— Значит, я не настоящий. Ладно, тебе лично будет водка. Иди, умой рожу, а то к серой бороденке пыль налипла, выглядит как перхоть, смотреть противно, — скривился я.

— Ник, не будь педантом, как граф Острогин, тебе это не идет! Ступай-ка, займи место за обеденным столом для командира, а я, так и быть, пойду ополоснусь.

Над растянутым между двумя бортовыми машинами брезентом Головской навесил маскировочную сетку, и получилось вполне прилично для полевой столовой. За столом сидел в гордом одиночестве Мелещенко и ковырял ложкой кашу.

— Колян, что ты там нашел? В тарелке тушенка присутствует, или Берендей всю Лонгинову скормил?

— Присутствует. Даже мясо трошки е, мелкими кусочками, — ответил Николай.

— Коля, ты в курсе, что мы с тобой почти как братья родные?

— Это как понимать? Подмазываешься зачем-то? Шо нужно, Никифор? Говори прямо.

— Брат, самый что ни на есть настоящий! Хотя и не очень любимый. У тебя какая группа крови? — спросил я.

— Первая!

— Резус отрицательный?

— Ну и шо такого, — нахмурился Николай. — Отрицательный — это не значит, шо я отрицательный.

— Да знаю, знаю, сам с такой кровью живу. Первая, резус отрицательный.

— Ну! — напряг извилины Мелещенко.

— Вот те ну. А ты знаешь, «килькоед», что в батальоне только у тебя и у меня такая? Это врач сказал, лейтенант Пережогин. Он анализировал списки возможных доноров и группировал по вариантам — кто кому может помочь.

— Мы шо, только двое таких среди усих офицеров, на весь батальон? — удивился лейтенант.

— Сержантов и солдат тоже нет. Есть еще сержант в танковом батальоне, но он переболел гепатитом, быть донором не может, только в крайнем случае.

— Двое на весь батальон! Надо же два чудака на пятьсот человек, — задумчиво и зачарованно повторил Мелещенко.

— Да вот, такой у меня неудачный брат по крови оказался, — засмеялся я.

— Пошел ты на...! Тоже мне брат. Орден получил, и что можно насмеяться над другими? Я, может, не хуже тебя воюю, только не лезу на рожон. Почему я неудачный?

— Успокойся, я не в этом смысле, а в смысле — не повезло нам обоим. Человеку с первой групповой минус кровь может дать только донор с такой же кровью. Больше никто!

— Ни хрена себе! — выдохнул хрипло Николай. — Совсем никто? А не врешь, ты постоянно меня разыгрываешь.

Было заметно, что парень не на шутку перепугался и даже покрылся мелкой испариной.

— Подтверждаю, — присоединился к разговору подошедший к кухне фельдшер Ярко. — Первой минус годится только такая же кровь.

— У меня вторая положительная, — встрял в разговор Соловей.

— Тебе первая и вторая положительные подойдут.

— А если я с четвертой группой? — поинтересовался Берендеев.

— Толстячок, тебе даже мочу можно залить или солярку. Все сгодится, главное, чтобы резус присутствовал, подойдет даже кровь обезьяны Аркашки с продсклада, — улыбнулся я.

— Ну ты гад! Так оскорбить, с обезьяной сравнил. Больше не буду кормить. Ростовцев, к ПАКу можешь даже не приближаться. Вот сволочь! Мне — обезьянью кровь! — разозлился Берендеев.

— Это я в смысле, что тебе повезло, Берендей! Поймал любого — и он тебе донор! Не то что нам с Миколой.

— У обезьян отсутствует резус-фактор, поэтому от них кровь тебе, Берендеев, не годится, — усмехнулся Ярко.

— А первая минус — это кровь всех замполитов, что ли? У Артюхина какая, такая же? — съехидничал Соловей.

— Нет, у него самая обыкновенная, вторая. Не повезло только нам с Мелещенко, — вздохнул я.

— Ну почему не повезло? Будэмо считать, что королевских кровей, — грустно усмехнулся Николай.

Он вдруг перестал есть и задумчиво уставился вдаль. Переваривал, видимо, ошеломляющую новость.

— Ник, а насчет Аркашкиной крови, ее перелить уже не получится. — Заулыбался во всю свою широкую усатую физиономию Берендеев. — Издох Аркашка.

— Как издох? Мы со Сбитневым на складе закуску брали, и он с нами спиртягу пил, — удивился я.

— Вот и допился, за день до выхода помер. Белая горячка, наверное. Пил ведь и курил, как настоящий мужик! Но за человеком угнаться тяжело, особенно за русским. Не сдюжил. В санчасть понесли, что-то вкололи, но не спасли. Медики ругались, сказали, что загубили прапора обезьяну, печень и сердце за год посадили. Не выдержали обезьяньи органы нагрузки. Ваша рюмка оказалась последней, — хмыкнул Берендей.

— Вот черт! — ужаснулся Соловей. — А какой зверь компанейский был! Все ж таки в каких мы суровых условиях тут живем, скотина и та не выдерживает!

— А ты дозу спиртного уменьши, и все будет нормально. Не хлебайте с Берендеем спирт из кружек, а пейте из французских стаканчиков и доживете до замены, — пообещал я.

— Если пить из мелкой посуды, то у нас фантазии на тосты не хватит. Мы заканчиваем после четвертого, как раз литр на двоих, — ухмыльнулся Соловей. — А так пить вроде за что-то надо, да еще сказать что-нибудь придется. Мы же не замполиты, говорим мало.

— Это точно, вы — тыл! Говорите мало, тащите много, вон какие хари втроем наели! — ухмыльнулся я. — У Головского куртка не застегивается, пузо вывалил, и штаны держатся только на подтяжках. Зеркальная болезнь! «Коки» можно почесать только возле зеркала. Вас это тоже касается в полной мере, — рассмеялся я.

— Слушай, ты, доходяга! Жри, что дали, и отваливай отсюда, — вскричал Берендей обиженно. — Вес ему наш не нравится. Да мы, как сямские близнецы, специально так подобраны. Толстый, значит, добрый.

— Нет, толстяки в тылу — это признак куцей совести и отсутствия неприкосновенных запасов, — возразил подошедший Вадик Хмурцев.

Этот озорной лейтенант с огненно рыжей шевелюрой приехал из Союза и сменил контуженого, чокнутого командира взвода связи батальона — Чичина. Парень был большой весельчак и балагур, никогда не унывал. Пока...

— Еще один умник появился! Что ни лейтенант, то философ или государственный деятель, — сердито произнес Соловей.

— О чем спор, что за шум? — поинтересовался, присаживаясь, Вадим. — Про толстяков это я так, пошутил. Люблю вас, «большие люди», сам давно мечтаю поправиться со своих восьмидесяти до ста килограммов.

— Мы не спорим, — улыбнулся я. — Мы тут о группах крови рассуждаем. У тебя какая?

— У меня вторая минус, — ответил Хмурцев.

— О, почти как у нас с Мыколой, близок к «голубым кровям». Так к чему я всю эту речь завел, Николай! К тому, чтобы ты знал, что делать в случае моего ранения, а?

— Собирать деньги со всех офицеров роты на твои поминки? — ухмыльнулся Николай.

— Дурак! Себе лучше собери заранее! Ты должен мчаться ко мне и кровь сдавать и как можно больше, до тех пор, пока она в тебе не кончится.

— Ага, чуть что, у тебя Мелещенко — «сельпо», «килечник», «килько-ед», а как ранят, то беги и кровью выручай, — возмутился Николай.

— Вот пентюх! Если тебя ранят, я так же примчусь к тебе и помогу! Понятно? — пообещал я Миколу. — Мы — единственное спасение друг друга. Покуда этих доноров найдут, пока кровь доставят — помрешь на одном кровезаменителе!

— Значит, не побрезгуешь моей кровяной? — обрадовался Николай.

— Нет, приму, даже с почтением и уважением. Мы же, говорю тебе, кровные братья!

— Братями станем только тогда, когда сольемся друг с другом кровью, на брудершафт. А пока ты для меня насмешник-пересмешник. Все время издеваешься.

— Коля, я же шутейно говорю, почти любя.

— Точно, любя, Никифор говорит, не держит он на тебя зла, Микола, — хитро улыбнулся Сбитнев. — Он прав!

— Да, Николай, ты зря обижаешься, что я тебя высмеиваю и «селянином» называю. Хочешь эксперимент проведем на эрудицию? Тест. Задаю вопросы, ты отвечаешь, суммируем ответы, оцениваем и сразу подводим итог, — предложил я, подмигивая Володе.

— Во! Опять перемигиваются, подмаргивают друг другу. Наверняка подость какая-то. Ну, хрен с вами, начинайте.

— Микола, скажи, в каком году была Грюнвальдская битва? — спросил я.

— Грюфальская? Не знаю.

— Грюнвальдская! Она произошла в 1410 году между немецкими рыцарями и польско-литовским войском.

— А Куликовская битва?

— Кажется, в 1270, — ответил Николай.

— Нет, в 1380, это же элементарно, Ватсон. Ну ладно, с историей закончили, — сказал я.

— Слабоват, совсем ни черта не знаешь, — засмеялся Володя. — Колян, я тебя по литературе и искусству буду экзаменовывать. Кто такие Ремарк, Пруст, Кафка, Стейнбек?

— Кто-кто — музыканты, кажется!

— Темнота! Писатели, всемирно-известные. Значит, с мировой литературой ты знаком слабо, а с советской? — поинтересовался Сбитнев.

— Спрашивай, — нахмурился Мелещенко.

— Что ты читал из произведений Трифонова, Бакланова, Астафьева, Распутина, Булгакова, Стругацких? Ничего? Перейдем к следующему разделу. Знаешь, кто такие Ренуар, Мане, Сезанн, Матисс, Ватто, Дали?

— Даль?

— Не Даль, а Сальвадор Дали! Не знаешь? Это — художники. А Кандинский, Шагал, Малевич, Шилов, Глазунов? Нет? Это русские советские художники различных стилей и направлений. О музыке и скульптуре можно, я так понимаю, не спрашивать, — продолжал ухмыляться Володя.

Николай сидел, и все больше краснел и надувался от гнева и злости.

— Колян, давай отвечай по географии. Где находится остров Реюньон и чей он? А Каргелен? А столица Египта, столицы Марокко, Аргентины, Таиланда? Уф, какой позор! А с астрономией знаком? Сможешь перечислить по порядку планеты Солнечной системы? Или назови спутники Марса. Я счастлив, что мы оканчивали с тобой разные «бурсы»! — сказал я с улыбкой. — Читай книжки, газеты, а лучше заново учишься в школе. Ну ладно, следующий вопрос. Какое удобрение полезнее для почвы? Чем лучше удобрять землю конским навозом или птичьим пометом?

— Конечно, конским! — обрадовался Мелещенко, не подозревая, что попал в точно расставленные нами сети, и ловушка захлопнулась.

За столом покатывались со смеху Хмурцев и Сбитнев, даже Берендеев с Соловьем улыбались, предчувствуя розыгрыш.

— Заметь, Николай, тебе задавали вопросы только на гуманитарные темы! Те, в которых ты должен быть подготовлен. Механику, электротехнику, физику, химию, математику не трогали! — ехидно заявил Володя.

— Микола, не обижайся, но резюме такое: ты не разбираешься ни в истории, ни в литературе, ни в искусстве, ни в географии, ни в астрономии, а только в говне! — подытожил я экзамен.

— Ха-ха-ха-ха-ха, — заржали все вокруг. Особенно громко смеялись Берендей и Сбитнев.

— Гуляй, Мелещенко, просвещайся, — хлопнул Николая по спине Сбитнев. — Подготовившись в рамках школьной программы, подходи на тестирование вновь.

Николай резко встал, отбросил тарелку и ложку, и лавочка с шумом упала на деревянный настил.

— Да пошли вы на..., козлодой! — и громко матерясь, он ушел от полевой кухни в сторону своей роты.

— Твою мать, жлоб хренов! Сельпо! Я с ним полгода служил, он тупой как пробка, — сказал Сбитнев. — Сильно мы его уели! Теперь неделю будет дуться. Это же надо попасться в такую старую ловушку! Ни хрена не знает, что ни спроси. Проще было поставить другое условие: перечисли все, что знаешь. Я даже ответ сразу угадаю: сало, самогон, гармошка.

* * *

Вертолеты не прилетели, и ситуация резко поменялась: к предгорью на технике, а дальше пешком. Армия окружила по вершинам хребтов несколько крошечных высокогорных кишлаков. Мы, пехота и десантники, в горах, а разведка и спецназ прочесывали хибару за хибарой. Пыль из долины доставала нас даже здесь, да и как ей тут не быть, горы совсем плевые, низкие. Ветер и пыль, вонь со стороны трущоб. И, естественно, запахи нашего солдатского дерьма на горе. За три дня все вокруг, как всегда, загадили, эти «ароматы» ветром гоняло по кругу.

Изредка прилетала авиация, что-то бомбила. По сути дела, мы в очередной раз занимались ерундой. Спали, жрали, гадили, нас на прочесывание почему-то с гор не спустили, а все лавры достались десанникам и разведчикам. Через трое суток по приказу Ошуева подразделения снялись с позиций и отправились за три горных хребта к площадке десантирования полка.

Что же, пеший марш — это всегда тяжелейший труд, особенно в жару. А тут даже на малейшую тень нет и намека, а на солнцепеке термометр, наверное, зашкаливает за пятьдесят градусов. Если бы еще он был под рукой, смерил бы температуру для интереса, узнать в каком мы находимся пекле. Идешь и потеешь. Ужасно хотелось пить, но нечего, всю воду выпили за время сидения на высоте. Пока добрались до площадки, я уже еле ноги волочил. А ведь сам иду налегке, только помогаю уставшим бойцам. Пулеметный взвод буквально умирал, но умирать некогда. «Марш, марш, вперед, быстрее», — подгоняло нас начальство. Вертушками сразу же перебросили нас на более высокие горы, а воды и продуктов не дали. Просто не успели мы воды набрать. С вертолета выгрузили несколько резиновых двухсотлитровых бурдюков с водичкой, а попить некогда.

Миновали кишлак, и через несколько километров новая площадка для взлета. Вновь при нас бурдюки с водой, и вновь нет времени набирать воду во фляжки. Крутой спуск, метров на двести, вниз по зыбучей почве. Вокруг падают от усталости солдаты: заплетаются ноги, трясутся руки, земля уходит из-под ног...

И тут во мне что-то сломалось. Голова начала отделяться от тела, мозг отключился и прекратил работать, мысли исчезли. Глаза просто фиксируют местность, а ноги двигаются сами по себе. Язык распух как «грелка» и заполнил собою весь рот, губы обметало солью. Шаг, шаг еще шаг. Впереди по дну ущелья протекал мутный ручеек, наполненный глинистой грязной водой. Солдаты и офицеры, добегаая до него, падали в него плашмя, почти без чувств, чтобы хоть немного сбить температуру тела.

Сбитнев лежал в грязной воде и смачивал голову этой мутью и громко матерился. Я с трудом передвигал заплетающиеся ноги, как смертельно пьяный пропойца, и с разбегу плюхнулся рядом без чувств.

— Суки! Стратеги хреновы! Самих бы сюда в это пекло и без воды! Вставай, замполит! Поднимайся и подгоняй умирающую толпу! — прорычал Володя.

— Ой, худо мне, Вовка, совсем плохо!

— Ничем помочь не могу! Ползи, как можешь, сам еле живой. Ошув по связи орет, что с той стороны высоты, под горкой бой идет. Срочно нужна помощь. Я налегке пойду с «Утесом» и ПК, все мешки тут бросим. И ты давай подгоняй остальных.

Володя, скрипя оставшимися здоровыми зубами о вставные железные, преодолевая себя, начал карабкаться на вершину. За ним смогли двинуться только семеро: Мандресов, Свекольников с радиостанцией и пулеметчики. Взяли только оружие и боеприпасы. Рота лежала в грязи, тихонько стонала и выла. Я чувствовал, что мучительно умираю. Голову сцепило, словно стальным обручем, сердце то колотилось, то замирало. Все мышцы обмякли, стали дряблыми, как у старца. Преодолевая бессилие, я поднялся и огляделся: жалкие лица солдат. Некоторые пытались процедить эту мутную бурду сквозь марлю, но лучше она от этого не становилась.

— Царегородцев, хр... х... р... — прохрипел я злобно. — Ты, что, гад, гепатит хочешь слоновой дозой проглотить? Вылей эту дрянь!

Солдат посмотрел затравленно на меня, потом с тоской во взгляде на бурю жидкость и заплакал. Да, тяжело парню, всю жизнь прожившему где-то за Сыктывкарком, в этом пекле. Лицо его покрылось коростами и струбцинами, запаршивело от грязи и солнечных ожогов. Зимой он при плюс двадцати себя чувствовал хорошо, а сейчас прямо чахнет на глазах от изнурительного зноя. Два солдата лежали совсем без движений: у одного шла пена изо рта, у второго закатились зрачки, и он громко стонал.

— Медик! Медик, где ты? Авлеев! Бегом сюда! — заорал я на младшего сержанта, бредущего вдоль ручейка.

Тот повернул ко мне измученное лицо и, медленно передвигая ноги, начал приближаться.

— Давай скорее, промидол коли, что ли? Наверное, сердечный приступ у Ткаченко и Кайрымова, помогай быстрее.

Я взял у Фадеева радиостанцию и запросил КП полка:

— Нужна срочно помощь! В ручье пластом лежат одиннадцать наших «карандашей» и шесть «карандашей» Пыжа.

— Где Пыж? — спросил Ошув. — Где остальное ваше хозяйство?

— Остальные поднимаются на задачу, а тут нужно срочно оказать помощь! Воды совсем нет, не иначе сдохнет кто-нибудь, в том числе и я.

Ко мне справа, из-за груды камней, подполз Пыж, бледный как полотно.

— Уф, вывернуло только что наизнанку. Какой-то ужас. Бросили в такое пекло без воды! У тебя есть что-нибудь попить?

— Коля, ни капли! У всей роты пустые фляжки. Медик, спасай скорее народ! — прохрипел я Авлееву. — Васинян, помоги санинструктору стащить этих двоих в ручеек!

Мы принялись поливать грязной жижей, лежащих без чувств солдат, и подтягивать к ручью. Сняли с них мешки, гимнастерки, тем временем с КП прибежал медик, прапорщик Сероиван, и еще один солдат-санинструктор.

— Что тут, товарищ лейтенант, кому плохо? — закричал прапорщик.

— Вот эти двое самые тяжелые.

— Авлеев, ты почему до сих пор пострадавшим не вколол кровезаменитель? — возмутился подоспевший Сероиван.

— Я, у меня, вообще... — начал мекать молодой сержант-медик, бледнея все больше и больше.

— Сержант, что случилось? Объясни толком, — рявкнул прапорщик.

— Да вот, разбились бутылки с кровезаменителем, — тяжело вздохнул Авлеев.

— Как разбились? Что обе? — охнул Сероиван.

— Так точно.

— Ну-ка, покажи, что у тебя там, — потребовал прапорщик, а, порывшись в медицинской сумке, внимательно и строго посмотрел в глаза медбрата.

— Почему сумка сухая и осколков нет?

— Выпил урод, долбаный! П...с, — зарычал Муталибов и ударил в челюсть Авлеева.

— Муталибов, а ну прекрати, — прохрипел я, чуть приподнимаясь от земли на локте. — Иди сюда, Авлеев! Присядь! В чем дело, где бутылки?

Сержант хлюпал разбитым носом и громко плакал, размазывая слезы по грязным щекам.

— Отвечай, подонок! Чего молчишь? — рявкнул я, собрав последние силы.

— Выпил, пить очень хотел, я не могу в такую жару, мне плохо, — принялся лепетать санинструктор. — Воды не было, а я чуть не умер от жажды.

— Сволочь ты, из-за тебя вон те мужики, лежащие без сознания, помереть могут.

— А разве лучше, чтобы я умер?

— Ах, ты, подонок, слюняй! — возмутился я.

И, подогнув ногу, лягнул его пяткой в пах.

— У-у-у! — взвыл сержант.

— Ползи отсюда, гнида, помогай Сероивану и молись, чтобы никто не загнулся. Если хотя бы один умрет — под суд пойдешь. Пшел вон!

Черт, прав был «Бандера» Томилин, что когда он уйдет на дембель, то мы еще наплачемся без его чуткой медицинской заботы. Я тогда еще спросил: «И какой черт тебя, Степан, ярого «западенца», в Афган забросил?» А он мне ответил, что не черт, а глупость и жалость. Я, мол, в Ашхабадскую учебку попал с Украины, с группой земляков поездом ехали, хлопцы нажрались, и капитан, старший нашей команды, начал усих умирять. «Получив пид глаз и по носу, он прямо взбеленился и сломал двоим парубкам челюсти. На капитана того через полгода, по окончанию учебки, эти байстрюки жалобу написали в военную прокуратуру. Дело закрутилось; двое стали пострадавшими, а десять пошли як свидетели. Тильки я и Сэмэн из третьей роты не захотели по судам шататься, клепать на офицера. Нормальный ведь капитан, ребята куражились, нас было много, а он не побоялся — усих успокоил. Конечно, бить и ломать челюсти не гарно, но и они ему два ребра тоже сломали. Короче говоря, мы с Сэмэном в несознанку ударились, сказали, шо спали, зморило. Ну и нас в Кабул, а парубков в Туркмению дослуживать отправили. Вот так глупость и жалость, доброта, можно сказать, душевная привели к этим бесконечным адским мучениям, прохождению школы мужества и выживания. Я туточки з вами балакаю, а хлопчики усе, землячки, те давно горилку пьют во Львиве! Ох, и затоскуете без мене, як до дому уеду!

Вот и сбылось предсказание Степана, ему этот медбрат Авлеев сразу не понравился. Угадал в нем гнильцу, как в воду глядел!

Мне становилось все хуже и хуже, тошнило, голова кружилась, и я время от времени отключался. Когда приходил в сознание, мозг фиксировал суету вокруг лежащих солдат. К Сероивану присоединились полковые медики Дормидович и Ярko, с ними спустились два солдата из комендантского взвода, принесшие воду.

Вскоре ко мне подошел Муталибов с фляжкой воды. Я сделал три глубоких глотка и спросил:

— Гасан, сколько нам водички принесли?

— Двадцать литров в бурдюке и еще в двух резиновых сапогах от ОЗК.

— Хм..., по литру на нос, не густо. Она сейчас быстро разойдется.

— Да ее уже почти и нет. Отливали Таджибабаева, Кайрымова, Колесникова, Уразбаева, да и остальные совсем плохи. Даже Бодунов у камушка лежит, с трудом в себя приходит.

— Оставь фляжку и ступай, я сам водой с Игорем поделюсь.

Полежав еще десять минут и почувствовав, что уже могу немного двигаться, я переползаниями и на четвереньках добрался до командира пулеметного взвода.

— Ну что, Игорь? Преешь?

— Почти умер. Ник, даже глубоко под землей в шахте не было так худо.

— Жара и какие-то непонятные запахи и влажность. Я весь мокрый и липкий, ужасно тошнит, — пожаловался я на недомогание.

— Тепловой удар, — прохрипел прапорщик. — Мы все получили тепловой удар, только разной степени тяжести. Главное, чтоб не помер кто-нибудь. Не знаешь, пулеметы затащили в гору?

— Да, вроде стреляют и «Утес», и ПК. Попил? Отдай фляжку, пойду к Сережке Ветишину, вон он на склоне валяется вместе с Сомовым.

Собрав силы и глотнув воды еще пару раз, я поднялся по хребту метров на пятьдесят и упал рядом с командиром взвода.

— Ну что, сачок, лежишь, баддеешь? — спросил я у лейтенанта, глядя в его зелено-серое лицо.

— Лежу, но не баддею, а помираю. Ухи прошу! — и Серега слабо улыбнулся.

— Хрен тебе, а не уха! На, пей коктейль, вода с добавлением «аквасепта», «пантацида» и лимонной кислоты. Я всегда так делаю, это рецепт Ваньки Кавуна. Бурда, но говорят, что гепатита не будет, заразу убивает, а лимонная кислота, чтоб питье в рот полезло, а то эти пилюли очень уж хлоркой отдают и как будто сдобрены дустом.

— Ой, а я их никогда не растворяю в воде, так желудок и кишечник угробишь. Это действительно сплошная хлорка, не известно, из чего эти таблетки состоят, — жалобно простонал Ветишин. — Сил нет совсем никаких, скорее бы вечер! Проклятое солнце!

— Сережка, пойду к ручью, посмотрю, как там дела, а ты попей и Сомова угости.

Опираясь на автомат, я спустился к ручью к «стонущему лазарету», вокруг валялись пустые бутылки и ампулы, медики уже использовали весь кровезаменитель и промидол. Очухались не все, Уразбаева понесли наверх обратно на КП, чтобы отправить в госпиталь. Таджикибаев очень громко стонал, но он был такой большой, что его эвакуировать начмед не захотел. Решили, лучше постараться поставить на ноги на месте, чем всем умереть, неся его в гору. Вкололи промидол и последнюю порцию кровезаменителя, Дормидович хлопал по щекам, давал нюхать нашатырь еще и еще.

— Сoddат, оживай, ты такой огромный, мы тебя не донесем! — воскликнул Сероиван.

— Плехо, очень нехорошо. Сапсем нехорошо, — жалостно ответил солдат.

— Ничего страшного, сейчас мы тебя еще водичкой польем, плащ-палатку растянем будет тень, к вечеру будешь в норме, — успокоил его начмед.

Скрипя пылью на зубах и глотая налипший песок, Сероиван отпил из протянутой фляжки. С вершины вновь спустились два бойца с водой в бурдюках. Солдаты-водоносы принялись заполнять наши фляжки, по две каждому, чтоб на всех хватило. Я прилег на песок и спрятал голову в жалкое подобие тени, отбрасываемой от камня. Накрыл лицо снятым намоченным в ручье маскхалатом. Уф! Чуть не умер! Жизненные силы постепенно возвращались. Мысли восстанавливали свою стройность и ясность.

Чуть в стороне лежали и постанывали бойцы минометного расчета.

— Радионов! Ты уже ожил? Готов двигаться в гору? — спросил я хрипло.

— Нет еще. Полчаса или даже час необходимы для отдыха, — откликнулся слабым голосом лейтенант.

— А ты что опять желаешь принять участие в войне? — ухмыльнулся лежащий головой на мешке Бодунов. — Вовка только из госпиталя: сил много, дай человеку повоевать. И Мандресов очень энергичный, еще не измотанный, слышишь, как хорошо стреляет. Пулеметы почти не смолкают.

— Игорец, сам понимаешь, раз стрельба идет без перерыва, то у них скоро патроны кончатся. Нужно поднимать народ, некоторые уже ожили и сачкуют, — возразил я.

— Если сам очухался, то лезь в гору, а другим не мешай болеть. Какой же ты нудный и тошный, болеть мешаешь! — энергично возразил Игорь.

— И полезу! Вот минут пятнадцать полежу и двинусь, но и тебя с собой прихвачу.

День давно перевалил за полдень. Я закрыл глаза и вновь провалился в забытье. Мерещилась какая-то дрянь, «духи» режут наших на горе. Думал, полежу чуть-чуть, а вышло на сорок минут. Очнулся из-за громкой перебранки Бодунова с сержантом Юревичем.

— Спустился за боеприпасами? Молодец! Вот, бери мешок и ступай обратно к пулемету. Что ты меня теребишь? Сколько их еще есть? — ругался Бодунов.

— Ня бильше одной ленты у ПК, а «Утес» выстрелит еще разов во-сям-девять, — ответил зам.командира взвода.

— Неси патроны, Юрик, сейчас соберем ленты к НСВ и будем выбираться. Замполит рвется к вам на помощь, но что-то заснул, и вроде как желание пропало, — ухмыльнулся взводный.

— Не пропало, я ожил и чувствую, что полностью готов к движению. Альпинисты, подъем! Все встали, идем, ползем, карабкаемся! — принял я орать, чувствую, что голос полностью восстановился.

— Ну вот, Бодунов, болван горластый, разбудил замполита, дрыхнул себе лейтенант и нам не мешал. А теперь нас заставит ползти в гору, — вздохнул лежащий навзничь Ветишин.

— Игорь, все, вставай, хорош сачковать, цепляй на спину АГС и пойдем, — сказал я, довольный реакцией Ветишина на мое пробуждение. — И ты, вставай, Радионов! Родимый, мы что зря твои мины несем, пошли стрелять из миномета. Дорогой, поднимай своих «трубочистов», пусть тащат трубу на вершину!

Понемногу все пришло в движение. Солдаты, ругаясь и матерясь, собрали вещи и тронулись в путь. Довольно крутой подъем одолели за полчаса и к шести вечера практически все выползли.

Взбодрившийся Бодунов даже успел расстрелять запас гранат из АГСа по уходящим из кишлака «духам».

— Ник, ты чего так хреново себя ведешь? — насмешливо спросил Сбитнев. — Такой опытный воин и издох! Не ожидал, не ожидал. Падаешь в моих глазах! Я тут воюю почти в одиночестве, а взводные у ручья прохлаждаются.

— Зато с тобой вон какой джигит с Кавказа! Правильно, Сашка? — отмахнулся я от упрека и похлопал по плечу взводного.

Мандресов криво усмехнулся в ответ и продолжал нервно курить мятую-пермятую сигарету. Руки его сильно дрожали, в первый раз попал в горы, и сразу бой с «духами».

— Понимаешь, Володя, как обухом по башке дало, и словно через центрифугу пропустили. Ломит все кости, перекрутило мне мышцы, думал, помру. Это же надо, сволочи, послали роту без воды в такую адскую жару. У меня лишь на донышке в одной фляжке было грамм сто и все. Хорошо, никто не умер.

— Как там Уразбаев и Таджибабаев? — поинтересовался командир роты.

— Уразбаев был совсем плох, на КП, когда понесли, был прямо серый, лицо почти землистое. А Таджибабаева в чувство привели, думаю, минут через двадцать подойдет, ему Алимов помогает пулемет нести, — ответил я.

— Только начали операцию, а рота уже редет, — вздохнул Володя.

— Ну, а как ты тут, какие результаты дневной перестрелки? — спросил я ротного.

— Да вон, у того дувала, ближайшего к дороге, лежит три или четыре тела. Это из своих ПК Мурзаилов с Зибоевым достали. Молодцы братья-мусульмане! Пора сержантами делать, — улыбнулся Володя и продолжил рассказ: — Арамов и Шерстнев со своими взводами, зажали в ущелье каких-то наемников, негров-арабов, человек десять завалили. Утром раз-

ведка спустится, разберется, кто такие и сколько их валяется. Сейчас начнется артобстрел долины, и целую ночь в небе будут «факелы» вешать, чтоб «духи» отомстить в темноте к нам не полезли.

— Я думаю, они теперь далеко драпанут, пока мы не уйдем, не вернутся. Они же не ожидали, что их обложит армия со всех сторон. Тут — «край непуганых дураков»! Наверное, оттого они в открытый бой вступили с сидящими сверху «шурави», что воевать не привыкли. А только грабить обучены. Обычно опытные «духи» стараются, чтобы было наоборот сидеть выше нас.

— А в этот раз не получилось! Мы их топтали и с грязью смешивали, — криво ухмыльнулся Володя. — Что ожил или не совсем? Воды принес командиру?

— Принес, правда, не тебе, а исключительно для себя, но, учитывая твои сегодняшние заслуги, выделю вам с Мандресовым полфляжки на двоих, — ответил я.

— Почему так мало? — возмутился ротный.

— А ты как хотел, чтоб я себе половину оставил, а вам полную? Не жирно? — размышлял я вслух. — Ну ладно, пользуйтесь моей добротой, пейте на здоровье.

Солнце быстро опустилось за горный хребет, и воздух из огненной смеси стал вполне «употребим». Голова еще болела, но тело теперь достаточно хорошо подчинялось командам моего мозга. Я достал три банки с паштетом и стограммовую с яблочным соком. Отпразднуем окончание этого тяжелого дня.

— Что, как ты, Ники? Жить будешь? Очень тяжело? — участливо спросил Володя.

— Сейчас уже почти чувствую себя человеком, а часа три назад ощущал, что становлюсь шашлыком, суп-набором и бульоном одновременно. Мозги почти закипели в кровавом соусе. Верись, мочи в организме совсем нет, отсутствует, а ведь я недавно две литровые фляжки выпил! В глазах помутилось, ни черта не соображал, думал, скончаюсь. Но оклемаюсь. Сероиван сказал, это был тепловой удар, но не в самой тяжелой форме. А вот некоторым очень сильно досталось, особенно Уразбаеву. Жалко, хороший узбеченок пришел с пополнением. А что же день завтрашний нам принесет?

— Завтра будет отдых. По плану — лежим и балдеем, а разведка пойдет вниз, прочешет руины. Давай, угощу тебя соком, а то вид у тебя никудышный, болезненный, витамины, может, оживят, — хмыкнул Сбитнев и крикнул: — Саня, иди к нам, третьим будешь.

Рядом с нами молча присел поужинать Мандресов. Взводный был растерян и задумчив. Он автоматически ковырялся ложкой в банке, проглатывал еду, жевал, но в мыслях был где-то далеко.

— Ну что, Сашек, как тебе первый бой? Как война? — спросил Володя. — Давай закурим вдвоем хабарик, а то замполит парень не компанейский, староввер какой-то, не курит, почти не пьет и баб не

— Зря ты так обо мне. Все тобою перечисленное, кроме курения, хорошее занятие, но в меру. А никотин ни уму, ни сердцу, я — что паровоз, чтобы дымить? — огрызнулся я.

— Ни хрена ты не понимаешь в прелестях жизни. Сесть на камень, затянуться сигареткой, вкусной, красота! Выдохнуть несколько колец дыма ртом, пустить красивые клубы через нос — это искусство. А как становится легко, нервы успокаиваются, тело расслабляется, — нравоучительно принялся выговаривать Сбитнев, а Мандресов кивал головой в поддержку. — Был бы хорошим человеком, получал бы сигареты на складе и нам отдавал, — уже сердито закончил Володя.

— Да пошли вы к черту, «табашники». Я посмотрю на ваш кайф, через пару недель, когда эта зараза у вас закончится. Вот это будет радость для моей души, бальзам сердцу! Все хватит трепаться! Вы можете хоть до утра дымить, а мой ослабевший организм требует восстановления, сонотерапии.

* * *

Утром мы с Володей сидели у обрыва и пили чай с последними галетами и разговаривали о том о сем: что происходит в ущелье, о бестолковости планов командования, о домашних, о детях. Внизу дымился раздолбленный кишлак, а по тропе вдоль горной и бурной речушки шли разведчики. Вначале прошла разведка дивизии, затем наша разведка и в замыкании Пыж со своими тяжело нагруженными «архаровцами». Весь его взвод — это десять человек. Солдаты медленно и осторожно двигались след в след, вплотную друг к другу.

Тропа возвышалась над бурной рекой метра на три и резко обрывалась у воды. Внезапно дорога, по которой они шли, казавшаяся надежной, обвалилась в нескольких местах, и в быстрый горный поток посыпались нагруженные солдаты. Четверых бойцов, цепляющихся за край выступа, успели подхватить за руки товарищи, а трое упали и закувыркались в ледяной воде. Пару раз то голова, то ноги появились среди брызг и совсем исчезли. Автомат, бронежилет, каска, мешок, ленты, гранатомет все это навешано на каждого и пристегнуто, сразу не сбросишь. Моментально наглотались воды, вот и ушли ко дну. Несколько солдат бежали вдоль берега еще метров сто, но никто не вынырнул, а быстрое течение не оставило ребятам никаких шансов спастись. Оказалось, в этом месте речушка подмыла песчаный берег, дорога метра на полтора зависла над рекой и не выдержала веса идущих. Все могло обрушиться вчера, час

назад, пять минут назад, через полчаса. Не под этой группой, так под другой. Но гибель выпала именно этим. Погиб один солдат из взвода Пыжа и два разведчика разведроты полка. Поиски по руслу до самого захода солнца, но эти усилия не дали никаких результатов.

Командование впало в прострацию, и всех оставили на своих местах на три дня без передвижений, а затем вывезли на вертолетах в Поли-Хумри.

* * *

Мы шли по тропе, а на изгибе ручья, на мелководье в камнях лежали тела мятежников. Набегающая мелкая волна шевелила их волосы и бороды, качала руки и ноги, казалось, что они прилегли отдохнуть, спасаясь от изнурительного зноя. Правда, некоторые «охлаждались» лицом вниз, целиком скрывшись в воде.

Вот так же и наших утонувших солдат где-нибудь выбросит на отмель или прибьет к валунам, и вряд ли кто похоронит по-людски.

Начала работать комиссия особого отдела армии. Показания, объяснительные, докладные записки, рапорта. Не изъявлял ли кто из утонувших желания дезертировать, перейти на сторону «духов». Тела не найдены, значит, без вести пропавшие. Закрутилась бюрократическая карусель с всякими домыслами вокруг человеческой трагедии. Появились проблемы с похоронами, оповещением родных и донесением в вышестоящие штабы.

Погибли и вроде не погибли. По крайней мере, на бумаге «без вести пропавшие» — этот ярлык, отдает душком «сталинизма» и перекликается с другим пережитком той эпохи «враг народа»

Обзовут «без вести пропавшим» и словно грязью перепачкают твое имя!

* * *

Вновь горы, опять прочесывание кишлаков, поиски складов с боеприпасами и оружием, разминирование, минирование. Два дня работы и новая задача. Володя перенес на свою карту точки десантирования с карты Лонгинова. Затем быстро сложил ее в боковой карман мешка. Планшеты, как в кинофильмах о войне, никто не носит — не удобно, без того все висит и болтается.

Прилетела первая группа вертолетов и в авангарде отправилась третья рота и разведвзвод. Третьей — сам бог велел идти впереди всех, как никак горнострелковая рота, любимчики Лонгинова. Горная новенькая экипировка, полный комплект офицеров обученных скалолазанью.

Внезапно налетевший порыв ветра быстро покати́л полупустой рюкзак Сбитнева на край площадки. В нем, кроме спального мешка и карты, ничего не было. Паек съели, воду выпили, а запасом гранат и патронов Вовка себя отягощать не стал, все в нагруднике. Рюкзак быстро подкатился к обрыву, чуть задержался, и новая волна воздушного потока от винтов очередного вертолета швырнула его вниз, в глубокое ущелье.

Ротный захлопал глазами, громко и витиевато выругался и, швырнув панаму на землю, в гневе ее растоптал. Я подошел к краю и взглянул вниз: рюкзак летел и подпрыгивал на каменных уступах. Катился, катился, и наконец, остановился. Спуститься за ним пришлось бы метров на триста вниз, а затем нужно еще с ним возвращаться. Присоединившийся ко мне Сбитнев почесал затылок и зло заорал на Сашку Фадеева:

— Сержант, ну чего думаешь? Кто мой связист и ординарец, ты или не ты? Почему не подхватил рюкзак? Теперь дуй вниз за ним! Не успеешь, улетим без тебя, поэтому торопись! Оружие и шмотки оставь тут. Бегом!

Сержант, матерясь на чем свет стоит, принялся спускаться вниз, а подскочивший к нам Лонгинов начал ругаться:

— Какого черта Вы туда сержанта отправили? Что из-за Вас десантирование задерживать? На кой хрен этот пустой мешок сдался, Сбитнев?

— Мешок, может, и не нужен, но там карта лежит в боковом кармане, на ней и кодировка и задачи обозначены, — ответил хмуро Володя.

— Товарищ старший лейтенант! Я просто поражен! Вы что себе позволяете? Утрата секретного документа в ходе боевых действий! На территории противника! Как прикажете докладывать? То они «подствольник» прое...ут, то карту! — взбеленился Бронезилет.

— Чего докладывать, чего шуметь? Полчаса — и сержант вернется, он шустрый, — ответил за Володю я.

— Замполит, тебя никто не спрашивает, не вмешивайтесь. Вы хотя бы видели, куда он упал? — продолжал злобствовать Семен Николаевич.

— Мы видим, и сержант видит. Сейчас он почти у цели, я сам с ним последним вертолетом вернусь, — успокаивающе ответил Володя.

— Ну-ну, не успеете, будете с Фадеевым вдвоем пешком по горам возвращаться, — высокомерным тоном закончил разнос Лонгинов и удалился.

— Черт, какая-то невезуха! — вздохнул Сбитнев, и мы принялись ждать возвращения Сашки, склоняясь над обрывом.

Вертолеты кружили над ущельем, выгружая одну за другой группы пехоты. Горная гряда была с острыми вершинами, скалистая, с глубокими, крутыми обрывами. Ветер не позволял приземляться винтокрылым

машинам. Поэтому вертушки зависали на краю узенькой площадки в двух-трех шагах от обрыва, а солдаты с высоты трех метров прыгали вниз и отбегали в сторону подальше от работающих винтов.

Я прильнул к иллюминатору и наблюдал высадку второго взвода, следующие мы. Вот «борт» завис над узеньким плато, и солдаты по моей команде принялись десантироваться. Вертолет трясся, словно в горячке, и борттехник всех торопил и выталкивал в люк. Впереди шедший сержант с воплем вывалился вниз и еле-еле удержался на краю обрыва, вцепившись растопыренными пальцами в землю.

Летчик толкнул меня в спину, я сделал шаг вперед, но, взглянув вниз, вернул ногу обратно в вертолет и отпрянул назад, отталкивая «бортача».

— Ты куда, козел долбаный, меня толкаешь? В пропасть? Я тебе что «Карлсон» что ли? У меня что в заднице пропеллер? — начал ругаться я на него.

— Прыгай, солдат, — заорал вертолетчик. — Быстрее выпрыгивай, а то мы улетаем.

— Пошел ты на х...! Я лейтенант, а не солдат! И посмотри, куда ты меня толкаешь!

Борттехник, держась за края люка, взглянул вниз и заматерился. Прижав к горлу ларингофон, по радиосвязи начал давать указания пилоту.

— Извини, брат, ветром чуть-чуть отнесло. Прости, что так получилось. Не обижайся и не сердись!

— Если бы ты меня еще сильнее в спину толкнул, то извинялся бы и говорил свое «прости» моему изуродованному трупу. Я же не олимпийский чемпион Валерий Санеев с загруженным мешком и оружием на три метра вперед прыгать!

— Виноваты, виноваты, но и метеоусловия неважные, что поделать, сносит в сторону, да и пилот молодой, неопытный. Ну все, уже вернулись обратно, сейчас над плато, скорее прыгай.

Я опять осторожно выглянул площадка прямо подо мной.

— Смотри, не забудь кого другого, — крикнул я ему, еще раз оглядевшись. — Головой думать надо, прежде чем выталкивать!

Летчик больше в спину пихать не стал, поэтому я мягко упал на четвереньки и уполз по булыжникам в сторону, подальше от пыльного вихря, вызываемого винтами.

Закрепились, осмотрелись, обстреляли кишлак в долине, «духи» нам ответили тем же. Все, как всегда на войне, обыденно до безобразия: кровь, огонь, смерть.

Мы играли в карты, лежа в просторном укрытии: я, Сбитнев и минометчик Радионов. Хорошее «духовское» укрепление с толстыми стенами, превратилось на неделю в укромное, комфортабельное жилище — век бы в таком сидели и не уходили. Тем временем по радиосвязи

творилось что-то странное. Командир дивизии уточнял у разведроты и взвода Пыжа, заходили ли они в такой-то квадрат, а точнее кишлак в этом квадрате согласно кодировке на карте.

Разведчики, чувствуя какой-то подвох, мялись и что-то докладывали несвязное. Комдив кипел и негодовал. Эти переговоры то прерывались, то возобновлялись. Командир разведроты капитан-десантник, по фамилии Ардзинба, только недавно принял должность, но дров уже наломал немало! По его вине погиб и Петя Турецкий и солдаты. Теперь он сильно нервничал и суетился.

Распросы комдива закончились и начались переговоры с разведчиками по очереди: на радиосвязь выходили то особисты, то начальник политотдела, то зам. командарма. Ошуев полчаса Ардзинбу расспрашивал, что-то пытался уяснить для себя лично. Что там стряслось? Непонятно...

Внезапно операцию по прочесыванию прекратили, можно сказать, оборвали как песню, на полуслове. Всех вернули вертолетами к технике, и возня вокруг разведки продолжилась. Командиров частей собрали на совещание, а когда из кунга Ошуева вернулся Лонгинов, все прояснилось.

Кто-то изнасиловал аборигенку. Совсем молоденькая девчонка, лет шестнадцати, оказалась дочкой то ли вождя, то ли старейшины, то ли представителя местной власти. Да ее и не один «попользовал», а вдвоем. Назревал крупный скандал. В афганских частях забурлило недовольство действиями союзников — «шурави». «Зеленые» могли выйти из-под контроля, а это — срыв спланированной Генштабом грандиозной операции.

В широком поле выстроили всех, кто был в кишлачной зоне: разведчиков, несколько рот десантников, роту спецназа. Вдоль строя прошла женщина в парандже и указала на двоих солдат-насильников.

Черт! Один — чеченец, другой — русский, и оба из нашей разведроты. С демонстрационного показа вернулся бледный и взмокший Пыж.

— Мужики, я был в предынфарктном состоянии! Девица минут десять разглядывала взвод. Ну, думаю, хана: кто-то из моих. Нет. Нашла обоих парней у Ардзинбы. Вовка, ты с ним подружился, иди, успокаивай, посочувствуй капитану.

— Что теперь с ними будет? — поинтересовался Володя.

— А хрен его знает. Обоих забрали на гауптвахту в Кундуз, а самого командира роты полковник Баринов минут пятнадцать колотил. Но его недавно назначили, с него как с гуся вода, взводного Бурова вместо Турецкого тоже недавно прислали. Пострадают старшина и замполит Сурков. Думаю, и Ардзинбу все равно позже снимут или переведут куда-нибудь.

— Неприятная история, но Суркову по большому счету давно наплевать на все, ему в конце июля будет замена, орден уже получил, «старлея»

присвоили, а с роты никто не снимет, ниже некуда, — задумчиво произнес я, шокированный этими новостями. — Хороши интернационалисты!

— Ну что ж, в Афгане никто его не задержит, в наказание, значит, остается что? Выговор! А выговор — это не триппер, это даже совсем безболезненно. Раз и все. Не больно. Выговор получить немного неприятно, но не смертельно. Замполитам как всегда везет, — ухмыльнулся Сбитнев.

Время обеда, и мы двинулись к полевой кухне, рассказывая, друг другу анекдоты и различные байки, но на душе было гадко.

В раскрытом десантном отделении БМП разведвзвода на сидении, лежало несколько книжек, они-то и привлекли мое внимание. Что у нас тут есть интересного? Бондарев «Батальоны просят огня» — когда-то читал. Симонов «Живые и мертвые» — купил в прошлом месяце всю трилогию. Еще всякий мусор из любимых властью и обласканных партийных писателей в стиле соцреализма, скучища одна. Что-то из ЖЗЛ, книжка о командармах, героях гражданской войны. Ладно, свистну сборник повестей Конечного, будет время в горах, почитаю.

За столом сидела теплая компания, состоящая из Мелещенко, Афони, Пыжа, Луки, Шкурдюка и Габулова. Все посмеивались над незадачливым Миколой, который что-то говорил неласковое в наш со Сбитневым адрес.

— Ну, шо, Микола, ты тут опять воду на мельницу империализма льешь, всякие козни замышляешь? Какие претензии к первой роте? — сразу взял «быка за рога» Володя. — Будем продолжать вести интеллектуальные беседы, возобновим тест на тупость?

— Возобновим, но только теперь моя очередь, я буду пытаться твоего зама, а то Никифор очень уж умничает. Так и я могу подготовить десяток вопросов и задач, да умным и образованным себя показать, — ухмыльнулся Мелещенко.

— Начинай, спрашивай, эрудит ты наш. Только уговор: все по гуманитарному профилю. С чего начнем? — решительно ответил я.

— Кто написал «Гранатовый браслет» и «Князь Серебряный»? — хитро улыбаясь, спросил Мелещенко.

— «Гранатовый браслет» — Куприн, а «Князя Серебряного» — Толстой, — ответил я. — А на засыпку встречный вопрос тебе, Николай, а каторый Толстой автор?

— Алексей Николаевич, — ухмыльнулся Мелещенко.

— А вот и ошибся, Алексей Константинович! — поправил я.

— Стыдно такому умнику отчество выдающегося советского писателя не знать, — язвительно начал Мелещенко, но я его тут же оборвал.

— Николаша! Что б ты был в курсе, Алексей Константинович и Алексей Николаевич — это разные писатели и жили в разные времена. Извес-

тний русский писатель Алексей Константинович и есть автор «Князя Серебряного», как и соавтор «Козьмы Пруткова». «Козьма Прутков» — это как раз про тебя и для тебя, изучай!

Вовка Сбитнев покатывался со смеху, Лука и Афоня откровенно издевательски громко ржали.

— Колян! С литературой ты не в ладах, я тебе гарантирую разгром. Давай к истории, — остановил я Мелещенко.

— Ну, к истории так к истории. Ответь мне: кто командовал фронтами Красной Армии в гражданскую войну?

— Это легко: Каменев, Вацетис, Тухачевский, Егоров, Сытин, Славен, Гиттис, м-м-м..., Шорин, Смилга, Антонов-Овсеенко. М-м... Может, кого и забыл двух-трех, но вроде бы все. А фронта: Западный, Северный, Южный, Юго-Западный, Украинский, Восточный, Туркестанский, Кавказский. О, еще и Урало-Оренбургский!

— Я даже догадываюсь, откуда ты это про гражданскую войну вопросы задаешь! Вон стоит моя БПМ № 641, в десанте лежит брошюрка, я ее у Ростовцева перед рейдом в ленкомнате слямзил с бойцами политзанятия проводить. А сегодня наблюдал, что ты ее листал перед тем, как сюда подойти, — ухмыльнулся разведчик Пыж.

Все сидящие за столом покатывались от смеха, громко смеяться уже не мог никто.

Николай встал, злобно обозвал нас «долбое...», и что-то бурча себе под нос, удалился.

— Ну, вот и поговорили, — ухмыльнулся Ветишин. — Закончилось тестирование Николашки. Больше претензий на интеллектуальность он предъявлять не будет. Раз сельпо, значит сельпо.

Вся гигантская колонна постепенно выдвигалась из пригорода Кундуза. Тысячи машин взревели моторами и нарушили покой сонного «средневековья». Солнце только недавно взошло, но уже стояла нестерпимая жара.

Лонгинов назначил взвод Мандресова охранять тыл батальона, и я присоединился к нему, чтобы помочь в случае чего советом. Базовый лагерь армейской группировки стоял чуть в стороне от аэродрома на возвышенности, от него шли две дороги в противоположных направлениях. Полк за полком, бригада за бригадой в течение нескольких часов по очереди начинали выдвижение. Техника размещалась огромным табором, повернутая в разные стороны, и «комендачам» стоило большого труда распределить и упорядочить начало марша. Нам предстояло следовать за бригадой тыла, ее «Уралы» и КАМАЗы дергались взад-вперед, маневрируя, чтобы выстроить колонну, и тем самым поднимали гигантские клубы пыли. Мы дергались одновременно с их перемещениями, чтобы не создавать «пробку» и не мешать идущим за нами частям. Стоящему рядом авиационному гарнизону было глубоко наплевать на мучения пехоты и на порядок построения. Мимо, прямо через боевые порядки армии, мчались три машины: две с надписями на цистернах «Вода» и БТР сопровождения. Они пропылили поперек поля и сбили с толку одного из водителей. В пыли он потерял ориентацию и помчался вслед на своем «Урале».

Как нитка за иголкой, затем поехала оставшаяся часть колонны. Когда машина поднялась на небольшой пригорок, я увидел, что мы мчимся лишь за несколькими впереди идущими «Уралами». А, оглянувшись, разглядел, что за нами устремилась целая армада, но другая ее часть, причем гораздо большая, идет совсем в другом направлении.

— Саня! Мы не туда поехали! — прокричал я в ухо Мандресову, перебивая шум двигателя.

Сашка вскочил на башню, держась за открытый люк, и громко и витиевато заматерился.

— Что будем делать? — вытаращил он на меня черные, как маслины, глаза.

— Надо попытаться остановить зам. по тылу, а если не получится, то развернем остальную колонну. Черт знает, куда мы так заедем!!!

— Я сейчас сяду за рычаги вон там, на изгибе дороге, срежу путь, а ты тормози Головского, — крикнул командир взвода и бросился к люку механика водителя.

Машина на мгновение остановилась, а затем, резко рванувшись с места, помчалась еще быстрее через пыльное плато, наперерез, сокращая путь. Вскоре мы поравнялись с машиной зам. по тылу, и я принялся энергично размахивать руками, призывая капитана остановиться. Головской посмотрел в нашу сторону, протер толстые стекла очков и, ничего не понимая, отмахнулся и еще погрозил кулаком. Самое смешное было то, что он сидел в кабине, надев на голову каску, потный и красный, и в бронежилете на голое тело, а на дверце машины висел еще один броник. Его автомобиль внезапно прибавил скорость и вырвался вперед.

— Бесплезно гнаться, — сказал вернувшийся на башню Мандресов. — Видел сам: у него шары по семь копеек и мчится, ничего не понимая. Разворачиваемся?

— Да, а то голый Головской с каской на голове заведет нас в голую пустыню, — засмеялся я каламбуру.

— И, по-моему, без мозгов в этой голове, — ухмыльнулся Мандресов и крикнул механику: — Тормози!

— Саша, делай большой разворот и возвращайся на стоянку, откуда уехали.

Мандресов присел возле механика, держась за ствол пушки, и принялся управлять механиком, указывая направление, а я замахал руками следующим за нами машинам.

Пылящая и дымящая техника поползла и медленно разворачивалась. За Головским увязался только «кунг» комбата, а сам он продолжал погоню за водовозами.

Ну и черт с ним, балбес слеподырый, у скважины развернется, когда поймет, что едет не туда и сзади нет никого.

Все увязавшиеся за нами экипажи с удивлением наблюдали за этим странным маневром, но, чертыхаясь и матерясь, проделали то же самое. Вереница машин вытянулась в нужном направлении, и вскоре мы были в недавно покинутом лагере. Кто-то из командиров понял, что двигаться нужно в обратном направлении, и поток встречных машин прекратился. Возвратившиеся по команде регулировщика пристроились за несколькими последними бензовозами и не спеша поехали в сторону Талукана.

— Саша, — обратился я на одной из коротких стоянок к Мандресову, — давай распределимся по машинам. Я поеду на третьей, зам.комвзвода Юревич на второй, а ты на первой. На тех двух БМП сержанты совсем молодые, могут растеряться при обстреле.

— Согласен. Юревич, бери оружие и бегом на шестьсот восьмую, замполит идет на шестьсот девятую, — скомандовал сержанту старший лейтенант.

— Юра, если обстрел, не тушуйся, открывай во все стороны огонь из всего, что стреляет. Места для нас новые, незнакомые, «духи» тут наглые, непуганые.

— Есть стрелять из всего, — улыбаясь, ответил маленький сержант.

К середине дня мы прошли Талукан, который афганцы и местный разведбат накануне взяли штурмом, и очистили его от «духов». Вновь короткий привал, но уже на обочине прямо в колонне. Лонгинов собрал офицеров и сразу накинулся на меня:

— Лейтенант, вы почему бросили капитана Головского?

— Мы его не бросили, он сам убежал от нас, — ухмыльнулся я.

— Что за чушь несешь? — возмутился капитан. — Где сейчас зам. по тылу?

— А бог его знает. Может быть, воду набирает, а может быть, ищет дорогу в Кабул.

— Какую еще воду? Зачем ему вода?

— Он помчался вслед за водовозками вертолетчиков. Мы его пытались остановить, сигналили, но он ни черта не слушал, а гнался за ними. Половина колонны увязалась следом, машин сто, не срывать же армейскую операцию из-за слепого тыловика.

— Надо было его как-то остановить!

— Как, очередь из пулемета по колесам? Мы его догнали, я руками махал, чтоб он притормозил, а капитан отмахнулся и, наоборот, скорость прибавил.

— Черт! Вот дурак-то! Куда помчался? Как все произошло?

— Да эти ослы наперерез к колонне поехали на трех машинах, пыль подняли и запутали двух водителей бригады, а он за ними. Разберутся, часа через два-три догонят.

— Лишь бы к «духам» не попали! А то будем перед особистами отчитываться, в трибунале разбираться.

— Зам. по тылу просто так не убивают, товарищ капитан, обычно тыловиками торгуют. Правда, такого толстого могут пустить на шашлык.

— Глупые шуточки! Молись, если умеешь, чтобы все было в порядке!

— Да нет! С ними БТР сопровождения, а у Головского такой угрожающий вид: сидит в кабине в каске, обвешанный бронежилетами! Умора. Кто же в бронике ездит — только последний дурак.

— Вы так действительно считаете? — злобно проговорил сквозь зубы зам.комбата.

— М-м-м, вообще-то, да.

— Вот и хорошо. Объявляю вам выговор за нарушение формы одежды, конкретно за отсутствие бронежилета! Свободен! — рявкнул Лонгинов.

Володя потянул меня за рукав, увлекая подальше от разозлившегося и матерившегося Лонгинова. Когда мы отошли, Володя накинулся на меня с упреками:

— Ты почему не доложил о происшествии с Головским?

— Володя, а чего панику поднимать? Чтобы вся армейская верхушка узнала о том, какой Саня бестолочь? Ничего страшного. Поймет, что не туда помчался и вернется. Не потеряется, пристроится к хвосту какого-нибудь полка.

— Ну и с Лонгиновым ты погорячился, — сказал ротный.

— Да вылетело про этот броник случайно, вырвалось, а слово не воробей. Глупо получилось.

— Сначала думай, потом говори! — прорычал Сбитнев.

— Я все время стараюсь поступать таким образом, но не всегда получается. Вырвалось непроизвольно.

— Вот тебе Бронежилет кое-что между ног нечаянно оторвет. Непроизвольно. Иди, прячься на БМП и не появляйся до окончания марша ему на глаза, — толкнул меня в спину ротный. — Быстро исчезай!

Сбитнев коротко рассказал о происшедшем штурме города, о потерях и вернулся к разозленному Лонгинову, чтобы попытаться сгладить конфликт.

Чертыхаясь и бурча проклятия себе под нос, ругая себя, Лонгинова, Головского, войну и «духов», я подошел к своей машине.

— Механик! — заорал я, забарабанив автоматом по крышке люка.

— Я здесь, — высунулся, протирая глаза, Рахмонов. Широкое, заспанное и серое от пыли лицо солдата пересекали полосы высохших подтеков пота. — Слюшаю вас.

— Чего наша машина тарахтит, заглуши движок!

— Аккумулятор сопсем плехой! Не заведется.

— Не заводится, не работает, вечно что-нибудь не так, — раскричался я на водителя. — Так и будем газовать да Файзабада?

Механик глупо улыбнулся широкой доброй улыбкой и исчез в люке. Я забрался на башню и вновь принялся орать теперь уже на дремлющих солдат:

— Эй, балбесы! Проснулись! Хватит храпеть! Спите уже вторые сутки напролет, как бурые медведи! Еще бы лапу сосали и причмокивали. Быстро ополоснули физиономии! Попрыгать, потряхнуться, почесаться.

Солдаты нехотя слезли с машины и принялись отмывать лица. Занятие, конечно, бесполезное, так как через полчаса движения к влажным лицам вновь прилипнет еще больше пыли. Просто очень захотелось увидеть их лица бодрыми, не хочу ехать один посреди сонного царства.

Опять они вцепятся в стволы автоматов и будут дрыхнуть — на все наплевать! Ничто не заставит бодрствовать, даже угроза артобстрела. Удивительно!

— Проснулись? Тут разведчиков из местного разведбата раздолбали, никому не спать!

— Как так раздолбали? — удивленно переспросил Свекольников.

— Обыкновенно! Даже комбат погиб. Убито пять офицеров и с десяток солдат, надо же было придумать — встать истуканами на открытом участке, развернув карты. Их недавно из Туркмении перебросили, неопытные. «Духи» из минометов и безоткатки накрыли квадрат, получилась кошмарная бойня.

Эта новость немного встревожила бойцов, и солдаты принялись перешептываться и озираться. Поэтому, когда колонная вновь поехала, никто уже не спал, солдаты были настороже. Но бдительность все равно со временем притупляется, и когда через четыре часа внезапно раздались первые выстрелы, то оказалось, что почти все бойцы спали. Я тоже дремал.

Бах, ба-бах, тр-рр-р...

Впереди идущий «газик», резко затормозив, встал поперек дороги, а наша БМП поддала ему в бампер. От удара задняя дверь «санитарки» распахнулась, и оттуда посыпались ящики и коробки.

— Ткаченко, разворачивай башню, огонь из пушки пулемета! — крикнул я наводчику и, стреляя из автомата по зарослям, спрыгнул с машины.

Все солдаты высыпали, как горох, на дорогу и залегли между катков и в придорожной канаве. Я выглянул из-за брони и увидел суетящиеся в рощице фигуры нападавших. Оттуда летели трассы, раздался выстрел из гранатомета. Граната пролетела чуть выше кабины ехавшего сзади ЗИЛа.

— Огонь! Всем огонь! — закричал я. — Стрелять, не прятаться! Не быть пушечным мясом!

Магазин опустел за пять секунд, второй опустел еще за десять, третий пошел уже одиночными выстрелами. Между фальшбортом и броней лежал гранатомет. Я подтянул за ремешок «муху» к себе, взвел и прицелился в установленный в винограднике ДШК. Выстрел. Вроде попал, потому что стрельба оттуда прекратилась, и раздались пронзительные вопли. Очереди из развернутой автоматической пушки резко ударили по ушам, били по барабанным перепонкам, как будто на голову надели кастрюлю и стучали по ней молотком. Я взглянул на бойцов, и сердце обрадовалось! Снайпер Царегородцев лежал прямо у моих ног и, выбирая жертвы, посылал пулю за пулей в цель. Свекольников, лежа на спине, перезаряжал магазины, а подавал их стреляющим маленький Якубов.

Бойцы вели огонь короткими очередями. Гурбон поливал свинцом кустарник длинными в полмагазина. Все идет отлично! Никто не прячется, никто не хнычет, не лежит мордой в землю и не паникует. Даже Тетрадзе в кого-то целится!

Но как же бьет по барабанным перепонкам эта пушка! «Духи», не ожидавшие дружного отпора, прекратили стрелять и теперь уносили раненых и убитых, а мы молотили по дувалам и винограднику. Еще минут пятнадцать.

Наконец, пушка и пулемет БМП замолчали, механик Рахмонов, лежа на «ребристом» листе, пару раз выпустил гранату из подствольника в виноградник, и пехота прекратила стрельбу. Наступила относительная тишина, слышны были только хрипы и стоны кого-то рядом, а от «санитарки» раздавался мучительный, душераздирающий вопль.

Ткаченко высунулся из люка и прокричал:

— Одна укладка закончилась, лента в пулемете тоже.

— Ну так заряжай ленту и переключай на вторую укладку, — ответил я ему. — Якубов, заряжайте магазины, я пойду посмотрю, что там случилось.

Пригибаясь и прячась за бортом машины, я добрался до кабины «газика».

Жуткая картина! На асфальте лежал окровавленный сержант и скреб ногами по асфальту, держась за живот. Его рану пытался зажать, чтобы остановить кровь и перевязать, испуганный санинструктор. Я заглянул в кабину: она была вся в сквозных отверстиях, стекла разбиты, а на руле лицом вниз лежал водитель. Кровь! Кровь! Кровь везде — на лице, на руках, на полу. Ужасная дырка в голове шофера, из которой уже не текла и не капала, а лишь чуть сочилась загустевшая кровь. Мгновенная смерть. А у второго солдата раны не менее ужасны, но, может быть, вытянет, главное — быстрее его отсюда вывезти. Подбежавший прапорщик Сероиван принялся колоть промидол раненому, накладывая ему резиновые жгуты, быстро разрезал х/б на руках и ногах и перевезал его. Не тело, а сито, все в осколках!

Я вернулся назад, пригибаясь, подошел к ехавшей сзади машине и осторожно заглянул в открытые двери: кабина пустая, разбитая осколками. Подошел к следующей. Там у переднего колеса лежал, прислонившись к нему, бледный солдат с перевязанными головой, рукой, ногой. Еще одному досталось.

— Кто еще есть раненый? — спросил я у сержанта.

— Нет, только Петьку зацепило, нужно как-то вывезти в госпиталь, — откликнулся тот.

— Сейчас пойду, по связи помощь вызову, не высовывайтесь! Лежите за машиной!

На дороге коптила горевшая машина. Я запросил зам. комбата, сообщил о потерях во взводе обеспечения и услышал в ответ сплошной мат.

— Что орать, я, что ли, их убил? — рявкнул я. — У меня на БМП весь боекомплект закончился, пока отстреливались.

— Ладно, ладно, замполит, не кипятись. Чего орешь? — перешел на нормальный язык Лонгинов.

— А я и не ору, а докладываю. Нужно срочно вертолет вызывать.

— Хорошо, сейчас вызовем.

Вскоре прилетели вертолеты, долбанули по кишлакам, а «Ми-8» сел на полянке у дороги, забрал раненых, убитых и умчался в Кундуз.

Где-то вдалеке на шоссе еще что-то дымилось и горело, кое-где еще стреляли, но в основном все успокоилось. Клубы пыли над кишлачной зоной ветерком относил в сторону, и стали видны результаты и нашей «работы». От трассирующих пуль загорелось несколько крыш и стогов сена, появились новые проломы в дувалах. Трудно понять, что в этих ветхих глиняных закоулках разрушилось от попадания снаряда, а что осыпалось от времени. Вскоре подъехали несколько грузовых автомобилей с афганскими солдатами, и командиры принялись организовывать прочесывание зеленой зоны. «Сарбосы» двигались неохотно, «зеленые» вообще не хотят воевать, они предпочитают посидеть у костра, сварить баранину, приготовить плов, помолиться. Они способны только идти вслед за нами и что-нибудь стащить по дороге. Шайка, банда мародеров и жуликов, да и как иначе, если армия набрана путем облав на мужчин призывного возраста от восемнадцати до шестидесяти лет. Некоторые солдаты на вид древние старики, но попадались и совсем мальчишки, прямо дети.

Тем временем колонна медленно двинулась дальше. За руль «санитарки» сел другой водитель, а разбитый ЗИЛ взяли на сцепку. Броня шла очень медленно, вела для профилактики шквальный огонь по всем кустам, развалинам и виноградникам.

Через час неторопливого движения доехали до изгиба дороги, которая располагалась в глубоком ущелье. У обочины стояла и тархтела, не глуша двигатель, командирская машина, на пушке сидел ротный и махал рукой, делая знаки, чтобы мы остановились.

Я дал команду «вперед» механику, и мы пристроились в трех метрах от кормы. Мы с Володей одновременно прыгнули и пошли друг другу навстречу.

— Ник! Как дела? Живой, чертяка! — улыбнулся, блеснув вставными зубами, Сбитнев.

— Жив-здоров, чего не скажешь о водилах взвода обеспечения.

— Да, неудачно рейд складывается. Два трупа в полковом тылу, у артиллеристов тоже труп, несколько раненых. Только что сообщили: по-

гиб новый командир взвода ППВ из второй роты. Я его даже в лицо не знаю, какой-то прапорщик приехал вместо моего землячка Бориса. Первый рейд — и амба! Голову выстрелом гранатомета оторвало! Еще несколько солдат ранено.

— А Афоню и Луку не задело? — озабоченно поинтересовался я.

— Нет, а что так за них переживаешь?

— Денег перед рейдом очень много им занял, а они их пропили. Не хочется без «бабок» в отпуск ехать.

— Ну-ну, один с твоими деньгами сбежал, другие пропили, что-то ты чеками швыряешься, лучше вообще не получай, пусть в кассе лежат или мне займи, — улыбнулся Володя.

— Ага, и потом переживай за тебя: шандарахнет ротного еще раз по башке или нет.

— Значит, если деньги в долг у тебя не возьму, то за здоровье командира роты ты не станешь переживать?

— Нет. Очень сильно переживать не буду. Был один, другой, третий, пришлют четвертого, — ответил я, широко улыбаясь. — Ну, нельзя сказать, что мне совсем на тебя наплевать, конечно, жалко будет, человек все же, да и привыкли уже, почти любим тебя.

Моя шутка пришлось Сбитневу не по душе, и он сердито сплюнул на дорогу и выругался.

— Вот твоя замполитская сущность и проявилась. На людей наплевать, деньги дороже, да?

— Сказал же, чуть-чуть будет жалко, обещаю, честное слово, — ответил я, продолжая улыбаться. — А тебе меня будет жалко?

— Нет, подрезать бы все замполитовское племя под корень, легче стало б жить. Баба с возу — кобыле легче.

— Ну, тогда дохлаков в горах сам будешь подгонять и выносить.

— Вынесем как-нибудь.

— А, кто тебя газетами и книжками будет снабжать?

— Обойдусь.

— А в карты с тобой играть?

— Перебьемся.

— Коньяк-водку вместе пить?

— Никогда больше пить с тобой не буду, отстань от меня! Ничего мне от тебя не надо. Отлучаю презренного и недостойного от самодержавного тела! Отправляйся-ка с третьим взводом на их задачу. Я тебя разжаловал, будешь в ссылке находиться, пока моя душа не отгает.

— Ну и хорошо, иду с Мандресовым. Очень даже рад! — ответил я Сбитневу и хотел уже уходить, но был остановлен.

— Ник, приемничек-то оставь! — широко улыбнулся Володя.

— Это мой!

— Нет, не твой, а имущество роты. «Маяк» на балансе состоит, я за него отвечаю.

— А я его на складе с боем доставал и носил на себе всю дорогу!

— Нет, его БМП возила! Отставить разговорчики, у тебя маленький транзистор есть!

— Вот так-то, говорил, что ничего от меня не надо, а сам последнее отнимаешь, крохобор.

— От крохобора и слышу. Собирай манатки и двигай в гору, вон Мандресов со своими архаровцами по склону идет. Эти бойцы из третьего взвода?

— Да.

— Вот с ними и выдвигайся. Сколько тут с тобой пехоты?

— Пятеро. А машину куда поставить?

— Технику забирает Логинов. Я получу у него последние указания и пойду на соседний хребет, а Вертишин правее меня. Всего три задачи держим. Ну, валяй отсюда, бывший собутыльник, — ухмыльнулся Сбитнев и хлопнул меня по спине.

— Вовка, а может, ты мне сто чеков займешь? Тогда проверим, насколько ты за меня больше будешь переживать.

— Нет, не дам, не хочу я за тебя беспокоиться. Иди с глаз моих долой, торопись, а то БМП с твоим мешком уедет, — засмеялся Сбитнев.

Я сразу заторопился собираться в путь-дорогу. Мешок укомплектован, спальник достать из десанта — минутное дело, привязать его к мешку и в путь.

— Рахмонов, отдашь транзистор ротному лично в руки! Не забудь, а то если придержишь, потом сам в горы с заставы понесешь. Узнаешь, что значит быть настоящим пехотинцем, а не на машине разбегать. Не советую!

— Даже в мыслях не было, — усмехнулся хитрый механик.

— Гурбон, строиться с вещами у машины! — скомандовал я пехоте.

— Бегом, построились, чумасосы! — эхом откликнулся на мою команду младший сержант.

Я оглядел бойцов и распорядился:

— Взвод поднимается на высоту, мы выдвигаемся к ним через две минуты! Якубов-большой впереди, затем я, Свекольников, ты в замыкании. Идти след в след, ноги по сторонам не разбрасывать и клешнями камни не загребать. А то подорвемся без сапера. Гурбон, бери щуп, будешь дорогу прокладывать. Сегодня твоя очередь работать минным тралом.

— Вах! Вам меня не жалко, да? Кто будет плов готовить взводу? — живо откликнулся с тревогой в голосе Якубов.

– Ничего, если что – Уразбаев или твой однофамилец справятся. Внимание! Идти предельно осторожно, друг за другом, не отставать! Якубов-младший, бери бурдюк с водой!

– Она тяжелый! А я маленький! Может, кто другой.

– «Хитрый глаз», хватит отговариваться, солдат, я твою воду за тебя нести не собираюсь.

Все дружно засмеялись шутке над узкоглазым узбеком, и я продолжил:

– Как водичку пить – ты первый, а как ее нести – так не могу!

– Я маленький, мешок больше меня, однако ж. А воды я почти не пью!

– Значит, будешь пить! Тетрадзе, помоги ему нацепить емкость. Гурбонище, трогаемся, быстрее вперед!

Группа медленно потянулась вдогонку за взводом. Вначале крутой подъем метров пятьдесят, а затем более пологий, но кажущийся бесконечным склон. Мы двигались по осыпи, по выскользывающим из-под ног камням, загребая обувью пыль и песок. Сбитнев тем временем умчался на машинах дальше по дороге в сторону Файзабада. Час перехода под палящим солнцем — и мы на месте. Сашка развернул карту и принялся «привязываться» к местности.

— Уф-ф, — выдохнул я, сбросив мешок, вытер пот, присел рядом. — Саня, сориентировался?

— Да хрен его знает. Я в горах еще плохо ориентируюсь, для меня все тут одинаково. Черт поймешь, эту местность: горы, хребты — как под копирку. Давай вместе мудрить.

— Давай. Пляшем от дороги, пойдем сядем чуть повыше: оттуда лучше видно.

Через сорок минут споров мы пришли к общему соглашению о нашем местоположении, и Александр доложил Сбитневу о наших координатах по кодировке на карте. Тем временем бойцы быстренько построили укрытия, а Якубов даже кашеварил.

— Товарищи офицеры, идите скорее, пока еда не остыла, все готово, — крикнул он.

И тут подбежал к нам Свекольников с бледным перепуганным лицом, протягивая радиостанцию Мандресову. Александр стал тревожно вслушиваться и комментировать мне происходящее.

— Ник, во втором взводе подрыв! Трое ранено, двое — тяжело.

— Кто? — воскликнул я.

— Черт его знает. Твою мать! Ветишин! Сбитнев говорит: старшего ранило! Сережку!

— Куда?

— Не отвечает.

— Саня, дай поговорю с командиром.

— Он и сам тебя вызывает, — и Александр сунул мне в руки радиостанцию.

— Как у вас дела? — спросил Сбитнев. — Почему не докладываете обстановку?

— Сориентировались и привязались к местности, окопались и закрепились, хотели доложить о построении СПСов, но услышали про потери, молчим и слушаем, — ответил я.

— Ну вот что, слушатель, бери одного «карандаша» и следуй ко мне, как говорится, с вещами на выход!

— «Карандаш» тоже с вещами?

— Да, бери любого и побыстрее!

Я поглядел на Сашку.

— Слышал приказ?

Он грустно вздохнул и кивнул.

— Я думал, вдвоем хоть какое-нибудь время повоюем, боюсь — что-то не так сделаю, все же в первый раз в рейде.

— Все будет нормально! Гурбон и Юревич подскажут, нормальные сержанты, хоть и молодые. Свекольников хороший связист, взвод что надо, твой предшественник их отлично подготовил. Я у тебя, наверное, Уразбаева заберу, от него проку никакого, большой потери не будет. А то там, во втором, сплошные узбеки, русскому бойцу тяжело будет. Я думаю, Вовка вызывает меня командовать вторым взводом вместо Ветишина. Уразбаев!

— Я, — откликнулся встревоженно солдат.

— Собирай манатки, ты идешь со мной к ротному, — скомандовал я солдату.

— Чего собирать? — переспросил солдат.

— Шмотки свои собирай и быстрее! — рявкнул взводный.

— Быстро бери все и не болтай, а то оставишь тут что-нибудь, потом назад не вернешься! А почему ты? Потому! Замполит тебя выбрал, очень ты умный и смелый.

— Какой умный, какой смелый? Я обыкновенный, не надо меня. Не хочу во второй взвод.

— А, испугался идти к своей узбекской «мафии»? — догадался я и самодовольно улыбнулся. — Ничего не поделаешь, придется!

Солдат о чем-то продолжал скулить в полголоса, обреченно собираясь в поход.

— Видишь, Саня, не хочет быть на побегушках у Алимова и Исакова. Те страшные бездельники, и ему придется им подчиняться, все за них делать, да, солдат?

— Ага, — уныло соглашался Уразбаев.

— Ну ничего страшного, в обиду не дам, пошли! Пока, Сашка, не грусти, не скучай, — я крепко пожал руку взводному на прощание и зашагал по еле заметной тропе.

Мы спустились в ложбину, поднялись на хребет, снова ложбина, снова хребет, еще спуск... и вот уже взобрались на высоту к КП роты. Пришли мы оба взмокшие, хоть тельняшку выжимай и соль со спины соскребай.

Нас встретили минометчик Радионов и врач-двухгодичник Юра Евинов.

— О, привет медицине и «богу войны». Как вы тут? Где Володя? Что с Сережкой?

— Здорово, ротный ждет тебя там, во взводе Ветишина. Топай, не задерживайся, — ответил минометчик. — Сереге лицо сильно посекло и ранило осколком руку.

— Сейчас немного передохну, с вами язык почешу и пойду. Хорошо, что с Ветешей все более-менее нормально. Надо дух перевести, прямо качает от зноя. Сил нет, хочется упасть где-нибудь в тень, а ее как всегда нет, — ответил я.

— И еще долго не будет. Сегодня Ошуев поставил задачу Сбитневу — закрепляться как можно основательней, быть готовыми отражать атаки мятежников. Есть вероятность, что будем тут около месяца, — поддержал разговор Юра-медик.

— Нечего сказать, хорошенькая перспектива. Пекло — хуже чем в Кабуле! Одно радует — стоматолог с нами, зубы подлечит, если что. А ты хирургом-то работать сможешь? — поинтересовался я.

— А как же! Я все могу, уже полтора года как в Афгане воюю. Меня, когда из Союза направляли на должность хирурга, я криком кричал, что готов только зубы удалять. А мне ответили: «Ничего две-три руки-ноги отрежешь, четвертую уже сможешь пришить, научишься, практика — критерий истины». Вот так и пошла служба, что-то, может, поначалу и не получалось, но вроде бы пострадавшие от моих медицинских опытов не жаловались.

— Наверное, уже просто не могли, — ухмыльнулся Радионов.

— Вот сейчас вернулся после штопанья твоих бойцов, и ни одного мата в мой адрес.

— Проклятый новоявленный «доктор Менгеле», ненавистный продолжатель экспериментов Бухенвальда и Освенцима, — шутливо возмутился я и, устало закрыв глаза, продолжил: — Не дай бог, к такому попасть, зубы не вылечит, потому что разучился, а кишки зашить не сумеет, еще не научился.

— А ты, как настоящий замполит, болтаешь даже с закрытыми глазами и во сне. Твои кишки я пришью к языку. У нас в полку под Читой уникальный случай был в моей практике. Из морга прибегает боец-санитар и кричит: «Я из морга, там труп ожил». Весь бледный, трясется,

орет благим матом. Иду с ним в мертвецкую, действительно: лежит покойник синий-синий, а язык высунул изо рта и шевелит. Я солдатика успокаиваю: не переживай, ничего страшного, это же замполит, у него рефлекс, только на пятые сутки язык болтать перестанет. Настоящий был профессионал! Гы-гы, — и он ехидно засмеялся.

— Да пошел ты куда-нибудь подальше, мне не хочется врача нецензурщиной обижать, может, когда пригодится, но ты напрашиваешься. Однако ты, «шприц-тюбик», старые анекдоты за быль не пытайся выдавать. Этот номер у тебя не пройдет, не прокатит. Слышали эти байки сто раз, твоя быль мхом поросла. Ладно, раз вы такие противные и неласковые, уйду я от вас. А что за ранения у солдат, почему молчите?

— Бойцы живы, я уже кстати туда сбегал, перевязал всех, вертолета дождался и обратно вернулся, — ответил Юра. — У бойцов положение гораздо хуже: Кайрымова ранило в шею, повезло, что осколок не задел артерию, но немного повредил гортань. Но думаю, жить будет, а Сомов скорее всего остался без глаза.

— Твою мать, совсем?

— Совсем, там такое месиво: щека разодрана, на лицо страшно смотреть. А у тебя видок, что-то неважнецкий, что с тобой, Никифор?

— Башка до сих пор гудит после теплового удара, а тут еще контузило немного! — ответил я.

— Если хочешь в академию поступать, не свети ни тепловой удар, ни тем более контузию. Это ведь головной мозг, очень ревностно мои коллеги к этим травмам относятся, могут забраковать еще до экзаменов. Дураки, сам понимаешь, никому не нужны! Ха-ха-ха! Я это серьезно говорю, подумай! Ну иди, тебе Сбитнев подробности на месте расскажет, — хлопнул меня по плечу доктор и полез обратно в укрытие от солнца, сделанное из двух накидок, растянутых как полог.

Он лег, высунул голову наружу, протер запотевшие очки и принялся отмахиваться от мух, липнувших к потному красному лицу, всем видом показывая, что желания разговаривать больше нет. Жирок медленно плавился и вытекал через поры тела. Чувствовалось, Юра переживает увиденное за сегодняшний день, но виду не подает, крепится. Трупы утром после боя на трассе, перевязка раненых, теперь еще тяжело раненые. Даже у врачей нервы не железные и стойкость не беспредельная.

Я хлопнул минометчика на прощание по плечу и попросил:

— Смотри, точнее с арторректировкой, опять не перепутай, как в Джелалобаде, «Кутузов»! — и, ругая солнце, двинулся вниз.

Вслед услышал:

— Да пошел ты, умник! — Не понравилось, что я не удержался и напомнил про обстрел нашей роты армейской артиллерией и «Градами»,

когда Радионов с нами был корректировщиком в Черных горах. Ничего, полезно освежить ему память, может, лишний раз перестраخуется, уточнит наше местонахождение.

— Уразбаев! Уразбаев! — закричал я, оглядываясь. Этот хитрец уже куда-то спрятался. Лежит под навесом и молчит, делает вид, что не слышит и что-нибудь жрет. — Уразбаев! Ты где, проклятый гоблин! — рявкнул я еще громче.

Из-за полога крайнего укрытия высунулась потная жующая физиономия.

— Товарищ лейтенант, иду сейчас, один минута, чай очень горячая.

— Тридцать секунд, достаточно на два глотка.

— Опять шутите, да? — улыбнулся солдат.

— Нет! Вылей эту бурду, нам через пятнадцать минут нужно быть на месте!

Солдат сделал один судорожный глоток, обжигаясь, выпил жидкость и засеменял следом.

Еще два распадка и два подъема. У-ф-ф. Кто только придумал эти проклятые горы, черт бы побрал эту жару, рухни небо на эту страну! Будь она проклята!

На краю каменной стены сидел грустный командир роты и грыз зубами стебель сухой колючки, уныло глядя вдаль, где по ущелью шла группа из пяти человек.

— Вот и я! Еще раз привет! Кто это ушел? — тяжело дыша, поинтересовался я, упал рядом, завалившись на правый бок. Пот струился ручьями, маскхалат вместе с тельняшкой прилипли к телу, даже кроссовки взмокли.

— Это был Бронежилет, тебе повезло, что с ним разминулся. Всю силу своего гнева он обрушил на мою голову.

— Как все произошло? Как они подорвались?

— Да хрен его знает! Там ни старого окопа, ни СПСа не было. Место удобное, вот и решили оборудовать пулеметную точку. На два штыка лопаты даже не успели углубиться, как раздался взрыв. Серега смотрел в бинокль на дорогу, ему посеколо осколками правую сторону симпатичной физиономии и в кисть попало. Бойцам досталось еще крепче. После взрыва я и медик через пять минут были уже здесь. Юрка молодец, кровь хлеставшую из горла Кайрымова, остановил; поначалу думали, Садык до вертолета не доживет. Но ничего, натыкали промидол, перетянули жгутами раны на руках. Это он задел что-то в земле лопатой, и принял на себя большинство осколков. У Юрки золотые руки и стальные нервы. Кровищи вокруг — море, а он что-то шьет, клеит, перевязывает. Мне даже

дурно стало с непривычки. А он же окурок изо рта не выпускает и только матерится сквозь зубы.

— У Сомова как дела? — поинтересовался я.

— Сомову меньше досталось, но тоже не лицо, а сплошное месиво. Глаз — одни ошметки, и щека — в клочья.

— Да, бедный клоун. Теперь парню не до смеха. Глаз левый или правый?

— Левый. А какая разница? — удивился Сбитнев.

— Никакой. Просто спросил. Лучше бы оба глаза, сохранились. Куда еще попали осколки?

— Обоим немного посекло по ногам до паха.

— Жизненно важные органы какие-нибудь не задеты?

— Какие-нибудь не задеты. Между ног у всех цело, если ты это имел в виду. И грустно, и смешно, но выглядит так, словно у них на яйцах были бронжилеты. Все задело, кроме этого. Так что через неделю Сережка на медсестричках будет скакать, его ранения-то плевые. А бойцов жалко: хорошие солдаты.

— Были. Теперь уже не солдаты, не вернутся обратно, — вздохнул я.

— Это точно, хотя бывает, что и после ранения возвращаются. Пасть зашивают, зубы вставляют и в строй, — грустно улыбнулся Вовка.

— Тебе лучше знать, ходячий экспонат чудес советской стоматологической и челюстной хирургии.

— Ну ладно, поболтали, теперь о деле. Занимай оборону, строй бойницы, рой окопы, готовь круговую оборону, командуй взводом. Лонгинов, уходя, обещал: около месяца нам предстоит загорать и плавиться на солнышке, пока техника колоннами будет внизу сновать туда-сюда. Курорт, мать твою!!! Командование приняло решение — построить взлетную полосу для самолетов на аэродроме в Файзабаде. Чтобы не только вертолеты и «кукурузники» садились, а большегрузные самолеты. Машины станут возить плиты, блоки, кирпич, щебенку, цемент весь месяц. Возможны попытки прорыва «духов» к дороге, задача — не допустить этого. Твой сектор — от половины хребта с левой стороны и до четвертого хребта справа, дальше сидит разведвзвод, и это уже будет его линия обороны. Поставь вокруг сигнальные мины, их вертолетом завезли на всю роту, часть я сейчас заберу, третью часть бойцы от Мандресова придут взять. Поделись по-братски, не жмись. Далекое не устанавливай, а то зверье будет бегать, зацеплять.

— Техника снизу нас поддерживать не будет? — поинтересовался я. — Что-то не видно никого у шоссе.

— Нет, всех забрали, они дальше стоят. Помочь сможет только авиация и артиллерия, не дай бог, до этого дойдет. У тебя один ПК, другой

у Мандресова, а у меня АГС и «Утес», ну и миномет, если что — помогу вам обоим, чем смогу. Послезавтра вызову, придешь доложить о проделанной работе. Будь здоров, не кашляй!

— Постараюсь, спасибо на добром слове.

Командир ушел с солдатами, нагрузившись сигналками, а я принялся озираться по сторонам. Итак, что у меня есть и кто у меня есть?

— Сержанты! Есть кто живой? Всем ко мне! — крикнул я.

Загрывая пыль ногами, подошли Муталибов и Зайка.

— Гасан, ты как тут оказался? — удивился я. — Если не изменяет память, ты из другого взвода?

— Меня ротный привел, для усиления этого коллектива, — усмехнулся сержант. — Он сказал, что узбеки меня боятся и я буду помогать вам.

— А где еще один командир отделения?

— Фадеев, он в туалет пошел, — ответил Зайка.

— Обделался с испугу? — усмехнулся я.

— Да нет, что-то сожрал, второй день бегают, уже газеты кончились, все извел, — усмехнулся Зайка.

— Ну что ж, определяемся по обороне. Зайка, берешь Фадеева, вот тебе еще Уразбаев, и топаете туда, где был подрыв, там оборудуем выносной пост. Щупом вокруг хорошенько потыкать, вдруг в земле еще что лежит. Грунт не копать, камни ворочать поаккуратнее, сигналки ставьте метрах в пятидесяти вниз по склонам. Завтра с утра роете к нам траншею, если нападут, то под обстрелом появится возможность от вас выползти сюда и, наоборот, к вам добраться. Алимов, Тажибабаев, Исаков на самой горке останутся, пусть снайперы наблюдают окрестности. Каждому построить по отдельному укреплению!

Узбеки, стоя в сторонке, прислушивались к разговору, и им явно не нравилось мое распоряжение. Поняли: придется работать и стоять на посту всем.

— Товарищ лейтенант, — попытался исправить положение Алимов, — дайте нам Уразбаева или Сидорчука.

— Хрен вам на рыло и тебе, Алимов, и особенно на твою, Исаков, толстую морду. На твое наглое мурло, Исаков, персонально! Ты самый неблагоденный, если что, вырешь яму, и перед строем расстреляю! Понял?

— Понял. Опять издеваетесь, — криво улыбнулся Исаков.

— Нет, не издеваюсь, а обещаю. Я никогда не забуду, как ты угрожал взводного Ветишина застрелить. Вот как раз тебе я гарантирую расстрел, если начнешь борзеть! Тажибабаев! Назначаю старшим, будешь проверять часового и докладывать.

— Если я — старший, то надо еще одного на пост!
— Ладно, Ташметова даю!
— Опять узбек! — возмущенно выдохнул Исаков.
— Исаков! А ты что разве узбеков не любишь? — удивился я.
— Как не люблю, я ведь сам узбек. Но что это вы нас всех вместе собрали и отделили? — продолжил удивляться Исаков.
— А потому, что узбек узбеку глаз не выключает! Мните свое дерьмо между собой! По крайней мере, честно поделите смены. Таджикибаев, командуй!
Исаков с Алимовым продолжали о чем-то недовольно переговариваться.
— Что такое? Чем опять недовольны? — поинтересовался я.
— Ничем, всем вполне довольны, — сердито ответил Алимов.
— Вот видишь, Улутбек, даже ты всем доволен! — ухмыльнулся я.
— Я не доволен! — воскликнул Исаков. — Дайте одного русского.
— А зачем? Чтоб было над кем издеваться и заставлять стоять на посту за вас? — ехидно улыбнулся я. — Могу добавить вам еще Васиная.
— Нэт, спасибо, нэ пойду я к чуркам! — воскликнул армянин-пулеметчик.
— Сам ты чурка! — подскочил к нему Алимов.
— Я не чурка, я с Кавказа! — огрызнулся пулеметчик.
Мне пришлось схватить обоих за шивороты и растащить.
— Эй вы, петухи, успокоились!
— Кто петух? — вскричал Алимов. — Я — петух?
— Уймись, я не то сказал, что ты подумал. Это не касалось целостности твоей задницы, а я имел в виду, что кукарекаешь и перья распускаешь. Пошли отсюда прочь!
— Марш отсюда! — рявкнул Муталибов.
Вся «шайка» узбеков, окончательно загрустив, побрела к указанному им месту.
— Первый фланг обороняете вы четверо, — обратился я к оставшимся солдатам, — Зибоев, Васиная, Царегородцев и ты, Сидорчук. Настоящий интернационал. Ты, Зибоев, старший на посту. Для ПК сделай отдельную бойницу, камней много, на всех хватит. За работу! Потом еще командный пункт подойдете оборудовать.
Солдаты принялись за дело, а я присел на камни и стал ориентироваться на местности и наносить точки на карте. Сережкина карта так и осталась чистой — не успел ничего отметить.
Вечерело. Наконец-то зашло за вершины гор это проклятое солнце. Будь оно проклято, как я его сейчас ненавижу! И еще год, если я останусь жив, оно будет нещадно палить и поджаривать меня. На год вперед

загадывать не стоит, но вот на ближайший месяц — это точнее. Какой кошмар! Эх, бляха, как хорошо быть «тыловой крысой»! За месяц тут можно сойти с ума.

— Муталибов! Предлагаю чаю попить. Наверное, пора, как думаешь?

— А чем еще заняться, одно удовольствие в жизни осталось, — вздохнул сержант и принялся поджигать кубики сухого спирта.

Выбросив острые камушки и колючки и расстелив спальник в укрытии, я обнаружил у стены два мешка.

— Гасан, это чье здесь барахлишко лежит?

— Лейтенанта Ветишина.

— А оружие его где?

— Оружие погрузили в вертушку, а мешки тут остались. Паек солдаты разделили всем поровну, а взводного доля вам достался.

— Если мне, то значит и тебе, поделим по-братски, давай устраивайся рядом.

— Да я думал к Зибоеву идти, он на двоих лежанку соорудил, — ответил Муталибов.

— Ты что предлагаешь мне месяц в одиночестве мучиться? Тут места троим хватает.

— Хорошо, сейчас переберусь. Там, кстати, у взводного должен быть надувной матрас, на него можно лечь, все мягче спать.

— Хорошая новость, а то я уже приготовился отлеживать себе бока на камнях. Тонкий поролон — это все, что есть между телом и землей, жутко неудобно, особенно если рейд будет продолжаться целый месяц!

Внизу виднелся небольшой участок дороги, по которому продолжал двигаться нескончаемый поток наших и афганских машин. Рев двигателей, скрип тормозов, сигналы и ругань водителей, шум стоял, как во время великого переселения народов.

Темная ночь сменила короткие вечерние сумерки. Что-то в стороне за речушкой взрывалось, по горам била артиллерия, время от времени над высотами взлетали осветительные ракеты. Но с каждым часом становилось все тише и тише, ночь вступала в свои права.

Голова страшно болела, ломило виски и затылок, болели уши. Чертова контузия, от разрывов заложило уши и теперь все гудит. Шум в ушах, головокружение, тошнота волнами подкатывает к горлу, ломит кости, резь в глазах. Они болят и слезятся.

— Гасан, сейчас двадцать три часа, до трех проверяешь караул, после тебя до утра проверять буду я. Не спи и не давай спать часовым. Я совсем скис, тепловой удар, а теперь еще и слегка контузило. Как барабанные перепонки не лопнули, когда взорвалась мина у дороги и пушка

молотила прямо над ухом? Хорошо, что еще рот открытый был, смягчило силу удара.

Я надул матрас, постелил спальник, отбился от комаров и москитов, накрылся маскхалатом и, немного поворочавшись, заснул.

Среди ночи Муталибов с трудом сумел заставить меня открыть глаза.

— Тебе чего, сержант?

— Товарищ лейтенант, спать хочу, ваше время проверять посты.

— Твою мать! Так спать хочется, что башку не поднять! Ой, попить бы чего! Вода у тебя есть?

— Нет, вечером закончилась. И сока нет, а компот только что выпил!

— Черт! И я вчера все опустошил. Ну что ж, будем мучиться.

Я обошел посты и, на счастье, нашел воду. Уразбаев ушел с бурдюком воды на выносной пост Зайки, вот у них-то она только и осталась.

— Ну, «Хитрый Глаз», ну, гад! Почему воду спрятал? — набросился я на солдата.

— Почему спрятал, я не прятал, она лежит на виду, только от солнца прикрыта.

— Она лежит, она лежит! Захватил весь запас и счастлив до безобразия! Наливай всем по фляжке, остальное неси к Муталибову.

Солдат нехотя принялся сцеживать воду из резиновой емкости. Вода была отвратительной на вкус, ужасно вонючей и противной, но пить после нее захотелось еще больше.

— Уразик, зажигай спирт, некипяченая она в горло не идет, просится обратно. Будем пить резиновый чай.

Действительно, в виде чая жидкость оказалась куда лучше, но все равно этим бы напитком да «любимую» тещу напоить!

Ночь сменило утро, утро перешло в день с его невыносимым пеклом, затем вновь радость от вечерней прохлады и опять ночь. Не осталось ни воды, ни еды. Еще не хватало для полного счастья голодать в трехстах метрах от дороги, по которой целые сутки везут и воду, и продовольствие. Где же этот проклятый тыл?

В пять утра, проверив несколько раз посты, я слегка задремал и был разбужен связистом:

— Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант! Проснитесь!

Солдат теребил меня, но крепкий сон никак не уходил, я словно увяз в болотной жиже: слышу, чувствую, но двигаться не могу, несмотря на все усилия. Это продолжалось около минуты, затем, выматерившись, я наконец-то очнулся.

— Царегородцев! Пошел на х...! Чего тебе надо, вот пристал!

— Сначала пошел на х..., а потом спрашиваете, чего надо? — обиженно откликнулся солдат. — Ротный вызывает, я зову-зову, а вы как бесчувственный, я думал, без сознания.

— Что-то с головой у меня стало не в порядке, думал, сейчас задохнусь и издохну! Уф-ф, — ответил я, тяжело выдохнув. — На связи «Кобальт-2»! Слушаю! — рявкнул я, нажав тангенту радиостанции.

— Не ори, спишь крепко! Чего долго не отвечаешь? Наверное, пить и есть не хочешь? — спросил Сбитнев.

— Хочу, но не могу. А еще через пару дней и не нужно будет присылать, получателей не окажется, выйдем как мамонты, — обиженно ответил я.

— Не горюй, в семь утра готовность к получению еды и воды, Головской доставит на БМП. Трех или четырех бойцов ко мне пришлешь, и отсюда вместе пойдут к дороге за провиантом. Как слышно, все понял?

— Ура! Спасены! — обрадованно воскликнул я.

— Хватит радоваться, собирайте фляжки и ко мне!

По холодку вернуться с провизией не получилось. Как всегда тыловые где-то задержались и приехали к полудню. Солдаты притащили после обеда три большие коробки и полные вещмешки с фляжками. Добрались еле живые.

— Чуть не помер по дороге, — пожаловался, выбравшись наверх, Фадеев. — Тут паек на трое суток, а воды теперь у нас очень много! Мы родник нашли в лощине, случайно наткнулись! Вода вкусная, не то что эти помои, сплошная хлорка!

Эта новость нас обрадовала больше всего, у родника можно не только попить, но и помыться, не нужно экономить и трястись над каждой каплей!

— Гасац, а кем ты хочешь быть после армии? Куда пойдешь работать? — поинтересовался я у лежащего рядом сержанта.

— Торгашом. Я кооперативный техникум закончил, товароведом или зав. складом стану, может, заготовителем, наверняка где-нибудь среди материальных ценностей окажусь. У нас в этой сфере работаешь — большим и уважаемым человек считаешься.

— По всей стране так, не только у вас. Хотя на Кавказе особенно! Доступ к законам Родины — самое главное дело! И как же ты в армию попал, обычно на такой работе откупиться можно?

— Вокруг слишком многих посадили, некоторых даже расстреляли, кампания началась по переделу сфер влияния, я предпочел два года армии пяти годам тюрьмы. Считаю, что мне крупно повезло, моим друзьям — нет, многие арестованы.

— Н-да. Значит, есть еще бойцы, радующиеся службе в армии на благо Родины! Молодец!

— Гасан, а тебе не кажется, что у нас тут очень уж сильно воняет? Загадили всю гору! А? — возмутился я однажды утром, когда вместо рассветной свежести ветерок принес отвратительный запах выгребной ямы.

— Да, товарищ лейтенант, еще неделю и мы или окончательно задохнемся, или мухи заедят, — ухмыльнулся Муталибов.

— Это мы уже более-менее привыкли, а если посторонний, новенький какой прилетит, с ног запахом собьет. Сегодня проводим субботник, как раз суббота по календарю.

После завтрака я озадачил посты уборкой окружающей территории. Если взглянуть со стороны, то действительно жуткое зрелище, мусорная свалка какая — то: пустые банки, обрывки загаженных газет, упаковки, отгрызки и всюду кучи, кучи, кучи и кровавый понос.

— Дристуны! Всем вооружиться саперными лопатами и вниз на двадцать метров вокруг по склону все присыпать, банки сбросить в пропасть. Если кто попробует скрытно ночью подойти, то хоть загромыхают, будут исполнять роль второго рубежа сигнализации. Да аккуратнее с сигналами, ногами не зацепите, — распорядился я и отправил Гасана контролировать выполнение приказа.

Но как всегда говоришь одно, а делают совсем другое: две сигнальные мины узбеки зацепили, и осветительные ракеты сериями взметнулись в разные стороны.

— Что случилось, почему сигнальные мины сработали? — запросил меня по связи Сбитнев.

— Защищаем от мусора гору, боремся с антисанитарией, маскируем фекалии! — отрапортовал я бодрым голосом.

— Боретесь за чистоту — это похвально! А вот военное имущество без толку истребляете — плохо.

— Почему без толку истребляем, все одно тут мины бросим, когда уйдем, — ответил я.

— Пререкаешься? Давай топай к нам, возьми с собой бойца и сейчас же выдвигайся, получишь указания на следующую неделю.

«А чего их получать, — подумал я, — что на этой неделе, что на следующей будет все одно и то же: лежать, наблюдать, загорать, есть, мусорить и гадить!» Нехотя я взял автомат, лифчик с боеприпасами и, тяжело вздыхая, отправился в путь. Вниз-вверх, вниз-вверх — пятнадцать минут неторопливой ходьбы под раскаленным солнцем. Насквозь взмокший я выбрался на командный пункт.

На вершине меня никто не встретил, не окликнул, сплошное сонное царство. Только Колесников приоткрыл глаза и уставился с любопытством на меня, он дежурил у радиостанции, и спать ему было не положено.

— Колесо! Где отцы-командиры?

— Там, в своем СПСе.

— Чем занимаются?

— В карты играют, курят, анекдоты рассказывают.

— Как у Самого настроение?

— У Сбитнева — хорошее, у врача — не очень, — ответил солдат.

— А у тебя? — продолжил расспросы я.

— У меня еще хуже: зуб болит, и спать хочется. Капитан-медик пообещал зуб без наркоза вырвать, если засну на посту у радиостанции, вот и борюсь со сном!

— Вот и молодец, борись дальше! А то еще рассердится стоматолог да перепутает, вместо больного здоровый зубик удалит, — сказал я солдату.

— Ни хрена себе перспектива, без наркоза да еще здоровый! Ох, солдатская судьба — злодейка!

— Это точно, — ухмыльнулся я. — Тяжела жизнь военного подростка.

Оглядевшись, я посмотрел в сторону своей горки. Позиции взвода абсолютно не видны, они закрыты соседней высотой, и прямой видимости у ротного нет. Это и хорошо, и плохо. Плохо, что друг друга поддержать не сможем, а хорошо то, что Сбитнев не видит, чем я занимаюсь: болтаюсь бесцельно по горе или сутками дрыхну. Не может и придрататься к организации службы. Нет повода прокомпостировать мне мозги.

— Привет, страдальцы! — крикнул я, приподняв палатку, растянутую над укрытием.

— Пошел к черту, — заорал в ответ ротный. — Не тяни полог, а то сейчас стена завалится. Что присесть тяжело и на карачках заползти, обязательно все ломать? Быстро лезь сюда к нам и не пыли! Третьим будешь?

— А что я в вашей конуре забыл, там душно! Третьим быть, а на каком мероприятии? — отказался я. — Играть в карты не хочу — жульничество одно!

— Сгниешь на своей горе, больше не пригласим! — пообещал нахально Володя.

Я ушел, загребая кроссовками песок и мелкие камушки, а игроки, обсыпанные пеплом, так и остались лежать и потеть под пыльной палаткой, куря и обжигая губы об старые окурки, которые они держали пинцетом, и продолжая сворачивать самокрутки. Бедолаги...

Ночь. На связь вышел Бронежилет. Он переговаривался со всеми постами, запрашивал о том, что нужно бойцам для счастья. Оповестил о грядущем празднике жизни на горе: доставка воды и продуктов вертолетом.

— Замполит, тебе сигареты нужны?

— Нет, я не курю, — ответил я.

— А бойцам сколько забросить «Охотничьих»?

— Лучше бы нисколько, пусть бросают курить.

— Товарищ лейтенант, вы что совсем обалдели? — возмутился оказавшийся по близости сержант Зайка.

— Иди ты к черту, бросай курить, займись спортом, а то в гору лезешь и дохнешь, хрипишь, как старый дед! — ответил я ему яростно в ответ.

— Товарищ лейтенант, на колени встанем всем коллективом, умоляю, не отказывайтесь от курева, устали уже в табак, собранный из окурков, чай добавлять, такая гадость, и от этого легким еще хуже. Так туберкулез заработаем!

— Ну ладно, раз такие дураки, продолжайте себя травить, — ответил я сержанту и обратился к зам.комбата: — Народ просит тридцать пачек.

— Каждому! — воскликнул с тоской Юра.

— На всех? — переспросил Лонгинов. — На неделю им хватит?

— Хватит! Здоровее будут, — утвердительно ответил я.

— У-у..., — провыл сержант, и таким же воем, словно эхом, отозвались сидевшие поодаль узбекские «мафиози».

Сержант что-то тихо проговорил в мой адрес и, матерясь, побрел на свой пост.

— Зайка, если ты что-то плохое сказал про меня или обиду какую затаил, то я сейчас, вообще, заявку отменю!

— Нет, нет, это я на себя. Уговариваю слабовольный организм отказаться от проклятого никотина.

— Вот иди и борись! — рявкнул я.

Тут меня вызвал Сбитнев и принялся распекать:

— Тебе что, зануда, жалко дряни этой? Почему мало заказал солдатам папирос?

— Нормально. Всем хватит, — ответил я.

— Если тебе было бы лишнее, то отдал бы мне подымить, вернемся, объявлю выговор за недостаток чуткости и отсутствие заботы о личном составе! — заявил Володя.

— Это не черствость, это, наоборот, забота о здоровье, хочу продлить им жизнь на несколько лет.

— «Старовер» проклятый! Из-за таких, как ты мы тут страдаем и мучаемся! — рявкнул Сбитнев и отключился.

Рано утром над высотой принялся кружить вертолет. Почему-то он выбрал нашу площадку, наверное, потому, что она оказалась плоской и самой широкой.

Вертолетчики приземлились, из люка высунулась испуганная рожа Берендея, который принялся торопливо выбрасывать коробки с пайками, мешки с газетами, бурдюки с водой, еще какие-то мешки, и через минуту-другую «стрекоза» улетела. На правах хозяина горы я принялся распределять еду, воду, газеты.

— Ник, ты что там делаешь? — опять начал кричать по радиостанции ротный.

— Сортирую и делю продукты на всех.

— Прекрати, я сейчас приду и все поделю! Газеты не трогай, воду не воруй!

— Не понял! Плохо слышно! — ответил я.

— Сейчас приду, уши прочищу, — ответил Сбитнев, и радиостанция замолчала.

Вот черт, не сидится, не доверяет моей честности. А зря не доверяет! Обидел — отомщу.

— Фадеев, Зайка! Хватайте вот этот РД-100 и тащите воду к себе в СПС, там накройте палаткой. Гасан, бери аккумуляторы к радиостанции и спрячь вот эту пачку самых интересных газет. Тут и «Советский спорт», и «Известия». А ротный пусть изучает «Красную звезду», «Правду» и «Окопную правду».

— А нам «Красную звезду» взяли? — поинтересовался Гасан. — Там фотографии солдат из третьей роты должны быть и разведчиков!

— Взял, все посмотрим, беги, маскируй прессу, куда командир роты не конфисковал.

Вскоре показался взмыленный Сбитнев, который в лоснящемся от жирных масляных пятен автомобильном комбезе и без погон походил на зачуханного шофера колымаги.

— Так признавайся, что украл, что спрятал? — наигранно строго спросил Володя.

— Все по-честному, — уверенно, не моргнув глазом, ответил я, и бойцы дружно закивали головами, подтверждая мои слова.

Командир разделил коробки по взводам, а из холщового мешка высыпал мягкие батоны. Свежие настоящие батоны, каждый завернут в отдельную целлофановую упаковку, внутри каждой были видны бумажки, на одной из них я прочитал: «Днепропетровский опытный хлебозавод, дата изготовления 17 мая, упаковщик №...»

— Ни хрена себе! Свеженький... — озадаченно почесал затылок Муталибов. — Больше месяца! Да там такая дрянь должна быть!

Я разорвал упаковку, и в нос ударили пары спирта.

— О-о-о, вот это да! Чистейший спирт! Божественный аромат! Володя, вдохни! Чудесно!

Сбитнев втянул носом запах и изрек:

— Жаль, грамм сто не плещется, а только пахнет. Интересно, если съешь его целиком, забалдеешь?

— Думаю, что капнули туда всего пару капель, только вот зачем? — произнес я.

Мы стрескали батон на двоих, запив огромным количеством кружек горячей коричневой бурды, называемой чаем.

— Нет, не пробирает, — горестно произнес Сбитнев. — Это только запах, иллюзия, растревожили, гады. Напрасные грезы! Не спирт это вовсе, а просто мираж! Сволочи тыловые, так издеваться над страждущими людьми!

— Вова, в такую жару-то пол-литра водки заглотишь — тотчас все сосуды лопнут, или сердце остановится! — возразил я. — Лучше бы шампанского со льдом! Можно холодного «Рислинга» или «Токая».

— Прекрати, тебе не идет аристократизм! Ты ведь не граф Острогин! Водяра и бормотуха — вот питье настоящего пехотного офицера! Ладно, пойдем, посмотрим обустройство района обороны, сейчас получишь порцию п...лей!

Сстроив на лице скорбную и обиженную мину, я поплелся за командиром по укрепрайону.

— Почему такие низкие и тонкие стены у укрытий? Почему слишком узкая и неглубокая траншея идет к дальнему посту? Где запасные пулеметные гнезда? И главное — никакой маскировки! Колочки собери и между камней понатыкай!

— Володя, у тебя позиции не лучше оборудованы, я ведь наблюдал их, когда на днях приходил.

— Устаревшая информация! Все давным-давно перестроено! Сейчас идешь со мной, и я показываю результаты нашей работы, как образец для твоих действий. Вчера Лонгинов инспектировал и повторно осматривал наши позиции, остался доволен.

— А-а! Повторно! Значит, в первый раз он видел то, что наблюдал я.

— Не умничай, пошли со мной, буду учить фортификации! — приказал командир.

Я всучил командиру самые старые и самые неинтересные газеты, припоминая ему жульничество в карты, и в душе злорадствовал.

— Что только «Правда» и военные газеты? И все старые? Тут ведь ни слова о чемпионате мира по футболу! Признавайся, все спрятал, заныкал для себя?

— Нет ничего больше! Ей, богу! — утвердительно заверил я, как можно правдоподобнее, старшего лейтенанта.

Сбитнев еще раз подозрительно посмотрел в мои наглые глаза, я ответил честнейшим взглядом. Делать нечего — он махнул рукой, и мы двинулись в путь.

Действительно, по периметру КП роты за эти дни были возведены полуметровые стенки, несколько запасных пулеметных гнезд, вокруг позиции миномета — высокий дувал из камней, и все утыкано колючками.

— Учись, студент! — самодовольно похлопал меня по плечу Сбитнев, и под градом шуток и насмешек со стороны Володи и медика я двинулся назад, ругая обоих вполголоса.

— Замполит, ты прекращай спать! Завтра проверю устранение недостатков, — пообещал командир.

Вернулся я усталый от жары и страшно злой, поэтому сразу начал громко орать:

— Строиться всем! Бегом! Заспались, закисло, провоняли! Бездельники! Тунеядцы!

— Что такое, что случилось, товарищ лейтенант? «Духи»? — переполошился проснувшийся от моих воплей Муталибов.

— Хуже! Будем укреплять оборону, такая задача поставлена, что за два дня не переделать! Зайка, углубляйте траншею, выкладывайте над ней стенку-бруствер в два камня, постройте два запасных СПСа. Зибоев, сделай два пулеметных гнезда! «Индейцы»-мафиози, вам три СПСа высотой по пояс возвести. — Это указание для узбекского поста. — Васинян, тебе и Царегородцеву тоже строить большой СПС, ну и мы с тобой, Гасан, с этой стороны стенку слепим. Сейчас такой ужасный зной, прямо в ушах звенит, поэтому начинаем работу в семь вечера и пашем до темна, а завтра подъем в четыре утра, по холодку доделаем.

Таким образом, мы заняли себя на два дня. А потом вновь тоска и печаль, унылое однообразие будней. Пытка солнцем и скукой. Единственное, что радует — это возможность спускаться через день к роднику, помыться, почистить зубы, напиться вдоволь вкусной водицы. Аккуратно, чтобы не замутив воду, черпаем из размытого углубления живительную влагу до тех пор, пока вода не заканчивается и не остаются только муть и пиявки.

Черпаем через день, потому что установлена очередь: сегодня мы, а на другой день ротный и его бойцы, иначе на всех воды не хватает.

Третьему взводу с ручьем не повезло: к роднику ходить далеко, но взвод рядом с дорогой оказался, вот Берендей водичку лишний раз и

подвозил. Мандресов сидел на отшибе, и целый месяц я его не только не видел, но даже голоса его не слышал.

Тоска переходила в беспросветное уныние, и постепенно наступала апатия ко всему. И как это люди на посту два года живут? Чокнуться можно. Что ж, остается одно — чтение газет, завозимых вертолетом каждые четыре-пять дней вместе с пайком. Самая свежая позавчерашняя! Уже хорошо. Впервые такая забота о нас — газеты с доставкой в горы.

Итак, что сообщает пресса. О! Марадона тащит к Олимпу Аргентину! Молодец! В стране идет перетряска руководства, борьба с пьянством, ускорение, перестройка. Что-то слабо верится, что народ пить перестанет. Новая жизнь начинается, если газеты не врут, и умирать тут мне совершенно не хочется. Как давно я не был дома...

— Товарищ лейтенант! Дайте газету! — Это подошел Исаков с хитрой улыбкой, вопрошающе встал возле укрытия.

— Зачем она тебе, ты ведь читать не умеешь! — хмыкнул я в ответ.

— Пачаму так обижаешь, командыр. Пачаму не умею, очень умею.

— И что интересует в первую очередь? Новости из родного кишлака? Новости хорошие — урожай хлопка отличный.

Мы дружно засмеялись с Муталибовым, а Исаков ответил, распаясь:

— Какой хлопок? Нет, не интересна про него, интересна про футбол!

— А-а-а, про футбол! «Пахтакор» не чемпион, это точно! — пошутил Гасан.

— Муталибов, иди к черту, сам знаешь, чемпионатом мира интересуемся.

— Аргентина — чемпион! — ответил я солдату.

— У-у, шайтан! Я хотел Бразилия! — взвизгнул Исаков и, получив «Советский спорт», пошел к себе обсуждать новости с Алимовым.

Тут же нарисовался Царегородцев.

— А мне газеточку можно?

— Какую тебе? — поинтересовался я. — Тоже спортивную?

— Мне без разницы, я же не читать, а задницу вытирать.

— О! Вот это настоящий интеллигент. Царь! А сидя в позе орла, может, сделаешь хотя бы попытку сложить буквы в слова, а слова в предложения?

— А зачем? — искренне удивился солдат.

— Ну что б знать, что в мире творится, в стране. Новости всякие.

— А мне все едино, без разницы...

— Совсем?

— Совсем. Я и телевизор смотрю редко.

— А книги читаешь? — спросил я.

— Нет, от них голова болит, и глаза устают. Зачем? Что умного в книгах найдешь? Брехня одна, как и в газетах.

— И в классике? У Достоевского, Толстого, Гоголя, Тургенева?

— У-у, это совсем мура! Кто же эту ерунду читает? Скука!

— То есть тебя, солдат, книги ни про любовь, ни про войну, ни фантастика, ни приключения, ни детективы — никакая другая литература не интересует?

— Нет! Совсем! — равнодушно ответил Царегородцев.

— И как же ты в школе учился, хорошо? — усмехнулся я.

— А чего там сложного, ходишь и ходишь, тройку поставят и хорошо. А если вдруг дождь или снег, так я что за пять километров в соседнее село идти должен? Нет уж, дудки, дома сидел.

— Значит, ты самородок! Гений-самоучка! — рассмеялся я.

— Ага. Я всему сам научился — и на гармошке играть, и плотничать, и слесарить, и лапти плести и много чего...

— Кулибин и Левша вместе взятый! Если еще философией займешься, большим человеком станешь, далеко пойдешь, в руководстве любят таких. На, бери, интеллектуал, иди, услаждай свой зад, — вздохнул я и выдал несколько старых экземпляров.

День за днем смертельное пекло под лучами раскаленного солнца, недели мучений и болей во всем теле от камней, на которых спишь. День за днем пыль, принесенная ветром и проникающая везде, да еще эта ужасная ядовитая вонь, висящая над горой.

Можно присыпать песком экскременты каждый день, но толку никакого: все раздувается ветром, осыпается.

А внизу движется караван за караваном, колонна за колонной, едут автомобили. Везут плиты, щебень, металл для взлетной полосы, топливо. Благодаря тому, что мы здесь сидим, мучаемся и страдаем, грузы доставляются бесперебойно и без обстрелов, без потерь.

«Духи» несколько раз появлялись вдали, но приблизиться не успевали, вызывалась авиация, удар — и больше никакого движения. Один раз и мы всей ротой постреляли, по кому-то двигавшемуся на горизонте силуэту.

Но все когда-нибудь заканчивается. Даже плохое. И муки не могут быть бесконечными.

Все машины, что проследовали к Файзабаду, поехали порожняком в обратную сторону. Наше мясо и шкуры прожарены до хрустящей корочки. Финиш!

Однажды рано утром Лонгинов отдал приказ по радиосвязи готовиться к спуску в сторону трассы.

— Ура-ура! — прокричали дружно солдаты, заслышав новость.

Всех уже достала эта пытка бесконечным сидением, лежанием, голодом, жаждой, грязью.

Действительно, ура! Я отдал приказ развалить СПСы, и бойцы с веселым азартом уничтожили свой многодневный труд.

Полк пропускал всех мимо себя и снимался по очереди, пост за постом. Позади уже никого, кроме «духов».

Вместе с Муталибовым я поставил пару «сюрпризов» «духам» в развалинах укрытий. Ф-1 — самый хороший подарок для недругов. Кто-то ведь приготовил ловушку Ветишину! Теперь готова западня для неизвестного, вонючего, грязного аборигена. Мы их ненавидим, они нас ненавидят, какая же тут интернациональная помощь, да еще будто бы «друзьям»? Кто тут видел друзей? Какие мы к черту друг другу друзья? Последний перекур на вещмешках и в путь.

Володя смотрел в бинокль на далекий горный склон и торопил рассаживающуюся пехоту;

— Быстрее! Быстрее, чмыри! Скорее! Забрасывайте барахло по машинам, как можно так долго копать! «Духи» на подходе!

— Какие «духи», Володя? — удивился я. — Месяц ни одной твари рядом не показывалось!

— Вон гляди, в двух километрах и конные и пешие двигаются, черт знает что! Откуда только взялись! — ответил ротный, протянув мне бинокль.

— Давай поможем местному полку навести порядок. Вовремя заметили, значит, наполовину обезопасили себя, — ответил я. — Стреляем?

— А как же! Ближайшую конную группу обязательно накроем! Ткаченко! Уничтожь вон тех ближайших ковбоев!

Солдат навел автоматическую пушку, чуть выждал, тщательно прицелился и выдал длинную очередь.

— Молодец! — воскликнул Сбитнев, глядя в окуляры. — Уверенно не скажу, сколько завалил, но шестеро, по-моему, готовы! И лошади, и люди скопом валяются. А как они недавно радовались нашему отходу! Трогаем! С богом!

Вновь пыль, копоть, рев моторов и узкая лента дороги, петляющая между гор. За Талуканом перед небольшим мостиком дымилась КШМка артиллеристов. Вернее все, что от нее осталось. Траки — в клочья, катки сорваны, броня лопнула, всюду гарь, машина буквально разорвана пополам. Фугас! Мощнейший фугас! Фугасище! Вряд ли, кто выжил.

По колонне командиры передали приказ опустить все антенны, пригнуть к броне, не привлекать внимания. На машине, той взорванной,

болталось штук пять антенн, вот ее и выбрали в качестве мишени. Не повезло ребятам. Хочется, чтобы нам повезло. Очень хочется!

Пыль, пыль, пыль. Когда же приедем, наконец, домой? Вот и новое свидание с Салангом, снова гарь и копоть, кислорода в этом многокилометровом тоннеле практически нет. Хорошо бы научиться дышать углекислым газом!

Ну наконец-то и Баграмская дорога! Джабаль, Чарикар. Обратно ехали быстрее и веселей. Живы! Возвращаемся!

И, о ужас! Опять! Двадцать два сгоревших наливняка! Один к одному! Цепочкой! Обуглевшая обочина, разливы сгоревшего топлива на асфальте, по оврагам, по арыкам. Трупы убраны, а остовы машин остались словно памятники погибшим.

Я притормозил, свернув с дороги возле поста. На этом посту полгода как служит мой однокашник и приятель по училищу Гена Зайцев, а у меня все нет случая встретиться. Проведаю, жив ли, а то такое страшное побоище рядом. Заодно узнаю, что произошло.

Солдат-часовой окликнул меня через ворота:

— Стой! Кто идет?

— Свои! Зайцев на месте?

— Нет, в отпуске вторую неделю!

— Вот дьявол! Опять не встретились, — чертыхнулся я. — А кто начальник вместо него?

— Прапорщик, командир ГПВ, — ответил солдат.

— Хорошо, поговорю с ним, проводи.

Боец нехотя отвел меня к блиндажу, где сидел на старом табурете голый по пояс молодой «прапор». Он пил чай с сахаром вприкуску и слушал магнитофон, подпевая вполголоса.

— Кто такой? Чем обязан? — поинтересовался, не вставая, хозяин.

— Привет! Я из соседнего полка, Генкин друг, из рейда возвращаюсь, а тут вижу: бойня, — объяснил я, здороваясь. — Что тут случилось за постом?

— Что произошло? Банда Карима вышла к дороге, когда колонна шла в Кабул, и начали палить из гранатометов, из безоткатных орудий, минометов! Все произошло в десять минут. Танк с выносного поста попробовал вмешаться, его подбили, и экипаж сгорел, все погибли! Отсюда БТР поехал на выручку, но куда там, и сто метров не продвинулись, подожгли. Пока вертушки прилетели, «мясорубка» уже закончилось. Кто успел проскочить — проскочили, кому не повезло — сгорели, погибли. Авиация потом трое суток обрабатывала «зеленку», но кому от этого легче. Мы только трупы и раненых собрали, да «горелики» в сторону с обочины спихнули. Не повезло ребятам!

— Черт! И порядок навести, покарать некому! Пехота ушла на Файзабад — у «духов» праздник! — вздохнул я. — Ну ничего, боекомплект пополним и вернемся. Я думаю, командование скоро бросит нас сюда. Привет Генке от Ростовцева!

— Ладно, — ответил лениво разомлевший прапор. — Передам.

Я вернулся обратно к своим бойцам, и мы помчались догонять полковую колонну.

Машины шли хорошо, все торопились домой на отдых, поэтому нагнать батальон удалось только на узких улочках Кабула.

На въезде в парк почему-то не играл полковой оркестр. Обычно командир полка выстраивал тут музыкантов, и бравурные торжественные марши звучали в честь возвращающихся усталых бойцов.

Удивительно. Какая-то гнетущая и напряженная тишина и пустота. Ну не совсем тишина. Лязг гусениц, рычание двигателей, но нет встречающих женщин и оставшихся штабных офицеров, нет вообще никого, кроме дежурного по парку.

Дежурный по парку с заспанными глазами, прапорщик Юра Колотов, задумчиво дымил сигареткой в курилке. Он был техником второй роты, вернулся из отпуска в наше отсутствие, вот поэтому и мучался по нарядам. Не повезло, наверное, неделю без смены трубит.

Мы с ним земляки, если можно так сказать. Юрка был моим инструктором по вождению в училище, а тут встретились, разговорились и узнали друг друга.

— Юрик, привет! Чего грустишь? — весело поприветствовал я его. — Где оркестр, почему без музыки и торжественного построения, без возбужденных женщин? Никто чепчики-лифчики в небо от радости не бросает.

Он хмуро взглянул на меня, вяло пожал руку и произнес сквозь зубы:

— Не до маршей и оркестров! ГСМщик застрелился два часа назад.

— Какой? Махмуд-кладовщик?

— Нет! Начальник службы ГСМ, капитан Буреев! Всадил себе очередь из АКМ прямо в рот! Башку разнесло, страшно смотреть!

— Несчастный случай?

— Не похоже! Он просидел целый час в дежурке, покурил со мной, помолчал, подумал, а потом вышел за дверь, свернул за угол дежурки, бац-бац — и в дамки!

— Твою мать! — прошепел я.

— Вот-вот! Кровищи на всю стену! Посмотреть хочешь? Угол выщерблен пулями. Показать?

— Нет уж, спасибо! Я лучше пойду умываться и постараюсь поужинать. Ты мне аппетит испортил, я между прочим не обедал. А крови и пулевых отверстий видел предостаточно! Будь здоров, не скучай и не грусти!

— Вряд ли скучать получится! Меня уже дрючат два часа, написанием объяснительных замучали: пытаются, что да как, не я ли его застрелил, кто так, наверное, думает. А на хрен мне это? Валентин — хороший мужик. Алкаш, конечно, но не злой, не вредный, хороший капитан... Был...

— Это точно! Уже был... — грустно согласился я и побрел переодеваться, мыться и бриться.

Тьфу ты черт, и угораздило же Буреева сегодня такое учудить! Самоубийство! Сейчас начнут нас строить, проверять, беседы проводить, совещания. А ведь Ошуев обещал целых три дня отдыха! Дьявол!!!

Действительно, так и получилось. Прокуроры, особысты, штабные, политотдельцы. Каждый проводит собственное расследование. Кто только не понаехал. Из армии, из дивизии, из особой группы Генерального штаба. Неприятная история.

Командир полка в отпуске, и все расхлебывали Ошуев с Губиным. То, что доставалось им, на нас вымещали с троекратной гнусностью. Мат, ругань, вопли. Оказалось, что это второе ЧП за месяц, которое не удалось скрыть. За неделю до возвращения полка, солдат-танкист из боевого охранения поперся торговать к «духам». Украл пару одеял, бушлат и понес менять на наркотики. Но этот дурила отправился в кишлак с оружием! Он стоял часовым на посту, АКСУ побоялся оставить и взял с собой. Аборигены увидели у него за спиной оружие и аж слюни от жадности пустили! Что там одеяла за пару сотен афгани, а вот автомат с патронами — это уже тысячи! Долбанули его чем-то тяжелым по башке, горло перерезали и сбросили в кяриз. Только к вечеру его сообщник признался командиру роты в том, что товарищ не вернулся, пропал в кишлаке. Приехали афганцы из Госбезопасности, наш спецназ, и после допросов с пристрастием аксакалы выдали труп. Оружие, само собой, не нашлось. «Духи» с ним ушли. Несколько афганцев арестовали, кого-то в ходе облавы застрелили. Но это не суть. Самое ужасное в этой истории то, что урок дуракам невпрок. Тело убитого вынесли на плац для показа всему личному составу, оставшемуся после выхода на боевые действия.

Построили поваров, писарей, кладовщиков, почти все боевое охранение из танкистов, зенитчиков и артиллеристов, женщин, гражданских мужиков. Пронесли труп вдоль строя, ткнули носом каждого, мол, к чему приводят воровство да наркотики, и увезли его в морг при госпитале. Бойцы были в ужасе. В шоке.

И что же?...

На следующее утро другой танкист понес цинк патронов продать «духам». Но без автомата, оставил его на посту, сделал вывод, что так спокойнее, не тронут. Командир взвода вовремя заметил, догнал, излучил и вернул живым. Но солдат только расстроился, что пойман.

Проклятые наркоманы, ничему их жизнь не учит! Если человек идет, то, конечно, навсегда. Это стиль жизни.

Наркомания бойцов, пьянство среди офицеров и воровство в тылу — самые главные беды нашей многострадальной, героической армии.

Перед тем как присоединиться к полковой колонне, я нагнал одиночную бортовую машину, которая трещала, тарыхтела и еле-еле ползла. Я обогнал ее и притормозил.

В кабине сидел мокрый от пота Соловей, который беспрестанно орал на водителя и материл его на чем свет стоит.

— Чего верещишь, толстяк? — усмехнулся я, подходя к ним.

— Орешь-орешь, его убить мало! Месяц пролежал возле машины, а после Саланга начались проблемы.

— Я не автомобилист, я «вертухай», поэтому в автомобилях ничего не понимаю. А остановиться опасно, отстали от своих, боимся ремонтировать в одиночку, — ответил техник взвода обеспечения.

— Как это «вертухай»? И как не разбираешься в автомобилях, ты ведь технарь? — удивился я.

— «Вертухай» — это контролер на зоне, я служил все время в лагерях и тюрьмах, и жинка моя на женской зоне «вертухайка». Семейный подряд. Но один замполит, придурок лагерный, соблазнил меня тем, что тут год за три, а мне к пенсии стаж позарез необходим. Вот моя «старуха» и давай пилить изо дня в день: поезжай да поезжай. С трудом мне удалось попасть в эту вашу Советскую Армию. Вечно, как дурак, вляпаюсь куда-нибудь, а потом волосы на заднице от злости рву: куда попал, зачем?

Мы сели на башню, Соловей закурил и продолжал сокрушаться о своей тяжелой доле, а мой механик полез помогать водителю.

В Кабуле Соловей заскочил в придорожный дукан, купил себе «горячительного» и мне. Обоим по две бутылки коньяка и водки, гулять так гулять.

— Замполит, что же ты нарушаешь партийное постановление? — съехидничал Соловей.

— Это не нарушение, а поддержание славной традиции: обмыть награду, чтоб не «засохли» другие награды! Обмыли в роте, сегодня доходит очередь до батальона. Приглашаю: вечером, в двадцать часов, приходи на шум в женский модуль.

— Нет, я туда вообще не вхож, боюсь, если моя «старуха» узнает, убьет! Она у меня жандарм в юбке, рассердится — ушибить может.

— Боишься? — удивился я.

— Еще как боюсь. Если бы ты знал, Ник, какой у нее тяжелый взгляд и суровый характер. А какая силища в руке! Видишь, я здоровяк? А жена

мощнее меня в два раза, если врежет один раз, то второй раз стукнут по крышке твоего гроба.

— Такие страсти рассказываешь! Вовка, ты ведь такой здоровенный, не может быть, чтоб тебя мучила женщина!

— Может! Поэтому я пью только в компании с Берендеем.

Уразбаев тащил два пыльных матраса и вещмешок, а я взял его радиостанцию и понес к казарме. Было грустно от известия о гибели Валентина. По дороге мы столкнулись с бегущим нам навстречу Ветишиным.

— Сережка! Выздоровел! — заорал радостно я.

— Ник! Все живы? Как я рад вас всех снова видеть! — и он бросился мне на шею.

— Серый, как рука, лицо, все зажило?

— Как на собаке. А какие медсестры за мной ухаживали, от их любви я поправился вдвое быстрее. Сюда вернулся, и здесь меня на ноги ставили этим же способом.

— Ну беги, любимец женщин, к ротному, докладывай, жеребец, о возвращении и забирай свой взвод, а то я с ним за месяц устал.

— Как мои узбеки? Вели себя хорошо?

— Лучше не бывает, только один раз я плющил кулаком толстую физиономию Исакова. Алимов же с Таджикибаевым, вообще, золотыми солдатами стали. А Таджикибаеву стоило сержантское звание пообещать, так он зашугал своих земляков.

— Все, бегу, бегу, иди в казарму, там тебя Острогин ждет! — весело крикнул Сергей и помчал дальше.

«О! Острогин вернулся, как быстро время летит», — подумал я, вновь погрузившись в невеселые размышления, на этот раз о доме, о семье.

Я заскочил в бытовку и остолбенел. За столом сидел и что-то жевал малознакомый человек.

— Серж! Что с тобой сделали? Это не ты! Ну и харя! — закричал я, разглядывая располневшего не в меру друга.

— Нет, это я! — ухмыльнулся он. — Видишь, как я раздобыл в поездках по гостям. В Ленинграде побывал, в Сочи, в Алма-Ате! Круиз! Десять килограмм! Х/б не налезло, вот и сижу голым по пояс, жаду, когда старшина принесет новую «афганку».

— Да, парень! Роба у тебя прямо трещит по швам, как же ты в горы полезешь, а? — посочувствовал я и одновременно позавидовал, его отдыху.

— Что, морда, ты посмотри, какие мышцы, какой я торс себе накачал!

— Слушай, культурист несчастный, это все сало — и оно переплавится на солнце! Водку привез? Сегодня назначено обмывание наших орденов.

— Привез. Черт! Я планировал с ней к дядьке съездить, давно уже не виделись.

— Ничего, еще купишь! Я сейчас пойду закусон организовывать. Сало, консервы, все, что есть привезенного домашнего, не жри, народ закусит!

— А кто участники мероприятия? — спросил Серж.

— Все наши.

— Хм..., на такой коллектив не хватит, — насупился Острогин.

— Кому не хватит, пойдет и еще купит, наше дело — мероприятие организовать и начать. А дальше, как пойдет.

— А как пойдет? — улыбнулся Серж.

— Пойдет, я думаю, хорошо, и мероприятие грозит затянуться. Будем раскачивать женский модуль до утра. Комбат, к счастью, еще в отпуске, замполит Золотарев и Цехмиструк тоже. Ошуев послезавтра улетает в Ташкент, ему не до нас. Воля! Хоть несколько дней, но расслабимся. А потом вновь зайвится наш «усатый деспот», наш «папа и мама» в одном стакане. Хоть бы Подорожника выдвинули на какую-нибудь вышестоящую должность!

— А Ошуева тоже, в Генштаб — не ближе! — согласился со мной Сергей.

— Бугрим, куда нам посоветуешь направить коллектив для пьянки? — спросил я подошедшего сдать автомат в оружейку комсомольца.

— Настоятельно рекомендую организовать в первой комнате справа. Там парикмахерша живет, — сладко закатил глаза Витюша и облизнулся.

— Ну вот, мы тебя о деле спрашиваем: где лучше сесть, чтоб места на всех хватило, а он о своем — кобелином, — возмутился Сергей.

— Почему о своем? Обо всех. Там несколько девчонок новеньких молодых живет. Элька-одесситка, Ленка, Танька...

— Хватит болтать, иди, озадачивай женскую организацию на закуску, через час собираемся, — прекратил я поток его перечислений.

Мы загрузили пару больших коробок банками с тушенкой, с салатами, рыбными консервами, овощами, и караван двинулся в путь. К нашему искреннему удивлению четыре стола стояли в коридоре и уже ломились от закуски, а тарелки расставлял лично Берендей.

— Ты что, Саня, с дуба рухнул? Так расщедрился? — удивился я. — Вроде никто у тебя ничего не просил.

— Ник, я же уважаю хороших людей. А для таких орлов, как вы с Сержем мне ничего казенного не жалко. Кто старое помянет — тому глаз вон! — и усатый прапорщик расплылся в широкой улыбке. — Да и Соловей за вас замолвил словечко.

— Что ж, Санек, спасибо на добром слове! Садись и отдыхай, теперь мы посуетимся, — поблагодарил его Острогин, и мы дружно принялись вскрывать банки, бутылки, расставлять стаканы.

Вскоре объявился Бронезилет. Я онемел, так как не ожидал этого гостя, особенно после последней ссоры.

— Ник, выйди из прострации, — толкнул меня в бок Сбитнев. — Это я его пригласил. Нужно и успех операции обмыть, да и лучше чтоб он тут был, чем нас строить начал в разгар мероприятия. Сейчас еще и Головской тушенку приволочет и спирт выделит из своего запаса.

Народу собралось человек двадцать, в ротах с солдатами остались только новички да те, с кем за столом сидеть никому не хочется. Но это относилось к полковым штабным и тыловикам, поэтому батальон был практически в полном составе.

Лонгинов на правах старшего начальника поднял кружку и провозгласил:

— Опустить ордена в стаканы и достать их зубами, как положено, осушив для этого стаканы до дна, товарищи офицеры!

— А я свой уже в Союз увез! — воскликнул Острогин.

— Жаль. Значит, орден Ростовцева будете вынимать по очереди!

Я бросил «Звезду» в кружку, почти до краев наполненную водкой, и мужественно проглотил «огненную жидкость» в четыре глотка, достал двумя пальцами орден и передал Сергею. Он повторил процедуру.

У-ф-ф. В горле запершило, в груди зажгло и перехватило. Давно я лошадиные дозы не пробовал! Сразу в голове зашумело, контрольная планка упала, в голове перегорел предохранитель — и все, что планировалось, забылось. Думал, пропустить четыре рюмки и на боковую, отоспаться на мягкой кровати. Куда там! Все пошло кругом, завертелось, закружилось...

Жара, голодный желудок, ослабевший организм. Все поплыло...

Второй тост, за роту, за батальон, третий тост, стоя, за погибших. А дальше понеслось без организации. Наливали, кто сколько мог и кто что хотел. Постепенно, как всегда на таких мероприятиях, окурки и огрызки заполнили стол, начались песни, пляски, мелкие выяснения отношений. Бутылки опустели спиртное закончилось, и я с Ветишиным и Бугримом в обнимку распевая пьяными голосами песни, пошли за коньяком к сантехнику-спекулянту.

Мы брели и горлачили песни во всю глотку, наслаждаясь жизнью. Только после тяжелых мучений, ежеминутного риска радуешься тому, что по-прежнему существуешь. И жизнь, даже такая дрянная, становится приятной. Ночь была чернее черного, освещение не горело, мы набрали полные руки бутылок и на обратном пути столкнулись нос к носу с Ломако и Муссолини.

— О, вот и наши орлы из первого батальона! — радостно потер руки в предвкушении мести за мой несдержанный язык зам. по тылу полка. — Пьяницы, надо обязательно их примерно наказать! Особенно Ростовцева! Все за мной к дежурному по полку!

— Пусть пока отдыхают, завтра разберемся, — потянул его за руку в сторону командирского модуля замполит полка. — Пусть ребята расслабятся один раз за два месяца. Отстань от них.

Муссолини был навеселе и потому в хорошем настроении, он слегка покачивался из стороны в сторону.

— Миша, ты скоро? — крикнул замполит.

— Иду, иду! — откликнулся кто-то заплетающимся языком и из-за угла на нетвердых ногах вырулил шеф особистов, пытавшийся неслушающимися пальцами застегнуть ширинку.

— Лейтенанты! Шагом марш отсюда! Отдыхать! — повысил голос Мусалимов.

Мы дружно, шатаясь и спотыкаясь на каждом шагу, направились к своим собутыльникам.

— Витька, а ты в темноте за лейтенанта тоже сошел! Промолчал, что прапорщик, скрылся за нашими спинами! А завтра, крыса тыловая, будет искать третьего лейтенанта, и им, наверное, окажется Острогин! — засмеялся я, теребя за кудрявые волосы, прапорщика.

— А что, прапорщик не человек? — возмутился Бугрим.

— Такой, как ты, конечно, человек, а вот начальники складов. Это все козлы, чмыри! Жулье! — прокричал Сережка в ухо Виктору и полез обниматься.

— Отстаньте, пьяницы, я уже устал вас тащить под руки! Стойте на ногах, а то бутылки разобьем! — отстранился прапорщик.

— Это кто тут хочет пузыри разбить? Где эти негодяи? — раздался зычный командный голос с напускной серьезностью, по которому я узнал командира танкового батальона Романа Ахматова. Он сидел на лавочке у входа в женский модуль.

— Товарищ майор! Здравия желаем! Это мы хулиганим, дисциплину нарушаем! Приглашаем Вас к нашему стволу! — расплылся я в счастливой пьяной улыбке.

— Наверное, не к стволу, а к столу? — уточнил сидевший рядом начальник штаба батальона Гена Светлооков.

— О-о-о! Танкисты в полном составе! — закричал Серега.

— Пойдемте с нами, с удовольствием приглашаем вас, присоединиться. Особенно лично я, как бывший танкист, — пробормотал я заплетающимся языком.

— Нет, мужики! Пойдемте к нам! У вас на столе уже пусто, шаром покати, и пьянка перешла в фазу вялотекущего, но усиливающегося скандала с переходом в драку, — сказал комбат.

Мы попытались робко возразить, что, мол, коллектив ждет, что приглашаем к себе...

— Ерунда! — рявкнул Роман. — Какой к черту коллектив! Там все попрятались по комнатам или сбежали, когда зам. по тылу с замполитом зашли разогнать этот бедлам. Сейчас кое-кто вернулся, но это уже не мероприятие. Да и потом, не для того мы тут пятнадцать минут вас караулим, чтобы вернуться с пустыми руками. Итак, марш за мной!

И в довершение своей тирады Ахматов схватил нас с Сережкой за руки и повел за собой, подавив последнее сопротивление, а Геннадий подхватил Бугрима, который нес бутылки.

Мы пришли в модуль к танкистам, где я оказался впервые за год службы, как-то не доводилось тут бывать. Довольно уютная комната комбата была перегорожена тремя шкафами и делилась на две части. В одной пили, а в другой спали. Там, где спали, храпел уже «готовый» замполит, а за столом сидел командир роты Скворцов и какая-то брюнетка. Довольно симпатичная, стройная девушка, правда, после стольких рюмок симпатичной показалась бы, наверное, любая.

— Знакомьтесь, мужики, это Элеонора, если кто не знаком, а это наши славные пехотинцы...

— А я их всех знаю, кроме вот этого лейтенанта, — ткнула она в меня пальцем.

— О, это замполит первой роты Ростовцев. Сейчас мы будем обмывать его орден. Правильно я говорю? Ты ведь сегодня виновник торжества? — больше утвердительно, чем вопросительно произнес комбат.

— Ага, — кивнул я головой и уставился на девушку.

— Наливай — наливай, а на деваху мою не глазами, а то еще одну дырку в ней просверлишь, — громко рассмеялся комбат и похлопал меня по плечу.

— Разливай по бокалам полнее, не стесняйся. Тут все свои! Ик — ик... — пьяно заикал начальник штаба, сел за стол и отключился со стаканом в руке.

Оказывается, он все это время бродил на автопилоте. Делать нечего, я понял, что от танкистов отделаться «малой кровью» не получится и живыми они нас к своим уже не выпустят. Я быстро разлил коньяк по хрустальным французским стаканам, а затем Роман произнес:

— За братство по оружию, за пехоту, которой тут достается больше всех, ну и за тебя, замполит. До дна!

— Пей, пей до дна, до дна, — принялся подбадривать меня Скворцов, пресекая мою попытку не допить.

— Не оставляй зло, посуда должна быть пустой, а то не видать тебе больше наград! — и Ахматов ладонью прижал стакан за донышко к моим губам.

— Роман, стой, уже в глотку не лезет! — я поперхнулся и закашлял.

— Нэ лизэ! Ты как в анекдоте про парубка в першую брачную ночь, — усмехнулся Бугрим.

— Рассказывай, — распорядился Роман.

— Парубок женился, а шо з молодой жинкой делать, не знает, — начал рассказ Виктор. — Приходит к папане и говорит: «Тату шо з ней робить и как?» Отец отвечает: «Сынку все будэ нормально. Погладь невесту, поцелуй, и пойдет как по маслу». Проходит час, прибегают сынок, весь взъерошенный и перепуганный: «Тату шо робыть — нэ лизэ ну ни як!» Отец его успокаивает: «Не волнуйся, кажи, щоб помогла!» Проходит еще час. Вновь сын примчался и будит отца: «Ой тату, нэ лизэ, ну никак! Отец опять успокаивает: пойди в сени там крынка пятилитровая со сметаной, возьми с собой помакнешь — поможет». Парубок убежал, еще через час возвращается, потный, усталый, и с порога орет благим матом: «Батка не лизэ, ну ни как нэ лизэ!» Отец удивленно спрашивает: «И со сметанкой?» — «Ни тату, в крынку к сметанке ни как нэ лизэ!» Ха-ха-ха! Так и ты — не лезет! Как это коньяк не лезет! Сделай над собой усилие, постарайся!

— Ха-ха-ха, — засмеялись те из сидящих за столом, кто еще немного соображал.

— Второй тост — за милых дам! Пусть они среди нас в единственном экземпляре, но зато каком! — произнес комбат второй тост на правах хозяина и старшего.

— Предлагаю выпить за друзей танкистов! — произнес Бугрим и взялся за очередную бутылку.

— П-попрошу помедленнее, — вымолвил я чуть слышно, выпил, и комната поплыла перед глазами.

— Эх, совсем еще зеленый! Нужно Василию Ивановичу сказать, чтоб тренировал! — услышал я сквозь густую пелену алкоголя, окутавшего мозг, голос Романа и отключился на полчаса.

По истечении пары часов, когда время перевалило далеко за полночь, мы все довольно крепко набрались. Я давно очнулся и возобновил участие в торжестве. Вернее меня насильно разбудили и заставили продолжить. Музыка орала во всю мощь, Скворцов размахивал саблей, комбат обнимал и целовал девицу, остальные танкисты спали, сидя за столом, а мы втроем спорили до хрипоты, почему подорвался Сережка: из-за глупости, судьба такая или просто несчастный случай.

Вдруг Элька вырвалась из рук комбата и, смахнув пустую посуду со стола, вскочила на него и зашла в энергичном танце, при этом медленно раздеваясь. Вначале в угол комнаты полетела футболка, затем юбка. Когда очередь дошла до бюстгалтера, комбат заорал:

— Все, стоп! Пьянка окончена! Пошли все по домам! Элеонора, не смей снимать трусы! Выключите кто-нибудь эту проклятую музыку! —

рявкнул комбат и стащил за руку с «подиума» девицу, стягивающую с себя трусы. — Элька марш в койку!

— Не умер бы комбат от перенапряжения, загоняет она его, — сказал я, смеясь, на выходе из комнаты.

— Не загоняет, он во всем мере знает, — ответил Женька Скворцов, и мы разбрелись по своим «берлогам».

* * *

Первые лучи солнца (а может, и не первые), пробившиеся сквозь фольгу светомаскировки, ударили в глаза и бесцеремонно разбудили. Эта фольга не очень хорошо держит свет, все же когда-то она была мешками для упаковки трупов, а потом переместилась на окна. Нужно бы новой заменить.

Голова гудела так, как будто ею всю ночь стучали в большой церковный колокол. Во рту творилось что-то ужасное. Все ж трезвость гораздо лучше пьянства, прав Михаил Сергеевич!!! Впервые за год, с момента прощания с друзьями-собутельниками в Теджене, со мной такое. Коньяк-водка, коньяк-водка — гремучая смесь получилась. Рука нащупала стоящую в тумбочке банку «Si-Si». Пж-х-хр! Крышка вскрыта, и освежающий напиток тремя глотками исчез в глубокой, бездонной яме желудка.

Не помогло! Пришлось достать еще и бутылку «Боржоми». Открыв крышку о край тумбочки, я отпил граммов двести и тупо уставился в сторону висевшего на стуле х/б. Над карманом виднелась свежая просверленная дырочка для ордена, но самой «Красной Звезды» там не наблюдалось!

Вот черт! А ведь был орден! Два раза его облизывал вчера. Я, тяжело кряхтя, встал с кровати и поднял валявшиеся на полу брюки. И в карманах было пусто. Помню точно, после тоста я его положил в карман! Выпил с танкистами, достал из стакана и сунул в брюки. Стоп, может быть, в куртке х/б? Нет, после тщательного осмотра всех карманов — ничего.

Пропал! Ни на кровати, ни под кроватью, ни под стулом, ни в тумбочке, ни за тумбочкой, ни в туфлях. Нет нигде. Что ж, пойдём, напрягая память, мысленно от кровати к комнате комбата, хотя я шел на автопилоте, но путь возвращения помню более-менее отчетливо.

С огромным трудом передвигая ноги, добрался до умывальника и устроил себе холодный душ из перевернутого крана для мытья ног. Прохладная вода привела в чувство, но не восстановила душевного равновесия. А еще и тревога за пропажу била молотом по мозгам.

Потерять правительственную награду всего через два месяца после вручения — это ЧП. Жалко потерять «Звездочку», да и скандал вероятен. Твою мать!

Выйдя из общежития, я грустно побрел к танкистам, глядя под ноги, в надежде, что где-нибудь между камней блеснет ярко-красный металлический предмет. Нет, не повезло, не нашел. Комната Ахматова оказалась запертой на замок изнутри, за дверью тишина. На мой стук никто не откликнулся. Я двинулся в столовую, чтобы разыскать Романа, но он вдруг сам окликнул меня. Оглянувшись, я увидел его и командира артиллерийского полка, стоящих на высоком крыльце перед входом в жилое помещение командира полка и его заместителей.

— Ник! Ник! Ростовцев! Иди сюда, родной! Чего грустишь? Ничего не хочешь у меня спросить? — поинтересовался, нахально улыбаясь, комбат.

— Товарищ майор, Роман Романыч, ты его нашел? — обрадовался я.

— Чего его? Кого его? Я нашел ящик коньяка, не меньше, правильно, Володя? — обратился он к артиллеристу.

— Это точно! А что за ящик? — переспросил майор Скрябнев.

— Да понимаешь, приперлась вчера ко мне в комнату пехота, черти ее принесли, нажрались, все перевернули, ордена разбросали и ушли. А я бегай, их разыскивай потом, чтобы находку вернуть! Где справедливость?

— Нет-нет, орден точно тянет на ящик коньяка! — поддержал Романа Скрябнев. — Лейтенант, проставляйся.

— Черт, это нечестно! Сам меня накачал, потом всех быстро выгнал, даже деваху вашу не пощупали, а теперь опять приказ — накатывать. Это все оттого, что нас из комнаты экстренно разогнал и завершение стриптиза сорвал! — запротестовал я.

— Рома, что опять стриптиз? — ухмыльнулся Скрябнев.

— Ага, снова, никак не отучу, как выпьет, хлебом не корми, дай ей прелестями своими потрясти, — вздохнул Ахматов. — Ну, а ты, Ростовцев, как хочешь, подумай, дело твое. Нет коньяка — нет и ордена! — И они, засмеявшись и выбросив окурки, пошли на доклад к вернувшемуся из отпуска командиру полка.

— Ладно, хрен с тобой, Роман Романыч, будет коньяк, — крикнул я вслед.

— А куда ты денешься, не комбату же его отдавать? А уж Василий Иванович выплет тебе по первое число! А если еще и закуску добавишь, так и комбат не узнает. И «Звезду» себе вернешь, да и гульнем еще разок в хорошей компании. Комдив, приглашаем и тебя, правда, Никифор?

— Правда-правда, куда от вас, старых чертей, денешься? — ответил я, радуясь нашедшей пропаже.

Танкисты отошли в сторону, и я услышал, как Скрябнев сказал:

— Рома, ты смотри нам по тридцать три года, а нас эти лейтенанты в старики записывают. Дожили!

* * *

«Ну вот, пропажа обнаружена, ящик коньяка — это, конечно, неизбежное зло в этой ситуации», — рассудил я, приводя свои мысли и чувства в порядок. Осталось восстановить желудок и печень, поправить голову. В канцелярии, за столом, уставленном пустыми и полупустыми бутылками «Нарзана» и «Боржоми», а также баночками с лимонадом, восседал в клубах сигаретного дыма Сбитнев.

— А, замполит! Очухался? Ну что, говорят, просрал свой орден?

— Иди к черту, уже нашел! Вот народ, только что-то случится — и сразу весь полк знает! Дай чего-нибудь глотнуть, — попросил я.

Не дожидаясь разрешения, схватил со стола сразу две ополовиненные бутылки минералки и залпом по очереди опустошил их.

— Нет, брат, ты так беде не поможешь. Нужно сто грамм. Только это является живительным эликсиром.

— Есть у тебя что-нибудь? — спросил с надеждой я.

— Откуда, вчера все до капли высосали! И денег нет, ни одного чека. Сплошной облом, вся надежда на тебя.

— И у меня пусто до полочки.

— Ладно, так и быть! Вот так всегда, учить вас, молодежь, и выручать приходится, — Володя достал из сейфа фляжку и плеснул по полрюмки себе и мне.

— Вздрогнули! — воскликнул он и осушил содержимое.

Я скривился от мысли о спиртном, но переборол себя и выпил.

— О-о-о, у-у-у!!! — выдохнул шумно я воздух и экстренно запил спиртное минеральной водой. — Спирт! Чего ж не сказал заранее, не предупредил?

— А что сам не догадался? Думал, я тебя «Столичной» поить буду? Обыкновенный спиртыга! Ну как? Полегчало? — заботливо посмотрел на меня старший лейтенант.

Я сделал еще два-три вдоха, подумал, послушал себя — что говорит организм и, наконец, пришел к выводу:

— Полегчало!

— Ну, вот и ладненько! Сейчас оформляешь наградные на ордена себе, мне и Бодунову, а также солдатам-сержантам, на кого подали взводные бумаги, и иди, спи... Отдыхай, после обеда заступаешь в наряд помощником дежурного по полку.

— Черт! А кто дежурный?

— Дежурный — Габулов.

— Нервотрепка обеспечена, — вдохнул я. — Он завалится дрыхнуть на всю ночь, а потом будет бегать спросонья, психовать, орать. Не люблю с ним дежурить. А почему не его помощник замполит Шкурдюк?

— А-а., ты как не протрезвевший еще не в курсе. Его увезли рано утром с жесточайшей дизентерией. Не повезло парню. Пара месяцев службы — и Серега уже организм посадил инфекциями. А все потому, что трезвенник, еще больше, чем ты. Да, кстати, тебе звание пришло, начальник штаба в дивизии выписку видел, с тебя опять причитается, товарищ старший лейтенант!

— Черт! Опять пить!

* * *

Дежурство началось со скандала. Габулов забыл выключить на ночь освещение городка, и проходивший мимо штаба Ошуев окрикнул меня из душной дежурки:

— Помощник! Помощник!

— Я, товарищ майор!

— Ростовцев, где дежурный? Почему свет не выключен?

— На территории, по казармам пошел.

— Передай, я его снял с наряда. Доложите Лонгинову, пусть заметит, — распорядился Ошуев и неторопливо пошел на плац.

Я вернулся в дежурку и крикнул никуда не уходившему, дремавшему на топчане капитану:

— Эдуард, тебя Герой только что с наряда снял!

— Что?! Кто?! Меня! За что?

— Ты свет не погасил по периметру. Вон он только что прошел мимо и распорядился.

— Да я его пристрелю, как собаку, — заорал взбешенный осетин и, сшибая стоящие на пути стулья и табуреты, бросился на выход. — Убью, пристрелю! — Раздались крики, началась словесная перепалка Габулова с Ошувым, перемежавшаяся громким матом и визгом капитана.

На эти крики выбежали из здания заместитель начальника штаба, строевик и замполит полка. Они вцепились в Эдуарда, повисли на его руках и плечах, а он бил ногой землю перед начальником штаба, как бык перед тореадором, пыхтел и пытался боднуть его лбом.

Прибежал строевик и бросил мне на стол пистолет и кобуру с ремнем.

— Спрячь в сейф! Ключи у тебя?

— Да, у меня. Сейчас уберу. Там все люди целы? — поинтересовался я удивленный таким поворотом события.

— Почти. Пропагандист прибежал, в глаз получил, да и у меня вот пару пуговиц на х/б оторвали. Сейчас придет ваше батальонное начальство, и кто-нибудь подежурит. А Габулова повели на гауптвахту, успокоиться и одуматься. До утра. Они, черти нерусские, у себя дома землю

между своими народами поделить не могут и тут, вспоминая про нее, друг друга ненавидят.

Замполит полка принес и бросил куртку Габулова с оторванными пуговицами и ключьями отодранной материи в борьбе со штабными и принялся материться.

Я отвернулся и молчал, сделал вид, что меня тут нет.

Когда через час все успокоилось, и народ ушел, из темноты внезапно вынырнул Габулов.

— Эдик! Откуда? Ты же на «губе»? — удивился я.

— Ха! Что же, мой взводный стоит начальником караула и меня не выпустит? Я что в тельняшке там буду ночь мерзнуть? Да и деньги с документами в куртке, забрать нужно. А то потеряется что-нибудь.

— Эдуард, и что теперь тебе будет? Что трудно было сдержаться и не бросаться на Ошуева?

— Ты ничего не понимаешь! Сдержаться, ха! Как я его, а? Пусть не задается! Как я орал, а?

— Орел! — усмехнулся я.

— Ты видел, нет, ты видел, как он от меня побежал?

— Еще бы не побегать, вдруг ты бы, кроме визжания, по нему стрельбу добавил, — съехидничал я.

— Зачем стрелять? Просто хорошо пугнул! Пусть знает, что я его не боюсь! Я плевал на всех этих героев и начальников! Не позволю себя унижать и позорить! — продолжал петушиться Эдуард.

— Ну и чего добился этим? — спросил я, хмурясь.

— Пусть думают, что я такой дурак! Да, дурак! Мне сейчас психушкой грозили! Пусть обследуют! Еще и справку получу, да домой уеду. Разве мне что-то будет? Ни хрена не будет! Чихал я на всех! — Габулов с шумом хлопнул дверью и удалился в темноту.

* * *

После утреннего развода в полку началось подведение итогов последней операции. Столь масштабные боевые действия были оценены высшим командованием положительно, потери были, но небольшие, и успехи тоже имелись. Теперь сыпались награды и поощрения на нас, участников этой эпопеи.

Начальник штаба полка доложил о ходе операции, замполит полка оценил моральное состояние личного состава, зампотех внес ложку дегтя в бочку меда, констатируя факты о разбитой технике, и, наконец, слово взял «кэп».

— Товарищи офицеры! Я получил подробную картину боевых действий и остался доволен результатами работы полка. По итогам этой

операции к орденам и медалям представляем более ста пятидесяти человек! И это хорошо! А то тут создалась занятая ситуация. Командование дивизии получило распоряжение представить одного офицера к званию Героя Советского Союза. Дивизия отдала представление нам, как лучшему полку соединения!

В зале раздались оживленные и одобрительные возгласы.

— Мы с управлением посоветовались и решили, что награду получит офицер из первого мотострелкового батальона. Они это заслужили. Образцовый батальон, да и самый боевой, рейдовый. Офицер должен быть из звена — командир роты или его заместитель!

Сидящие рядом друг с другом Сбитнев и Жилин, а также минометчик Степушкин дружно переглянулись

— Обязательно, имеющий орден! — продолжил «Иван Грозный»

Все посмотрели на Женьку Жилина и Луку, дремавшего рядом с ним и положившего голову на плечо командира.

— И последнее условие: служба около года или чуть более в Афгане. То есть, чтобы награду получил в полку и служил тут еще год!

По залу прошел вздох разочарования. Такой кандидатуры не находилось.

— Год службы в полку — главное условие!

— Таких у нас никого нет. За исключением заменщиков: Жилина и Луковкина, — выкрикнул начальник штаба батальона.

— Товарищ майор, встаньте! Вы человек новый, Степанков, людей, я смотрю, еще не изучили и положение дел ни хрена не знаете, обстановкой не владеете! Не владеете обстановкой! Я ничего не имею против Жилина и Луковкина, но ребята через неделю уже в Союзе! В батальоне есть еще два орденосца, которым осталось служить по году! Острогин и Ростовцев!

— А-а-а, — пронеслось по клубу.

— Вот из них и определили кандидатуру! Острогин — взводный, можно, конечно, назначить заместителем командира роты, но нужно время, поэтому его кандидатура отпадает. Остается Ростовцев. Возражений ни у кого нет? Мы вчера с заместителями обсуждали этот нелегкий выбор. Достойных — много! Начальник штаба и замполит полка его поддержали. Была кандидатура от разведки, но они пусть вначале с насильниками и мародерами разберутся! Кто что возразит? Ростовцев участвовал за год во всех операциях, ни одной не пропустил, награжден, за замполита батальона неоднократно работал...

— Я хочу возразить, товарищ полковник, — начал возмущаться Ломако, — очень уж он горяч и болтлив. Комиссия была перед боевыми, а он заявил проверяющим, что баня не работает и паек плохой...

— А, что баня еще не работает? — взъярился командир полка. — Твою мать! Сколько это будет продолжаться? Зайдите ко мне в кабинет после совещания.

По залу пронесся дружный хохот, и зам. по тылу, густо покраснев, сел обратно на стул.

— Кто еще имеет возражения? Только по существу, по делу. Лично мне он нравится, я его кандидатуру и предложил, — закончил выступление Филатов. — Дело серьезное! Выводим человека на высокую «орбиту», перед ним открываются большие перспективы!

Возражений не поступило, а наоборот, дружно поддержал комбат — танкист Ахматов и саперы. Артюхин и Лонгинов, соглашаясь, кивали головами.

— И в последнем рейде не подкачал, умело действовал! Верно? Ну, вот на этом и порешили! Будем растить героев из своих рядов! Наград отличившимся офицерам и прапорщикам, сержантам и солдатам не жалеть, заслужили, завалить наградными листами строевую часть, пусть работают! Х... знает что! В лучшем воюющем батальоне всего пятеро награжденных офицеров, включая комбата! Безобразие и свинство! Я и сам долю вины с себя не снимаю! Железа не жалеть, награждать! Строевик! Если своевременно представления оформляться и отправляться не будут, порублю твой конец на пятаки и по плацу разбросаю! — рявкнул Иван Васильевич.

— А что я, при чем тут строевая? — попытался возразить Боченкин. — Сами вовремя не пишут, задерживают, ошибки допускают, да и в наградном отделе каждый месяц новые требования. То им трофеи нужны, то спасение командира или подчиненного, то малое число боевых операций не устраивает, то количество уничтоженных «духов». А то наоборот, никого не убивать, а оказывать помощь в восстановлении дорог и школ. Да сроки прохождения по времени ужесточили — на третий день после боевых отправить из полка на пятый из дивизии в армию, не успели — возврат! Дурдом! А я во всем виноват! Первая рота! Вы почему вовремя не оформили бумаги на отличившихся?

— Все сделано еще вчера и лежит у вас в папке! — возразил Сбитнев.

— Не видел, — ответил Боченкин, но был прерван командиром:

— Так глаза протри или протрезвей! Разберись в своем хозяйстве! Закончили пререкания! Свободны!

Зал дружно громыхнул смехом, офицеров уже достала длительная канцелярская канитель и бесконечные возвраты представлений на награды.

Я мужественно боролся с обволакивающей дремой в душной перегретой дежурке, сидя за пультом. В штабе стояла мертвая тишина, только часовой в теплом парадном мундире у Боевого знамени тяжело вздыхал

и переминался с ноги на ногу. Плюс пятьдесят, и два часа стоять с автоматом в парадке — это тяжелейшая пытка.

— Привет, герой! — поздоровался со мной зашедший с совещания Роман Романыч.

— Привет, — ответил я сонно. — Закончилось совещание?

— Закончилось, закончилось. Ты про ящичек-то не забудь. Долг — дело чести офицера! И еще одну бутылочку добавь по сегодняшнему событию! — и он, улыбаясь, направился в строевую.

— Какому событию? — переспросил я, не поняв намека, но ответа не получил.

Следом вошли еще офицеры и как-то странно посмотрели на меня, проходя мимо и ухмыльнувшись.

— Здорово, Никифор! Как жизнь? С тебя причитается! Герой! — ласково заворковал, появившийся Мелещенко, но, увидев подходящего к штабу Артюхина и Мусалиева, скрылся за дверью парткома.

— Поздравляю! Молодец! Повезло тебе, чертяка! — крепко пожал мне руку замполит батальона.

— С чем повезло? С дежурством, что не сняли за компанию с Габуловым? С представлением ко второму ордену? Что тут особенного, половина батальона в списках, да только получают один или два человека. Со званием? Ну и что не сегодня так завтра, рано или поздно, никуда не делось бы, — лениво возразил я и широко зевнул.

— Ну ты дятел! Чудак-человек! Ты о чем говоришь-то? Кто все-то? Что получат? — и он покрутил указательным пальцем у виска.

— Что-что... Старлейские звездочки все лейтенанты получают. Просто мне первому, потому что прибыл на неделю раньше, — ответил я.

— Тебе, бабда, Героя дают! По крайней мере, оформляют, — рявкнул возмущенный моим равнодушием Юрий и пошел по коридору.

Я чуть не упал от неожиданности со стула после этих слов и предпринял попытку сообразить, о чем идет речь. Что за глупые шуточки! Но тут с большой тетрадью — «гроссбухом» появился Сбитнев и заорал:

— Открывай дежурку, сейчас будем твою биографию описывать, придумывать несметные подвиги и восстанавливать в подробностях боевой ратный путь! Родина должна знать своих героев, а герои не забывать друзей-товарищей и полнее наливать!

— Вовка! О чем весь этот базар? Ты уже четвертый несешь какую-то околесицу! Объясни толком, что мне дают, куда посылают, зачем?

— Как чего? Мы из тебя Героя делаем!

— Героя репортажа? Книги, статьи, телепередачи, фельетона?

— Советского Союза! Разнорядка пала на тебя. Посудили, порядили, и вышло, что ты — самая подходящая кандидатура, — хмыкнул Володя. — Ну давай рассказывай свою историю, биографию уточняй. Моро-

ки теперь с тобой не оберешься до самого выхода на войну. Да, совсем запамятовал! Про отпуск забудь и пока не мечтай. Останешься до особого распоряжения командования! Сегодня срочно материалы на тебя будут печатать, а завтра в штаб дивизии нарочным повезут! Ветишина отправляю. А ты деньги экономь, а то не хватит на всех. Каждый день будешь поить, угощать, это ведь событие, в батальоне за всю историю никому героя не давали. Ох, погуляем!

— Меня Героем Советскоко Союза!!!

— Тебя, тебя, — ухмыльнулся Володя.

— Какое покутим! Завтра разберутся, одумаются. Не бывало еще на этой войне, чтоб живому-здоровому замполиту Героя вручали. Только посмертно, для этого нужно гранатой себя вместе с «духами» подорвать!

— Посмертно двоих наградили! Если понадобится третий случай, в моем лице, то я пас! Не хочу!

— Понадобишься покойником — никто и не спросит! Чудак, тебя живым хотят видеть и пропагандировать. Лично я думаю, начальство ошиблось. На партийную икону ты не тянешь. Оппортунист, одним словом! Святости в тебе мало, ну какой ты к черту пример для подражания?

— А ты пример? — обиделся я на эти слова друга.

— Нет, но меня и не возвышают! Ты начальству, кстати, в Афгане еще не менее года нужен. Условие такое поставлено. Увеличивается шанс стать покойником! Хотели бы живого и здорового — награждали бы Суркова. Он не сегодня-завтра в Союз уедет! Гады! Опять хотят потенциального смертника!

Мы посмеялись над этой грустной шуткой, и Володя распорядился:

— Быстрее сдавай наряд и возвращайся в лоно коллектива, будем весь вечер писать о тебе!

В канцелярии за столом сидели Сбитнев и Острогин. Оба трезвые и озабоченные, перед ними с ворохом бумаг в руках стоял писарь, сержант Фадеев.

— Работай, Фадеев, ночью трудись, заглаживай вину! — проговорил командир и выставил его за дверь.

— Что случилось? — спросил я.

— Да вот, гнусяра, у старшины коробку со сгущенкой перед рейдом увел, будто бы я приказал взять! А старшина возьми да переспроси у меня: для чего. Все и раскрылось! Сученок! Сгною писаниной и по нарядам! Садись, по пятьдесят грамм спиртика хлопнем по твоему торжественному случаю! Угощаю.

Володя вынул из заветной железной шкатулки знакомую фляжку, и мы выпили, крякнув и закусив огурчиками. Немного помолчали, потом Володя сказал:

— В принципе правильно, что тебе. Пашешь, дай боже другим, и все без передышки. Наша рота лучшая в полку, а может, и в дивизии. Не Грымову же давать Героя. Как вариант мог быть Острогин, но должность не та. Я большую часть срока в госпиталях провалялся, поэтому все верно, и не смущайся! Они тебе аванс всучили в виде Золотой Звездочки, а теперь пахать на тебе будут! Это как наживка. Теперь ты, словно последний дурак, будешь стремиться подтвердить, что их выбор был верным и станешь еще больше лезть во все дыры, совать башку в самое пекло. Знаю я тебя! И шею, в конце концов, точно свернешь! Выслушай совета старого воина, и Острога к нему присоединится: плюнь на всех, не бери на себя много лишнего, чего не потянуть, не воюй за себя и того парня. Выбрали, выдвинули, скажи им мысленно спасибо и служи как служил. Нормально же служил и воевал. А иначе и правда будет третий посмертный Герой — замполит! Из ваших политруков ведь только двое было героями?

— Даже трое — посмертно, один из них замполит полка.

— Во как мужика угораздило. Но однако, бывает, и генералы погибают! Но реже, — усмехнулся ротный.

— Маршалы еще реже, — вставил фразу Сергей.

— Точно. Так что постарайся остаться живым! Живым героем. Будь добр, не выпендриваться, не лезть на рожон, а то героизм попрет через край, вовремя не остановят, без башки останешься! Начнешь рвать себя, наломаешь дров, и еще кого-нибудь, загубишь! В общем, дыши ровно, не напрягайся. Я мыслю так: тебе тут «коптиться» под Афганским солнцем еще года полтора! Если наградят, то назначат как Ошуева на вышестоящую должность, и полгода, как и он, переслужишь.

— Ни х... себе перспективочку дальнейшей службы нарисовал! — охнул я.

— А ты как хотел! За все нужно платить! Обязательно! Особенно в нашей Совдепии. Будет чудо, если ты не сгоришь в огне войны, они тебя невольно уже подтолкнули. Жалко, что выбрали тебя, не сумеешь ты правильно распорядиться выпавшей удачей. Карьеру ты не сделаешь: подлости и наглости у тебя мало, — задумчиво произнес Сбитнев.

— А может, я попробую и получится?

— Нет, не выйдет! У тебя глаза не подлые, а чтобы карьеру сделать, нужно гнуться, гнуться и еще раз гнуться, как завещал великий Ленин! Каждый день жопы начальству лизать и не просто лизать, а вылизывать! А ты все умничаешь, Ник, пререкаешься. Твой максимум — это батальон, и желательно успеть получить его здесь на войне. В Союзе могут и не дать. Ну а если в академию проскочишь, то по ошибке ЦК, а полк получишь, но не удержишься в нем долго. Ордена утонуть не дадут, но

и толкать вперед не будут! В вашей политконторе жесткий естественный отбор идет, на самом верху — одни мерзавцы и негодяи. А они могут выращивать только себе подобных! На уровне дивизии уже в основном придурки, а в армии, округе — законченные негодяи! Впрочем, это не только в вашей политической конторе, а во всей Советской армии, по всей стране. Страна рабов! Но в твоей организации, это зоологическая особенность, плодить поддецов!

— А ты-то как бы распорядился таким счастливым случаем? — спросил я командира.

— Я бы, получив звездочку золотую, не снимал ее ни с кителя, ни с рубашки, ни с майки! И ни одна чувиха не смогла бы мне ни в чем отказать! — мечтательно улыбнулся Володя.

— А может, я тоже попробую? — хмыкнул я.

— Для этого нужна искра божья, талант! А ты не ловелас, не орел, словом. Романтик ты, идеалист и балбес, в хорошем значении этих слов. Но попробовать можешь, отчего бы и нет, — улыбнулся Володя.

По прошествию пары часов допроса по биографии он отправил меня отдыхать.

Я задумчиво брел по ночному темному полку в свою комнату, чтобы упасть на койку, привести в порядок перепутавшиеся мысли. Звезды как всегда подмигивали мне сверху. Что-то там, на небесах, запуталось, и карта легла очень даже занимательно. Боги «бросили камни» и удача выпала мне. Орден, звание, герой!... Это уже даже не звездный дождик, а какой-то звездный ливень! Необходимо теперь, чтобы этот ливень не смыл меня! Главная задача остается прежней — постараться вернуться живым! Это — важнейшая награда на войне. И нужно добиться ее. Что ж, постараемся!

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

ПОЯСНЕНИЯ

Кяризы – разветвленная ирригационная система колодцев для орошения полей.

БРДМ – бронированная разведывательная десантная машина.

«СПС» – стрелковое противопульное сооружение из камней.

«Утес НСВ», ДШК – крупнокалиберные 12,7 мм пулеметы.

«Ураган», «Град» – реактивные системы залпового огня.

«Крокодил» – вертолет огневой поддержки «МИ-24».

«Лепестки» – противопехотные мины в форме лепестка.

«Зеленые», «Сарбосы» – солдаты афганской армии.

МОН-100, МОН-50 – противопехотные мины направленного действия.

АГС – автоматический станковый гранатомет.

Подствольник – подствольный гранатомет.

«Итальянка» – противотанковая мина.

«Охота» – противопехотная мина.

Безоткатка – безоткатное орудие.

«Грачи» – штурмовики «СУ-17».

Ханумка – афганская женщина.

Дувал – стена дома или забора.

БМП – боевая машина пехоты.

Дукан – афганский магазин.

Бача – афганский мужчина.

БТР – бронетранспортер.

«Муха» – одноразовый гранатомет РПГ-18, РПГ-22.

«Василек» – 82-мм автоматический миномет, транспортируемый на автомобиле или МТЛБ.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. «СМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ»	5
Глава 2. ПРОГУЛКА ПО ЛЕДНИКУ	21
Глава 3. РАЗВЛЕЧЕНИЯ	35
Глава 4. «ОХОТА» НА ЕЖЕЙ	53
Глава 5. ГЕРОИ НЕ ГИБНУТ ТОЛЬКО В КИНО	65
Глава 6. ЛУННАЯ РАДУГА	85
Глава 7. КРЕПОСТЬ АЛИХЕЙЛЬ	107
Глава 8. УПАЛА ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА	131
Глава 9. ТЕПЛОВОЙ УДАР	147
Глава 10. БОЙ ПОД ТАЛУКАНОМ	177
Глава 11. МЕСЯЦ «КОПЧЕНИЯ» НА СОЛНЦЕ	189
Глава 12. ЗВЕЗДНЫЙ ДОЖДЬ	215

реклама

реклама

реклама

выходные данные